

Отдаться ректору или умереть

Анна Мичи, Матильда Старр

Глава 1

Как же тут холодно. И темно – не видно ни зги. Но меня колотит мелкой дрожью не только из-за ночной прохлады, но еще и от страха, жуткого, ледящего душу страха. Я лежу на свежей разрытой земле, ощущая спиной каждый бугорок, каждый комочек, каждую песчинку.

Судя по ощущениям, из одежды на мне нет ни единой ниточки, но это не точно. Посмотреть на себя я не могу, вообще не могу пошевелиться, словно все тело обвязано невидимыми путами.

И голоса, нервные, почти мальчишеские, долетают до меня будто бы издалека.

– Значит так, поразить мертвое ножом прямо в сердце. Саймон, держи кинжал.

– А что сразу Саймон? И где там у мертвья сердце?

– Парни, что-то тут не так. Какая-то она слишком живая и совсем на мертвое не похожа... – То, что говорит этот голос, нравится мне куда больше.

Я изо всех сил кричу:

– Да, да! Я живая!

Но из горла вырывается только еле слышный шепот. Меня явно не слышат.

– А на что, по-твоему, она похожа? Мы ее только что из могилы подняли, – спорит с «хорошим» голосом другой, ужасно неприятный.

– Живая! – снова кричу я, и снова меня не слышно.

Если это кошмарный сон, то ему пора закончиться.

– Давайте быстрее, пока кладбищенский сторож не явился, и вообще, вы теорию сдать хотите? Ну так и не нойте. Саймон, бери нож. Мэсси, читай заклинания. У меня уже угли остывают.

Еще и угли!

– А-а-а-а! – я больше не пыталась сказать что-то осмысленное, а просто орала. Но получалось по-прежнему почти беззвучно.

– Не нравится она мне, – снова прозвучал «хороший», сомневающийся голос.

– Конечно, не нравится, это мертвое! Кому оно вообще может нравиться?

А вот сейчас обидно было. Хоть, бог свидетель, я точно не хотела им нравиться.

– Да нет же, наоборот. Хорошенькая. И тело такое... свежее. Грудь вон как торчит.

– А Катрина, похоже, давно не пускала тебя в свою комнату, раз тебе мертвое – хорошенькое.

Все дружно заржали.

– Тихо! Саймон, ты готов?

– Да, готов, сейчас...

Понятные слова стихли, их сменило монотонное и непонятное бормотание. А в следующий момент моей груди коснулся колючий холод, словно к ней и вправду приставили нож.

Мамочки, только не это! Кажется, хуже быть уже не может. Я вспомнила про остывающие угли. Или может?

– Что здесь происходит? – раздался низкий голос тоже откуда-то издалека.

Холод лезвия тотчас же исчез, а голоса, которые только что деловито обсуждали, как попасть мне ножом в сердце, вдруг сделались жалкими и испуганными.

– Простите, магистр Дарквиль, мы ничего такого...

– Заклинание. Ну то есть... на удачу.

– Вроде как «халява, приди», студенческая традиция, – бормотали они невнятно.

Ничего себе «халява, приди»! Ничего себе студенческая традиция! Мы вон с зачеткой у окна общаги стояли и ножами в живых людей не тыкали.

Голос, который показался мне приятным, сейчас был полон металла.

– Немедленно убирайтесь! Чтобы через секунду я вас тут не видел. Завтра все ко мне в кабинет!

– Да, магистр, простите, магистр... – послушно забормотали эти.

– Но магистр, – кто-то, кажется, осмелился возразить. – Умертвие...

Ага, вспомнили, значит, и про меня, чертовы халявщики.

– Умертвие я сам упокою, – строго сказал мужчина.

Я в отчаянии застонала. От слова «упокою» ничего хорошего ожидать не приходилось. Вот тебе и приятный мужчина! Я сделала еще одну попытку заорать.

– Я живая! Я никакое не умертвие, черт вас всех побери! – почти беззвучно верещала я, не слишком надеясь, что меня все-таки услышат.

– Что? – растерянно отозвался мужчина.

Неужели?! Это он мне? Я не могла поверить своей удаче.

– Я... живая, – снова просипела я. – Отпустите меня, пожалуйста.

– Мерлинова борода! – пробормотал мужчина и опустил ко мне.

Перед глазами на мгновение мелькнул чёткий, словно выточенный из камня, профиль. Длинный крупный нос, аристократично презрительный изгиб верхней губы... и острый взгляд человека, привыкшего повелевать.

– Это не умертвие, – он явно не обращался к малолетним нарушителям кладбищенского спокойствия, а бормотал себе под нос.

Судя по звучному топоту, мои мучители улепетывали с кладбища очень быстро.

– Леди, вы живы?

Я почувствовала, как крепкие руки скользнули по моему телу сверху вниз, и в следующее мгновение путы словно бы упали. Я снова могла шевелиться.

– Леди, вы меня слышите? – тревожно спрашивал он.

– Да! – изо всех сил крикнула я, и на этот раз голос прорезался.

Мое «да» эхом разнесло по округе.

– Тысяча могил, – пробормотал он себе под нос, а вслух сказал: – Я помогу вам, держитесь.

Он подхватил меня легко, словно пушинку, я почувствовала, как теплая и мягкая ткань окутывает тело.

– Только держитесь, – говорил он обеспокоенно.

То ли от этих его слов, то ли из-за всей этой идиотской и жуткой ситуации я поняла, что держаться больше не могу. Силы оставляют меня, а сознание уплывает куда-то в темноту.

Глава 2

В следующий раз я открыла глаза уже точно в помещении. Мне было тепло, пожалуй, даже слишком.

Я осмотрелась по сторонам: довольно просторная комната, похожая на роскошный гостиничный номер. Тёмно-бордовые обои с узором чуть посветлее, золотисто-бежевый потолок, тяжелые бархатные портьеры, плотно занавешенные, так что не поймёшь, день снаружи или ночь. На тумбочке рядом с кроватью большая жёлтая лампа.

Неподалёку от кровати камин, в нём пылает огонь. Выше мраморная полка с разными вещами и даже, кажется, фотографиями, отсюда не разглядишь. А над полкой – большое зеркало с закругленными углами, и в этом зеркале отражается бордово-винный балдахин.

Под этим самым балдахином я и лежу – на широкой кровати, укрытая теплым одеялом.

Вообще-то нет, двумя теплыми одеялами, а возможно, и тремя.

Я еще раз вернулась взглядом к камину. Огонь в нем был какой-то ненастоящий, слишком ровный. Он не потрескивал, от него не летели искры, а вот жар чувствовался.

Откуда-то доносились голоса – достаточно громкие, чтобы я могла разобрать слова. Один – звенящий и взволнованный – явно принадлежал молодому человеку.

– Да кто она такая?! Откуда вообще взялась? Эти идиоты хотя бы понимают, что натворили?

– Сомневаюсь. Они уверены, что оживили умертвые. На самом деле ее выдернули из иного мира. Энергетический контур у неё совсем другой, у нас такие попросту невозможны.

Молодой голос охнул:

– Магистр Дарквиль... это же... если об этом узнает Совет...

– Молодым идиотам светит не сессия, а пожизненное заключение. Если не казнь. Да и девушку ничего хорошего не ждет. Необходимо вернуть ее назад, да поскорее. Связь с ее миром становится тоньше с каждой минутой. Ты подготовил все для ритуала?

– Да, но... это опасно, магистр! Вы должны позволить мне ассистировать.

– Нет.

Это прозвучало так жестко и безапелляционно, что я поежилась. Казалось, разговор на этом окончен, но, похоже, неизвестный мне молодой человек имел кое-какой иммунитет против безапелляционных «нет».

– Но, магистр, – начал он виноватым тоном, – в таких случаях обязательно присутствие двоих магов, чтобы успешно завершить ритуал, если что-то пойдёт не так. А вдруг с вами что-то случится? Вы же сами знаете, техника безопасности...

– Ты собираешься спорить со мной, Алекс?

Пауза. Наконец Алекс неохотно выдавил:

– Ни в коем случае, магистр Дарквиль.

Где-то там хлопнула дверь, а затем раздались шаги, тяжелые и уверенные. Я торопливо закрыла глаза и откинулась на подушки, сделала вид, что все еще лежу в отключке, а не подслушиваю разговоры, не предназначенные для моих ушей.

– Не притворяйтесь, леди! А если притворяетесь, хотя бы научитесь имитировать дыхание спящего человека. Вы слишком взволнованы, и сердце бьется часто.

От густого тяжелого голоса я вся покрылась непрошеными мурашками. Пожалуй, и вправду нет смысла валять дурака, когда тебя раскусили. Я приподнялась на подушках и нашла в себе силы и смелость взглянуть мужчине прямо в глаза.

Ох, лучше бы не глядела.

Меня бросило в жар: настолько беспомощной и беззащитной я себя давно не чувствовала. Причём он не делал для этого ничего – просто возвышался посреди комнаты, свободно опустив руки в коротких бархатных перчатках.

Я никогда не видела человека, настолько переполненного внутренней силой. Она изливалась из него – в интонациях, в скупой мимике, в уверенных точных движениях, даже в королевской осанке.

Собравшись с духом, я пролепетала:

– Благодарю вас, магистр.

Теперь он посмотрел на меня с искренним интересом, граничащим с удивлением.

– Вы спасли мне жизнь, – ответила я на незаданный вопрос. – Там, на кладбище.

Он отмахнулся:

– Поверьте, леди, еще далеко не факт, что этим я оказал вам услугу.

Вот как? Звучит не слишком обнадеживающе, особенно если учитывать, что здесь запланирован какой-то опасный ритуал.

– Назовите ваше имя, – строго потребовал он.

– Вика... Виктория.

– Хорошо, – сказал он. – Сейчас я попытаюсь вернуть вас домой, предупреждаю, это будет трудно, болезненно, опасно и, наконец, вполне вероятно, что совершенно бесполезно. Для того чтобы мы приступили, мне требуется ваше добровольное согласие.

Болезненно, опасно и при этом бесполезно? Отличное сочетание, надо брать! Особенно если учитывать, что альтернатива явно хуже. Судя по обрывкам подслушанного разговора, ничего хорошего пришилицу из другого мира здесь не ждет.

– Я согласна, – твердо ответила я.

– Тогда вам следует пойти со мной.

– Пойти?

Наверное, не следовало переспрашивать. Впервые за все это время я увидела, как его губы изобразили нечто похожее на улыбку.

– Я могу понять ваше желание как можно дольше оставаться в моей постели, но важные ритуалы в ней точно не проводятся.

То, как он это сказал, было невероятно вызывающе. Мои щеки вспыхнули, и на смену благодарности быстро пришло другое чувство, куда менее симпатичное. Адское смущение.

– Куда нужно идти? – Я рывком избавилась от одеял и села на кровати, готовая незамедлительно ее покинуть.

И только после обнаружила, что совершенно обнажена.

– Ой! – Мой смущенный возглас разнесся по всей комнате.

Кровь кинулась в лицо, и я запылала не хуже камина. Поспешно подтянула край ткани обратно к груди и с трудом подавила желание с головой нырнуть в душную тесноту постели.

Какой позор! Он всё увидел!

Хотя стоп, Вика, – он уже всё видел!

Это ведь он притащил меня сюда с кладбища – или куда там меня призвали местные двоечники.

И ещё хорошо, если помыл перед тем, как запихнуть в кровать, потому что мысль о червячках, букашках и личинках, которые могли плотно на мне поселиться, вызывала ужас.

Впрочем, мысль о том, как магистр собственной персоной меня моет, вызывала ужас не меньший.

Пожалуй, обойдусь без выяснения всех этих подробностей. Наверное, я просто не успела запачкаться. Да, именно так. И никаких воспоминаний о свежеразрытой земле под моей спиной, никаких, я сказала!

– Леди?

Подчёркнуто невозмутимое обращение утихомирило карусель в моей голове. Я подняла глаза и обнаружила, что магистр протягивает мне пушистый чёрный халат. Не похоже было, что моя нагота хоть как-то его затронула. Магистр оставался бесстрастен и холоден, как каменный истукан с острова Пасха. Ещё и любезно отвернулся, убедившись, что я взяла предложенное.

Пока я вылезала из кровати, накидывала и подвязывала халат – он оказался огромным, аж до пяток, – что-то недовольное глубоко внутри бурчало: «А ты чего хотела? Он же не подросток, впервые увидевший обнаженную девушку, а взрослый мужчина!» Да-да. И очень уверенный в себе. Явно облеченный властью. Вряд ли кровать, в которую гостеприимно поместили мое бесчувственное тело, часто пустовала...

Стоп! Почему я вообще об этом думаю? Какое мне дело до его личной жизни...

– Идемте, – нетерпеливо подогнал меня магистр. – У нас мало времени.

Мы – он быстрым упругим шагом, я торопливо и вприпрыжку, чтобы успеть за ним, – пересекли просторную гостиную, где тоже пылал камин, преодолели небольшой коридор и остановились перед свисающей до

пола черной портьерой.

За портьерой оказалась дверь, а на двери, отвечая жесту магистра, засияли огненные знаки. Магия...

Внутри царила кромешная тьма. Но через мгновение зрение то ли перестроилось, то ли что-то произошло: я увидела мерцающие светлячки на длинных тонких лучинах и выписанные золотым линии на полу.

Магистр прошёл вглубь. Дверь за моей спиной захлопнулась сама по себе, заставив меня вздрогнуть. Невольно по обнажённой под халатом коже побежали ледяные мурашки.

– Снимайте халат и становитесь в середину. Вот сюда.

– 3-зачем? – пискнула я беспомощно.

Опять раздеваться?! Я только-только успела сжиться с этим халатом, можно сказать, он стал моей второй кожей – нет-нет-нет, не могу.

Я мяла пальцами теплый мохнатый ворот и никак не решалась выполнить недвусмысленный приказ.

Магистр обернулся. Красноречиво вздернул бровь. Пробуравил взглядом мое несчастное лицо... и, кажется, немного смягчился. По крайней мере, следующая его фраза прозвучала как объяснение:

– Я не могу отправить вас назад в своем халате. Нет, мне не жалко, но вы должны уходить в том же виде, в котором пришли. А пришли вы, смею напомнить, в своём первозданном облике.

Душная волна залила лицо. Он так выделил насмешливой интонацией последние слова, что мне ярко представилось, как он рассматривает мой «первозданный облик» и сокрушенно покачивает головой, как преподаватель на экзамене, готовый поставить за это не больше тройки.

Но делать было нечего. Немигающими пальцами развязала халат, стянула с плеч и замерла в нерешительности, не зная, куда его деть. Куда девать собственные глаза, я тоже не знала и потупилась, чувствуя, как полыхает лицо. Спокойно, Вика, представь, что ты на приёме у терапевта. Там ведь тоже надо раздеваться, и это ничего такого не значит.

Только я ещё никогда не была на приёме у мужчины-терапевта!

– Дайте мне, – сказал магистр и протянул руку.

Его горячие пальцы скользнули по моим. От неожиданности я вздрогнула и пошатнулась, но все же послушно отдала халат. Он тотчас же исчез, а магистр снова появился из темноты и протянул мне кубок.

– Вы слишком слабы. По-хорошему с ритуалом нужно было подождать несколько дней, но у нас нет этих нескольких дней. Пейте, – приказал он. – Это поддержит ваши силы.

Краем сознания я еще отмечала, что это совершеннейшее безумие – пить какую-то неизвестную и подозрительную гадость, которую предлагает незнакомый и подозрительный мужчина. Но у меня даже мысли не возникло послушаться. Вряд ли там яд. Если бы он собирался меня отравить, не стал бы столько со мной возиться.

Я приняла чашу и сделала несколько глотков. Как ни странно, вкус был совершенно приличным, чем-то похож на бальзам на травах. Явно чувствовалось что-то мятное, и терпкое, и сладкое... А еще – лекарственная горечь. Даже если это яд, то на вкус он довольно приятный. Я осушила чашу полностью.

И магистр забрал ее из моих рук. Как ни странно, теперь я чувствовала себя значительно лучше. Слабость исчезла, казалось, я переполнена энергией. Ни голода, ни жажды, ни усталости. Напротив, хотелось двигаться, куда-то бежать, танцевать – на худой конец сошло бы и двухчасовое занятие фитнесом.

– Прекратите ерзать, встаньте ровно, – одернул меня магистр. Я обернулась на голос и вздрогнула.

На меня смотрели черные провалы глаз на жутком белом лице. Это лицо неподвижно висело в воздухе. В следующее мгновение я поняла, что испугалась зря. Это просто маска! И, что висит в воздухе, тоже показалось. Просто магистр был завернут в черную мантию.

К счастью, я удержала вскрик и тем самым наверняка избежала очередного приказа «не ерзать».

В следующее мгновение комната наполнилась тихими звуками – речитатив, незнакомые слова, чем-то похожие на то бормотание, что я уже слышала на кладбище. Но в исполнении магистра это звучало так зловеще, что я похолодела.

Нет, это не я похолодела. Это в маленькой комнатухе каким-то удивительным образом поднялся холодный ветер. Огни мерцали, речитатив заклинания становился все громче и звучал все жестче. Сейчас от неизвестных слов, которые выкрикивал магистр, кровь стыла в жилах, словно каждое слово обретало вес и осязаемость. В мою кожу будто вонзились тысячи тонких ледяных стрел...

Ох! Не знаю, насколько это трудно и опасно, но точно – болезненно.

Глава 3

Ветер становился сильнее и холоднее, а уколы все ощущимее. Мне приходилось прилагать усилия, чтобы неподвижно стоять там, где меня

поставили. Тело было натянуто как струна, словно бы какая-то неведомая сила вытягивала меня за макушку.

Они тут что, так и не додумались до такой простой штуки, как наркоз? Хотя наверняка додумались. Сюда-то я попала легко и безболезненно. Легла спать в своей кровати, а глаза открыла в разрытой могиле.

Наверняка этот магистр, или кто он там, нарочно так издевается. Ох, очередная тонкая ледяная игла уколола прямо под коленку. Моя нога подогнулась, и я, чтобы устоять на ногах, сделала пару шагов по холодному полу.

– Ой, простите, я нечаянно, – забормотала я в темноту и попыталась вернуться на место.

Но не тут-то было. Вихрь, который бушевал в комнате, равномерно двигаясь по кругу, теперь, казалось, совсем сошел с ума и начал беспорядочно мотаться от стенки к стенке, становясь все сильнее.

Несколько мгновений – и вот уже меня подхватило потоком, закружило и тяжело швырнуло на что-то твердое и холодное. Я охнула от боли. Все как должно быть и я отправилась домой? Или же что-то пошло не так?..

Это была последняя мысль, перед тем как силы стали меня покидать.

Первое, что я почувствовала, когда очнулась, это тяжесть. Меня словно привалило сверху чем-то массивным и, кажется, горячим. Куда более горячим, чем ледяной пол под моей спиной. Я открыла глаза и заорала от ужаса. Прямо передо мной было уродливое белое лицо с пустыми черными глазами, вернее, вообще без глаз.

Фу ты, черт!

Это же все та же маска, что была на магистре...

А массивный предмет, придавивший меня, – это, похоже, и есть магистр. Ой, мамочки! Что произошло?

Мой крик заставил его прийти в себя. Магистр глубоко вздохнул, при этом тяжесть стала еще ощутимее. Я пискнула, испугавшись, что он совсем меня задавит, и он дернулся в сторону, как будто только сейчас понял, что лежит на мне. Откатился и с явным трудом сел, стащил маску, открывая хмурое лицо. Потёр ладонью лоб и болезненно зажмурился.

– Ничего не вышло? – пробормотала я совершеннейшую глупость.

Разумеется, не вышло. Если только в моем мире нет точно такой же темной комнаты с точно таким же мужчиной в маске и плаще. А ничего такого там нет!

Он не ответил. Вместо этого устало вздохнул и протянул мне руку.

Я приняла ее, села и только тут сообразила, что по-прежнему обнажена. Ох. Руки дернулись прикрыть грудь, но я заставила себя успокоиться.

Некоторое время мы молча смотрели друг на друга, как две запертые в клетку мыши. Или кот и мышка... Он – в одной тонкой мантии, я – вообще без ничего. Потом взгляд магистра опустился ниже, коснулся – клянусь, я почти ощутила это физически – затвердевшего от холода соска... и магистр снова шумно выдохнул и поспешно отвернулся.

Я тоже в панике отвернулась и не выдержала, обняла ладонями грудь, будто в попытке защититься. Не то чтобы я всерьез боялась, что магистр набросится на меня или произойдет ещё что-то в таком духе, но... он как-то внезапно из безразличного терапевта превратился в мужчину с совершенно явственным мужским интересом, и это... ужасно смущало.

Наверное, мне всё показалось. Да, именно так.

Не успела я прийти в себя, как сильные руки подняли меня с пола, а на плечи опустился тот самый мягкий халат. Я завернулась в него так быстро, что удивилась: не ожидала от себя такой прыти. Только что мне казалось, что я и мизинцем пошевелить не могу.

– Пойдемте, вам нужно отдохнуть, – сказал магистр все так же невозмутимо.

Я замотала головой. Только сейчас на меня обрушилось понимание: ритуал нарушен, я по-прежнему в этом мире, возвращение откладывается... если вообще не отменяется навсегда.

– Нет, нет... я же ещё здесь. Давайте попробуем еще раз. Ну пожалуйста! Мне очень, очень надо домой!

Я упрашивала его, сама чувствуя, как жалко и глупо всё это звучит. Но ведь он не может не понимать: мне здесь не место. Он сам говорил, здесь меня не ждёт ничего хорошего. А там, дома, меня как раз ждут – и папа, и мама, и бабушка, и Антошка...

К горлу подкатывали рыдания, готовые вот-вот обрушиться водопадом.

– Леди. – Магистр выступил откуда-то из темноты. К счастью, он, кажется, успел одеться, под темной мантией проглядывала белая ткань рубашки. Но я не обнаружила следов сочувствия на его лице. – Вы останетесь здесь. Возможно, мне удастся отыскать дорогу к вашему миру, но обещать этого я не могу. Дело даже не в том, что задача сложна, а в том, что до сих пор с нею никто не сталкивался. Поэтому сейчас вам следует взять себя в руки и научиться жить здесь, в этом мире.

Научиться жить в этом мире!

Я снова пошатнулась. Все-таки на ногах я стояла совсем нетвердо. Его слова звучали как приговор. И слабая надежда только усиливала ощущение обреченности.

«Возможно, мне удастся...»

А возможно, и нет. А мне теперь придётся как-то учиться жить в этом мире – без семьи, без денег, без знаний. Да легче сразу под поезд прыгнуть! Или тут нет поездов? Тогда под карету!

– Но как же? – Я собрала все силы в последней попытке воспротивиться. – Что случилось? Ведь вы обещали, что всё будет хорошо!

Неправда: ничего он не обещал. Как раз напротив, сказал, что, возможно, всё окажется бесполезным. Но сейчас логика не была моим сильным местом.

Магистр помолчал, пристально рассматривая меня, словно решался, сказать или нет. Наконец произнёс:

– Двигаться во время ритуала нельзя.

Я ахнула, вспомнив, как подломилась нога и мне пришлось сойти с места. Так ритуал нарушился по моей вине? И я сама... вернее, мое собственное тело предательски помешало мне вернуться?!

Магистр продолжал:

– Вы просто не должны были двинуться по своей воле, я вас удерживал. Но почему-то вы смогли. Я должен выяснить почему. Ради всего святого, только не надо плакать, – это прозвучало почти раздраженно. – Заверяю вас, что прямо сейчас вам ничто не угрожает.

Ничего не угрожает? Что-то я в этом не уверена.

Глава 4

Мы с магистром молча (я – слегка всхлипывая) пересекли его апартаменты в обратном порядке. Я думала, он отведет меня в спальню, но нет – магистр завёл меня в помещение, которое, по всей видимости, было его кабинетом.

Там царил идеальная чистота. Аккуратно присобранные шторы, массивные шкафы с книгами, расставленными, кажется, цвет к цвету, корешок к корешку. Широкий стол с принадлежностями для письма, а за ним высокое кресло.

И в стороне два других кресла, поменьше, видимо, для посетителей, а между ними небольшой столик.

– Сядьте. Прежде всего вам следует подкрепиться.

Магистр указал мне на кресло. Я опустилась на мягкое сиденье, огляделась по сторонам и не увидела ничего такого, чем можно было не

то что подкрепиться, но хотя бы легонько перекусить. Он ведь не думает, что я жук-короед и в состоянии полакомиться деревянным столиком?

Но мои сомнения разрешились довольно быстро. Спустя пару минут на пороге появился светловолосый молодой человек, бросил на меня взгляд и тут же смущенно его отвел.

Мне тоже захотелось отвести взгляд. Я представила, как я выгляжу: всклокоченное, зарёванное нечто в халате с чужого плеча. Попыталась пригладить волосы, но, по-моему, не особенно преуспела.

Почему-то находиться в таком виде перед моим, судя по облику, ровесником было ещё стыднее, чем перед магистром.

– Это Алекс, мой помощник. Виктория – наша гостья. Алекс, раздобудь для нашей гостьи еду и одежду. Виктория у нас задержится.

На лице Алекса отразилась целая гамма чувств, мне даже показалось, что сейчас он, по своему обыкновению, начнет спорить с магистром. Или, к примеру, предложит отнести меня туда, откуда взяли, и закопать на место. А что, это бы запросто решило все проблемы. Я вздохнула, неожиданно поняв, что и мои проблемы тоже.

Но, видимо, спорить с начальством при посторонних Алексу было категорически запрещено, поэтому, не затягивая паузы, он ответил:

– Сию минуту, магистр Дарквиль.

Через мгновение я осталась в кабинете одна. Магистр тоже вышел. Возможно, у него были какие-то свои дела, а может, просто не хотел отвечать на мои вопросы...

Я всё же встала и попыталась найти зеркало. С зеркалом не повезло, но облицовка книжных шкафов была отполирована так чисто, что я без труда разглядела в отражении собственную физиономию.

И ничего не всклокоченная, так, легкий беспорядок в волосах, который я тут же исправила. И даже не зареванная – глаза, конечно, подозрительно блестят, веки и губы припухли, на щеках румянец, но, в принципе, мне даже идет. Успокоившись насчет своего вида, я поспешно юркнула обратно в кресло.

Вскоре вернулся Алекс. В руках у него был поднос с дымящимися горшочками и тарелками.

Ничего себе! Или кухня находится в двух шагах, или он наколдовал эту еду. А что? Ритуалы, умертвия, заклинания и прочая мистическая фигня... Я не удивлюсь, если тут такое возможно.

Алекс с грохотом брякнул поднос на столик передо мной, горшочки и тарелочки жалобно зазвенели. Я хотела было возмутиться: осторожнее надо! – но выражение лица Алекса меня остановило. Он смотрел на меня так, словно с радостью поставил бы поднос не на столик, а мне на

голову. Открыл было рот, явно собираясь что-то сказать, но тут дверь распахнулась, и он поспешно отскочил и от столика, и от меня.

В комнату вошел магистр. Теперь он был без мантии, ее сменили рубашка и пиджак, на ногах были форменные брюки. Такую одежду вполне могли бы носить и у нас. Ну или держать в каком-нибудь музее старинной моды.

– Полагаю, мисс Викторию следует зачислить на подготовительный факультет и определить в общежитие. Комнату выделить отдельную, чтобы свести к минимуму ее общение с другими студентами.

Чем дальше говорил магистр, тем сильнее вытягивалось лицо его помощника.

– Но, магистр, – осмелился возразить тот, – это ведь опасно. Могут пойти разговоры...

– Ничуть не более опасно, чем выпускать ее в мир без элементарных знаний о том, как здесь все устроено. Что же касается разговоров... Они пойдут куда быстрее, когда выяснится, что в апартаментах ректора поселилась юная леди.

Я молча уплетала еду (к счастью, она оказалась вполне привычной, несколько видов каш, салатика, маленькие булочки, джем и чай) и не вмешивалась в разговор. Лишь мотала на ус услышанное. Ректор... Ну что ж, я не удивлена. Хотя больше похож на императора.

– Но эта девушка... Совет... если она хоть кому-нибудь скажет хоть слово...

Он смотрел на меня так, будто я была миной замедленного действия. И тут... не знаю, что со мной стряслось, наверное, стресс и всё такое, но – я вдруг мило улыбнулась и послала ему воздушный поцелуй.

Никогда не видела, чтобы люди так стремительно краснели. Всё лицо и шея Алекса покрылись равномерной темно-розовой краской, он схватил ртом воздух и закашлялся, бестолково схватился за узел галстука, дёрнул его, словно пытался избавиться от удавки. Поспешно отвернулся, пряча взгляд.

Они что тут, девушек не встречали?

Ему повезло, что магистр в этот момент стоял к нам спиной и этого не видел.

– Она не скажет, – послышался тяжелый голос. – Леди... Виктория, – магистр повернулся, – должен вас предупредить. Ваше пребывание здесь незаконно. С точки зрения Совета, вы – призванная, бесправное существо, нечто вроде демона, саламандры или сильфа. Вас можно разобрать на составляющие, использовать в качестве усиливающих зелья декоктов или попросту развеять. Вы понимаете? В ваших интересах, чтобы никто не узнал о том, что вы нездешняя.

Булочка встала в горле комом. Я с трудом протолкнула её дальше. Разберут на запчасти! Вернее, на составляющие для... декоктов, что бы это ни значило. Даже не уверена, что это лучше казни, которая грозит призвавшим меня студентам.

– Но, магистр Дарквиль! – отчаянно взвыл Алекс. – Разве она сможет? Она же тут ничего не знает! Она вести себя не умеет! Она... она берёт булочку руками!

Я отдернула уже хищно протянувшиеся к последней булочке пальцы. И правда, рядом с блюдцем лежала изящная золотая вилочка. Пф-ф, подумаешь! Сказали бы сразу.

Я насадила булочку на вилку и задумчиво повертела в воздухе, но со стороны Алекса почему-то раздался глухой стон отчаяния.

– Вы должны сначала разрезать булочку ножом, – любезно подсказал магистр. – Обмакнуть в джем и есть вилкой маленькими кусочками. – И без перехода, обращаясь к Алексу, продолжил: – Всё это не беда. В результате несчастного случая бедняжка потеряла память.

– Какого несчастного случая? – В голосе Алекса слышалось уже не отчаяние – самая настоящая обреченность.

Магистр лишь пожал плечами:

– Придумайте подходящую легенду, Алекс. Доверяю это вам. При необходимости возьмите консультацию в целительском корпусе.

В дверь постучали. На пороге появилась пожилая женщина в длинном мешковатом платье. Алекс тут же скользнул за дверь, а через мгновение вернулся с увесистым свертком.

– Вот одежда для леди, – отрапортовал он магистру, не глядя в мою сторону.

– Отлично, на сегодня вы можете быть свободны. Этой ночью я еще понаблюдаю за нашей гостьей, а утром она отправится в свою комнату. Распорядитесь, чтобы все было готово.

Он уже уходил, когда ректор сказал:

– Минутку!

Помощник обернулся в дверях. Магистр забрал со столика поднос и сунул ему в руки.

– Это стоит унести.

Я даже могла бы возмутиться: что за манера вырывать еду чуть ли не изо рта? Только вот еды на подносе уже не было. Я уничтожила всю.

Глава 5

Оставшись наедине с магистром, я снова почувствовала неловкость. А вот он – явно нет, будто и не оставлял меня у себя в апартаментах на ночь.

– Как вы себя чувствуете? – спросил он деловито и бесстрастно, словно и правда был терапевтом, у которого я оказалась на приеме.

Я прислушалась к себе. Прежде всего, я чувствовала себя сытой. Как удав, который съел слона. Странно, а вроде бы поклевала буквально как птичка. Впрочем, вряд ли магистр спрашивает именно об этом.

Вроде бы все было неплохо, даже ничего не болело, хотя после падения на пол такое вполне могло быть. Только голова немного кружилась, и ещё совсем не хотелось двигаться, словно слабость какая-то нахлынула. Наверное, эта слабость называется обжорство.

– Хорошо себя чувствую, – ответила я. Вспомнила недавний разговор и поспешно добавила: – Для человека, которого могут использовать для опытов, – так и вообще великолепно!

Сарказм случился непреднамеренно. Я собиралась быть невозмутимой, как глыба льда. Как истукан с острова Пасхи, стоящий передо мной. Но что-то у меня не очень получалось. Наверное, необходима практика.

Магистр и бровью не повёл.

– Пока что вам не стоит этого опасаться, – сказал он.

Пока что! А потом, значит... а потом, значит, запчасти, дедокты... декокты...

Конечно, магистру-то что, его на дедукты никто не разберёт. И права не отнимет. А вот у меня, кажется, проблемы.

Видимо, эти мысли слишком явно отразились у меня на лице, потому что он поспешил добавить:

– Вам не следует беспокоиться. Ваше происхождение останется в тайне.

– Но вы сами говорили, что у меня энергетический контур как из другого мира, что это не перепутаешь...

Он бросил на меня укоризненный взгляд. Ох, точно, про контур – это ведь он не мне говорил, а своему помощнику Алексу. А я бессовестно подслушала. Но стыдно мне вовсе не было.

Ректор отмахнулся, словно бы то, о чем я говорила, было совсем неважно.

– Эту разницу можно скрыть простейшим артефактом. Но меня тревожит кое-что иное...

Он смотрел на меня с явным беспокойством, так, будто у меня выросли рога или нимб. Во всяком случае, его взгляд был направлен именно туда, чуть выше головы.

– Что не так? – Его беспокойство передалось и мне.

– Ваша аура. – Он вдруг оказался рядом.

Я вздрогнула и инстинктивно отстранилась. Если бы не сидела в кресле, наверное, вообще попятилась бы от него в угол, настолько его энергетика подавляла. Или энергетика ни при чём, а всё дело в том, что он просто крупный сильный мужчина, который может сделать со мной всё, что захочет?

При этой мысли меня бросило в жар, а тело словно прострелили маленькие электрические разряды.

– Не бойтесь, я не причиню вам вреда.

Ох, эта фраза, произнесенная густым спокойным голосом, подстегнула моё воображение ещё сильнее. Так и представилось, как он берёт одной своей ладонью оба моих запястья, заводит их мне за голову и... причиняет... причиняет... что-нибудь ужасное. А я вся замерла, не в состоянии ни кричать, ни вырваться, и только кусаю губы, беспомощная, незащищенная... полностью в его власти.

Тем временем магистр, к счастью, совершенно не подозревая, что творится в моем безумном мозгу, опустился перед креслом на колени. Почему-то при виде его бесстрастного лица не где-то там, в облаках, а здесь, чуть ниже моего собственного, я засмущалась ещё больше. А заодно впилась в него жадным взглядом.

У магистра были широкие темные брови, почти идеально прямые и очень низкие, так, что глаза смотрели как будто из черного колодца. Зато глаза оказались светлее, чем я думала, – не черные или карие, а серо-синие, как грозовое небо. Нос – крупный, довольно широкий, с едва заметной горбинкой. А губы...

А на губы я посмотреть не осмелилась. Так, задела их краем взгляда – и от одного этого уже сердце затрепетало так, что захотелось прижать его руками, как бы не вырвалось. Так что пришлось смотреть куда угодно: на белый воротничок рубашки, на край пиджака, на широкую мощную шею... ой нет, туда лучше тоже не смотреть, мало ли что.

Магистр тем временем прощупывал мою голову, как заправский массажист. Провел горячими, чуть шершавыми пальцами по скулам, нажал на какие-то точки на лбу, осторожно их помассировал. Потом двинулся ниже, запустил руки мне в волосы, начал трогать затылок.

От его прикосновений по телу разливалось блаженное тепло, шли волны какого-то успокаивающего гипноза. Мне захотелось качнуться вперед, уткнуться лицом в белую рубашку и замереть так, пока магистр что-то делает с моим телом. Будь я кошкой, уже мурлыкала бы от удовольствия и впивалась бы в него когтями.

От головы магистр перешёл к шее, заставил меня полупречь на спинку кресла, задрал голову. Так я не видела, что он делает, и ощущения стали еще острее. Шея... плечи, ключицы... грудь. Он, конечно, не позволил себе ничего лишнего, но несносное воображение так и

подкидывало идейки о том, в каком месте он коснётся меня в следующий раз.

Когда осмотр был окончен, я превратилась в расслабленное желе. В кисель без проблеска мысли и какой-либо формы. Этот жуткий... (жутко приятный) осмотр будто окончательно лишил меня сил. Я даже зевнула, хотя только что спать совсем не хотелось.

– Пойдемте, – магистр поднялся сам и протянул мне руку.

Я расслабленно ухватилась за неё и в один миг оказалась на ногах. Не тут-то было. Желе не подходило для таких упражнений и тут же сделало попытку расползтись. Ноги поехали, мир покачнулся...

– Опа... – выдохнула я в плечо магистра, поймавшего меня за доли секунды до того, как мое лицо встретилось с ковром. – Спасибо.

И снова мы идем по коридору, вернее, магистр идёт, я лежу... удобно устроившись в его руках и даже не испытывая по этому поводу никакого смущения. И наконец оказываемся в той самой спальне, в которой я очнулась сегодня.

Магистр бережно положил меня на кровать и указал на дверь за тяжелой портьерой.

– Вы будете ночевать в этой комнате. Уборная и ванная там. Если что-то понадобится, я рядом, за стенкой, в гостиной.

Наверное, мои мозги, как и всё тело, тоже сейчас были полным и бесповоротным желе, потому что я только тут заметила, что магистр не на шутку обеспокоен. Это было прямо видно: на утесе его лица словно остановилась грозовая туча.

Ну... или мне всё показалось, и это была вовсе не грозовая туча, а желание наконец избавиться от меня и пойти поспать. Но я всё же спросила:

– Что-то не так?

Я надеялась, он, как и весь день до этого, только небрежно отмахнется, мол, всё пустяки и не беда.

Но нет.

– М-м, еще рано утверждать, но... – Он помедлил, а у меня сердце ушло в пятки. – Не волнуйтесь. Я должен кое-что проверить. Очень надеюсь, что ошибаюсь. В любом случае спокойных вам снов.

От этих слов мне почему-то стало жутковато.

Глава 6

Ренмар Дарквиль, магистр Тёмных материй

Плохое предчувствие в этот день появилось с самого утра и не покидало меня до вечера. Но вроде бы все шло гладко. Обычные дела академии, уроки, занятия. Разве что небольшая стычка между доктором Ханцем, преподавателем теории магии, и мисс Лассо, преподавательницей анимагии. Они все никак не поделят дополнительные часы. Он обозвал ее склочной ведьмой, а она попыталась превратить его в жабу. К счастью, никого из студентов рядом не было, так что конфликт удалось замять.

Надеюсь, эти двое скоро сообразят, что причина того, что они не могут спокойно пройти друг мимо друга, – вовсе не дополнительные часы. Служебные романы тоже могут не слишком понравиться Совету. Но это лучше, чем непрекращающиеся склоки.

Инцидент был исчерпан. А вот паршивое предчувствие никуда не делось. Даже тогда, когда занятия закончились и студенты разошлись по общежитиям, я чувствовал, что меня все еще что-то гложет.

Я вышел на улицу подышать свежим воздухом. Прогулка по парку – лучшее средство от бессонницы. Великолепно упорядочивает мысли и успокаивает. Но не успел сделать несколько шагов, как услышал за кустами смешки и заговорщический шепот.

– Представляешь, пошли на кладбище поднимать умертвие!

– Да не может быть, их же отчислят сразу! Врешь, никто не станет так рисковать!

– Не вру, я сам слышал. Они и нож ритуальный из лаборантской стащили, и угли из котельной.

Я застыл на месте: вот оно что, не зря мне целый день было не по себе. Кто-то из наших шалопаев опять рванул на кладбище. Я бросил быстрый взгляд на луну. Если эти остолопы научились правильно высчитывать ее положение, ритуал вот-вот начнется.

До кладбища – пятнадцать минут быстрым шагом, можно не успеть. Завтра же введу правило: перед всеми важными экзаменами делать перекличку в общежитиях и запирайте двери, чтобы и мыслей таких не было! И, пожалуй, поставлю в план дополнительную лекцию по безопасности, для всех курсов.

Я летел со всех ног и все-таки чуть не опоздал. Шалопаи уже подняли умертвие и даже начали читать заклинание. Ну не идиоты ли?! Без защитных артефактов, без рун! Лоб покрылся испариной, когда я понял, что явись я на несколько минут позже, и завтра бы, возможно, мы рассылали соболезнования и извинения родственникам этих горе-некромантов.

Но главный сюрприз ожидал меня впереди, когда стайка нарушителей скрылась между деревьями так быстро, что пятки сверкали. Умертвие, которое они подняли, оказалось вовсе не умертвием, а живой девушкой. Что они делали, какие заклинания читали, где напортачили, я не знаю, но факт остается фактом: они притащили в наш мир чужачку.

Если бы Алекс был рядом, он бы наверняка наизусть прочел нужные страницы из Кодекса безопасности, чтобы убедить меня в том, что не стоит делать то, что я сейчас собираюсь.

Да я и сам знал, как надо поступить. Обезвредить её чарами, ведь предполагается, что любое призванное существо – потенциальная опасность. Посадить в клетку и информировать Совет. Они приехали бы и забрали её.

Но я ещё помню времена, когда появление человека из другого мира считалось огромной удачей для местности, в которой это случилось. Помню, когда впервые сам увидел такого призванного: у него был совершенно особенный рисунок энергетических нитей. Тогда я ещё не умел их расшифровывать, но разница пылала... и манила меня, как огонь мотылька.

Именно благодаря этой разнице, этому совершенно особенному рисунку, призванного никогда не спутаешь ни с ундиной, ни с сильфом, ни с другими элементариями.

И призванные совсем не опасны; впрочем, как и большинство элементарей. Думаю, ни для кого не секрет, что дело совсем не в потенциальной угрозе, безоговорочно опасны вообще только демоны. Корни запрещения кроются в том, что существа из других миров – безумно лакомый кусочек для наших магов, их можно пленить, заставлять работать на себя или использовать как материал. Именно для этого они и нужны сидящим в Совете магам, все указы и запрещения – лишь прикрытие.

В общем, как только я увидел её, сразу понял, что Совету ничего не сообщу.

Она лежала на разрытой могиле, полностью обнаженная, длинные темные волосы завились вокруг. Сначала я думал, что это и впрямь умертвие, и меня охватила острая жалость: такая молодая и уже погибла. Но стоило понять, что она жива, как жалость сменилась неуместным... восхищением.

Она была очень хороша собой. Невысокая, ладная, белокожая, она словно светилась на чёрной земле – фарфоровая статуэтка, прекрасная в своей незащитности. Боюсь, не вовремя взбурлившая кровь заставила меня промедлить несколько лишних секунд, прежде чем я наконец сбросил мантию и обернул обнаженное тело.

Когда я нес девушку к себе в апартаменты, под прикрытием серых чар, чтобы спрятать от посторонних глаз, то чувствовал себя так, словно

небеса подарили мне тайное сокровище. Не только потому, что девушка была хороша собой, но и потому, что она была призванной. Ведь это такая удача – настоящая призванная, путешественница между мирами! Удивительный шанс продвинуться в исследованиях. Она могла бы стать ключом ко многим тайнам.

Но это сокровище было запретным. Её необходимо было во что бы то ни стало вернуть назад. Как можно скорее.

Наш мир не слишком приветлив к чужакам. А к призванным – и тем более, их даже за людей-то теперь не считают. Судьба этой девушки предрешена, как только о ней узнает Совет. Самый надежный способ уберечь ее – отправить назад, пока ее связь с родным миром не порвалась.

Но что-то пошло не так. Она смогла вырваться из магического захвата во время ритуала. Если бы мне кто-то рассказал о таком, если бы я не видел этого своими глазами – решил бы, что меня разыгрывают.

Но это случилось. И последствия, как я теперь понимаю, уже начали проявляться.

...Я встал из-за стола, отодвинув тяжелый фолиант, и прошел в свою спальню. Виктория спала, разметав каштановые локоны по подушке, хмурилась во сне. Одеяло соскользнуло, обнажив плечо. А вокруг ее головы расплзалась черная хмарь – след смертельного проклятья. И точно такую же я теперь вижу в зеркале.

Мы оба скованы проклятьем. Слово черная нить, оно связало нас друг с другом.

Глава 7

Не знаю, сколько я проспала, но, когда открыла глаза, из-под тяжелых портьер пробивался солнечный свет. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы понять, где я, и вспомнить, как сюда попала.

Надо сказать, эти воспоминания меня совсем не порадовали. Другой мир, ритуалы, магия на могильных костях и магистр, от одного взгляда которого у меня мурашки по коже. Ох, мамочки!..

Я поднялась с постели, аккуратно разгладила складки на одеяле. Уж не знаю, как тут правильно все застелить, но и оставлять после себя беспорядок не хотелось. Умывшись, я снова вышла в спальню. Своего (нет, конечно же, чужого) халата, я не обнаружила. Зато на кресле лежал вчерашний сверток. И судя по тому, что о нем говорилось, там была «одежда для леди». Оставаться голышом, учитывая, что в любой момент хозяин спальни может решить меня проведать, мне не хотелось.

Поэтому я быстро распотрошила упаковку и стала изучать содержимое свертка.

Ботинки где-то по щиколотку, на невысоком каблуке и на шнуровке. Нельзя сказать, что слишком изящные. Но и уродливыми их не назовешь. Панталоны, тонкая рубашка – судя по всему, хлопок. И скучное длинное платье из грубоватой серой ткани. Даже рукава-фонарики и шнуровка в районе груди не придавали ему особой прелести.

Ну что, это лучше, чем ничего. Хотя не удивлюсь, если этот Алекс нарочно отыскал для меня самое незамысловатое платье в этом мире. Впрочем, удивительно, что он хоть какое-то отыскал среди ночи.

Путаясь в непривычных предметах одежды, я все-таки умудрилась облачиться и даже сообразить, как правильно шнуруется платье.

Взглянула в зеркало и пришла к выводу, что выгляжу неплохо. Серый к моим карим глазам, правда, не очень идёт, но талия на месте, грудь на месте, и её даже там как будто чуть больше, чем на самом деле. Вот что творит чудодейственная шнуровка. Я покрутилась несколько раз, чтобы убедиться, что моя одежда в порядке и нигде ничего не торчит.

Сейчас, конечно, не мешало бы припудриться и подкрасить реснички, но, увы, возможностей для этого у меня нет никаких. Да есть ли в этом мире вообще какая-то косметика? И вообще, для кого это я тут прихорашиваюсь!

Я вышла из спальни, сделала несколько шагов и оказалась в гостиной. Как там говорил магистр: если понадобится, я там. Так вот понадобился, мне просто необходимо узнать, каков наш дальнейший план.

Но стоило мне переступить порог, как я разочарованно выдохнула. Магистра на месте не было, но зато Алекс очень даже был, сидел в кресле и листал какую-то книгу.

При виде меня он отложил её в сторону и неприкрыто скривился. Правда, потом взгляд его упал на мою грудь, задержался там на один долгий миг, и уши Алекса вдруг начали медленно заливаться краской.

Да что с ним такое? Будто бы я вошла не при полном обмундировании, а, как выразился магистр, в своем первоизданном виде.

– Доброе утро, Алекс! – Я помахала рукой рядом с лицом, намекая, что смотреть надо сюда. – Или здесь нужно здороваться как-то иначе?

– Нет, – кажется, ему удалось справиться со смущением, он уставился мне в глаза, а не ниже, и голос не дрогнул. – Доброе утро вполне сойдет. «Алекс» звучит несколько фамильярно, но, учитывая мой возраст и положение, вполне приемлемо.

– Понятно, – сказала я, подавив желание попросить говорить, как нормальный человек, а не так, будто текст зачитывает. Или это тоже входит в местные правила приличия?

– Прошу вас, мисс, – он предложил мне стул, и я приняла это предложение, стараясь опуститься на сиденье как можно более чопорно.

Но, судя по лицу Алекса, не слишком преуспела. Дверь отворилась, и на пороге снова появилась женщина в мешковатом платье. Возможно, та же, что и вчера, а может, другая. Ни ту, ни эту я не успела толком рассмотреть. Алекс быстро принял поднос из ее рук и принес на стол.

– Мы позавтракаем вместе, – нехотя сообщил он. – Магистр велел, чтобы я научил вас манерам и прочему, так что смотрите, что делаю я, и повторяйте. Два раза показывать не буду.

Вот напыщенный индюк!

Я потянулась к булочке, прижала ее вилкой к тарелке и отпилила кусочек, обмакнула в джем и положила себе в рот. Аккуратно облизнула губы. Взглянула на Алекса, чтобы проверить, всё ли делаю правильно, и обнаружила, что он завис как замороженный, таращась на мой рот.

– Снова что-то не так? – спросила я.

Что теперь? Джем налип? Крошки? Я облизнула губы ещё раз и увидела, как кадык на горле Алекса нервно подпрыгнул.

– Нет, все так, – он отвел глаза в сторону и запыхал щеками еще ярче. Да что с ним такое-то?

Ладно, не мое дело. Может быть, у них краснеть за завтраком считается правилом хорошего тона.

– А что магистр Дарквиль? – поинтересовалась я, чтобы как-то его отвлечь.

Алекс тотчас же переменился в лице, сразу стал хмурым и недружелюбным.

– Он был вынужден отбыть по делам, – отрапортовал он, – сегодня вы на моем попечении, – он скривился, показывая, насколько его это не радует. – Магистр поручил мне помочь вам здесь освоиться, показать академию, поселить в вашей комнате и рассказать, как тут что устроено.

Вот это было бы нелишним. Уж не знаю, зачем магистру понадобилось смешать меня с остальными студентами, но, боюсь, во мне быстро опознают чужачку. Все эти маги и некроманты рано или поздно обнаружат, что у меня нет абсолютно никаких способностей. И что же тогда со мной будет?

Я поделилась своими опасениями с Алексом, но он воспринял это на удивление беспечно.

– Бросьте, на подготовительных курсах больше половины таких же бездарей. Чтобы из них получился более или менее сносный маг, им пришлось бы реинкарнировать.

– А что же они тогда здесь делают?

– Готовятся и, скорее всего, успешно сдадут экзамены и будут зачислены на факультет погодной магии, – со смешком сказал он. Видимо, ему это казалось очень забавным. Ему, но не мне.

– И что за погодная магия? И чем она отличается от любой другой?
Алекс усмехнулся.

– Как минимум тем, что ее не существует. Ну то есть кое-кто в нее, конечно, верит, но любой серьезный ученый вам скажет: управлять погодой невозможно, а уж предсказывать ее и вовсе... глупейшее занятие.

– И что же будут делать эти погодные маги? – поинтересовалась я.
Судя по всему, мне уготована как раз эта участь.

– Смотреть на небо, бросать камешки и с умным видом говорить, будет завтра дождь или нет. Если хотя бы иногда угадывать, то уже хорошо.

Ясно, похоже, такая наука, как метеорология, здешним жителям не известна. Ну и да бог с ними, камешки так камешки.

– В общем, на подготовительном курсе вы можете учиться хоть несколько лет подряд и все еще не знать элементарных вещей. Поверьте, даже в этом случае вы не будете хуже всех.

Да уж, неплохая перспектива – быть в числе главных тупиц этого чудного заведения, а потом до конца жизни сидеть в каком-нибудь захолустье и угадывать, будет ли дождь.

За этой занимательной беседой мы обошли здание общежития, издали взглянули на классы, одним глазком на студенческую столовую и шикарный внутренний двор с фонтаном.

На меня не обращали почти никакого внимания, и я успокоилась. По крайней мере, внешне я от местных не сильно отличаюсь. Правда, девушек было очень мало. За всю экскурсию мы встретили не больше шести, и держались они вместе. Может, конечно, где-то идет лекция исключительно для прекрасного пола и все они сейчас там...

Куда сильнее меня заинтересовало то, что две девушки были одеты совершенно так же, как я. То есть Алекс принес мне не просто местное платье – а форму здешней академии.

Что ж, в принципе, это логично. Лишняя форма в академии, небось, всегда найдется.

Однако большинство студентов были одеты не в серое, а в черное. Отличались только аксессуары: сине-зеленые, красные, оранжевые с серебром и так далее. Парни в основном носили галстуки, а девушки – банты.

Я схватила Алекса за руку, собираясь спросить об этом, а он отпрыгнул, как будто увидел жабу.

– Опять эти ваши манеры! – прошипел он. – Зачем вы только свалились на нашу голову! Магистру и без вас как будто проблем не хватало.

Мне стало обидно. Конечно, я понимала, что забот и хлопот у магистра хватает, он же ректор. Но всё же винить меня в случившемся было как-то не совсем честно. Я же не по своей воле очнулась в здешней могиле.

Алекс, кажется, понял, что обидел меня. Посопел и неохотно выдавил:

– Простите меня. Просто у нас не принято вот так вот... брать вдруг человека за руку. Если вы с ним не встречаетесь, конечно.

Он смущенно отвел глаза.

подавив желание немного побиться головой о стену, я озвучила вопрос о форме.

– А-а, – протянул Алекс, – всё просто. Серое носят на подготовительном курсе, потом получают форму того факультета, на который поступили. Факультетов хватает: погодная магия, целительство, боевая магия, демонология, некромантия и так далее. Сегодня возьмём в библиотеке брошюры для поступающих, там всё написано подробнее. О, – он остановился и с особым благоговением приоткрыл одну из створок огромных двустворчатых дверей, возле которых мы как раз проходили, – а это большой ритуальный зал. Самые интересные заклинания творятся именно здесь.

Ого! Я огляделась по сторонам. Совсем недавно я побывала в таком же, только поменьше. Та же темнота, те же таинственные знаки на стенах и четко обозначенный центр, из которого я сумела вырваться.

Я сделала несколько шагов, дошла до центра, отмеченного кругом, и остановилась. Показалось мне или нет, но в то же мгновение ног коснулся ледяной ветер.

– Уйдите оттуда! – Видимо, не показалось, потому что Алекс переменялся в лице. – Мало ли что... И вообще, вы уже всё посмотрели, пора в библиотеку, потом обедать, потом я провожу вас в вашу комнату.

Он перечислил сразу все намеченные дела, как будто хотел поскорее от меня избавиться.

– Конечно, – я не без труда сделала шаг из центра круга.

Ветер тут же стих. Алекс встревоженно оглянулся по сторонам, схватил меня за руку, выволок наружу и захлопнул дверь. Я открыла было рот, чтобы язвительно спросить, что там насчет запрета прикасаться к девушке, с которой не встречаешься, но Алекс был сам не свой, и я сжалась.

Интересно, в чём дело? Мы что, зашли туда без спроса?

Мы пообедали в студенческой столовой – забившись в самый угол, упрятанный за огромной стойкой с цветами. И все-таки на людях, так что

я с особым вниманием следила за тем, как ест Алекс, и с особой тщательностью копировала каждый его жест.

В библиотеке мы тоже надолго не задержались – целая стопка книг для начинающих магов уже ждала нас.

В своей комнате я оказалась довольно скоро. И тоже не была разочарована. Нет, конечно, это не роскошные хоромы, как у ректора, но далеко и не привычное мне студенческое общежитие.

Во-первых, комната была на одну персону – то есть ко мне гарантированно никого не поделят. Во-вторых, она была очень чистенькая и аккуратная: накрытая цветастым пледом небольшая кровать изголовьем к окну, легкие занавески, высокий стол с полками, где так удобно можно расставить учебники. Платяной шкаф, в который мне пока нечего было положить. А ещё – отдельный санузел, как будто это не общежитие, а гостиничный номер. Просто шикарно! Это не наша общага, из которой даже тараканы сбежали, стена от ужаса.

Впрочем, это, конечно, ничего не значит. Домой я всё равно хочу. Надеюсь, магистр Дарквиль все-таки придумает, как меня туда отправить.

Я взяла верхнюю книгу из стопки и упала с нею на кровать. Но не успела прочитать и нескольких страниц: в дверь постучали. На пороге стоял уже поднадоевший Алекс.

– Магистр Дарквиль ждет вас... – буркнул он недовольно.

Глава 8

Алекс открыл передо мной дверь, и я вошла в уже знакомый кабинет с идеально ровно расставленными книгами и убранном столом.

– Добрый вечер, леди Виктория, – поприветствовал меня магистр, и мое сердце обеспокоенно трепыхнулось.

Сегодня с ректором что-то было не так, словно его непоколебимая уверенность вдруг как-то внезапно пошатнулась.

– Ступайте, Алекс, – сказал он моему спутнику.

Тот потоптался в дверях, видимо, не желая оставлять своего кумира с неопознанным существом наедине, но все же скрылся за дверь.

– Я слышал, вы уже начали осваиваться в нашем учебном заведении. Как вы устроились? – спросил магистр, но было видно, что это всего лишь дань вежливости, словно он оттягивал какой-то другой, очень важный разговор.

Теперь мне стало по-настоящему тревожно.

– Что-то случилось? Что-то пошло не так? – спросила я, не потрудившись ответить.

Он отвел глаза, а у меня похолодели пальцы. Это что же такое должно произойти, чтобы невозмутимый магистр, ректор, царь и бог этого учебного заведения вел себя вот так! Впрочем, через мгновение его лицо снова стало непроницаемым.

– Ритуал действительно пошел не так. Вы сдвинулись с места, вихри магических сил сорвались и вошли в неуправляемый винт Коссиуса... Я не буду вдаваться в подробности, это сложно понять без соответствующего образования. Смысл в том, что результат оказался плачевен.

Я закусила губу и замерла, ожидая услышать приговор. И приговор был оглашен:

– Смертельное проклятие.

– Смертельное? – переспросила я. Сердце тревожно ускорилось, но в голове было пусто. Всякие проклятия и прочее до сих пор были от меня неизмеримо далеки. Да я даже в экстрасенсов не верила!

– Пойдемте, вы все увидите сами.

Магистр достал из ящика обтянутый лиловым бархатом футляр и предложил мне пройти в спальню. Подвел к зеркалу, достал из футляра нечто похожее на очки, только без стекол, и осторожно нацепил их мне на нос. Я спокойно вытерпела процедуру, только от тепла его рук сердце невольно забилось быстрее.

Глупости...

– Магам высокого уровня не нужны очки, чтобы видеть ауру, но вам они помогут, – сказал магистр, отстраняясь.

Я взглянула в зеркало и вздрогнула. Зрелище ужасало. У меня над головой клубился черный дым, извивался змеями, удушливо сжимал шею. К горлу подкатила тошнота.

– Что это? – Я резко обернулась к магистру и ахнула. Над головой магистра металась и извивалась точно такая же черная штука. – Так это у всех такое? Зачем же вы меня пугаете?

– Не у всех, – он легонько подтолкнул меня к окну, отдернул тяжелую портьеру.

Из окна открывался вид на парк, по дорожкам которого торопливо бежали или чинно прогуливались студенты. Свет над их головами был разный. Золотистый, синеватый, а у некоторых даже яркое облачко переливалось радугой.

Но такого черного хищного кошмара, как у нас с магистром, не было ни у кого.

– Это и есть проклятие? – Я резко отвернулась от окна, и наши с магистром взгляды встретились.

Он стоял очень близко ко мне, почти касаясь, но сейчас даже это не пугало так, как жуткая штука у него над головой. Движимая странным порывом, я протянула руку, чтобы дотронуться до этой хмари, словно ее можно было пощупать, но он отстранился.

– Пройдемте. Нам предстоит серьезная беседа.

Мы вернулись в кабинет, он усадил меня в кресло и сел напротив.

– У нас есть где-то три дня, чтобы снять это проклятие. Если ничего не изменится, боюсь, до четвертого дня ни один из нас не доживет.

То, что он сказал, никак не укладывалось у меня в голове. Три дня? Я точно не была готова к тому, чтобы умереть так рано. Мне едва исполнилось девятнадцать, и на эту жизнь у меня были огромные планы. Путешествовать, разбогатеть, обзавестись семьей, получить образование, искупаться в океане, завести экзотическое животное... Список был огромен, и в три дня он никак не уложится.

– И что, ничего нельзя сделать?

– Я изучил все что можно по этому вопросу. Способов снять проклятие не так много. И реальный из них – один.

Я выдохнула с облегчением. Ну и зачем же так пугать? Если проклятие снимается? Любят они тут нагнетать обстановку.

– Это какой же?

Он помедлил. Уронил взгляд в сторону, на каменном лице вдруг резко обозначились желваки. Потом снова взглянул на меня, и под этим тяжелым взглядом мне стало трудно дышать.

– Зайду издалека, – сказал он. – Дело в том, что это проклятие формируется с использованием самой низкой, самой грубой энергии. Скажем так, земной. В нашем случае проклятие сформировалось, по всей видимости, спонтанно, а такие проклятия особенно сильны и цепки. Для того чтобы снять его, необходим сокрушительный выброс такой же по типу, грубой, земной энергии. В нашем случае самый доступный вариант обеспечить такой выброс – это, э-э... соитие. Естественно, участниками должна быть та пара, что попала под воздействие. То есть мы с вами...

Он ещё что-то говорил, губы шевелились, но слух перестал мне повиноваться. В голове взвился какой-то бешеный калейдоскоп. Нет-нет, я чего-то не понимаю!

– Что вы сказали? Со... со... – я никак не могла выговорить это дурацкое слово. И переспросила вообще в надежде, что здесь так называют что-нибудь другое.

Магистр словно смутился. Растерянно заморгал.

– Соитие? Конечно, я понимаю, вы молоды и неопытны... Но не думал, что... В общем, мужчина и женщина, когда испытывают взаимную симпатию...

– Замолчите! – замахала руками я. Урок сексуального ликбеза от этого мужчины я точно не выдержу. – Я знаю, что такое соитие, но не собираюсь делать ничего подобного!

– Я понимаю ваше возмущение. Признаюсь честно, я бы тоже предпочёл этого избежать. Но я боюсь... для нас с вами это сейчас единственный способ остаться в живых.

Ох, магистр, в отличие от Алекса, не краснел, не бледнел и не заикался. Он выглядел так, словно мысль о близости не вызывала в нём вообще никаких эмоций. Ну, может, разве что был не в восторге, что ему придется заниматься чем-то подобным со мной. И это было вдвойне обидно.

– Вы говорили, есть что-то еще! – напомнила я.

– Да, есть пара способов. Один из них – трижды в день пить настой на жабьем камне...

Я поморщилась: звучало не слишком аппетитно. И все же лучше пить какую-нибудь гадость, чем это... вот это самое... с человеком, который к тебе абсолютно равнодушен. Но не успела я воскликнуть, что согласна на жабий камень, как магистр добавил:

– Но пить его надо тридцать дней кряду. Лишь тогда накопится достаточно земной энергии, чтобы снять проклятие.

Зародившаяся было надежда быстро растаяла.

– То есть как – тридцать дней? Вы же сказали, у нас есть всего три...

– Да, поэтому жабий камень не подходит.

Он издевается!

– А еще способы есть?

– Перо феникса. Но в это время года фениксы не линяют, поэтому случайно обронить перо не могут.

– А если выдернуть? – спросила я, хоть понятия не имела, что за штука эти фениксы.

Магистр посмотрел на меня укоризненно, но потом, видно, вспомнил, что я полный профан в вопросах местной фауны, и сказал:

– Поверьте, леди Виктория, этого не стоит делать, лучше уж спокойно умереть от проклятья. Вряд ли сгореть заживо будет приятнее.

Выглядело так, будто я загнана в угол.

Я накрыла ладонями пламенеющие щёки. Вдруг накатила подозрительность. Он ведь не пытается таким образом затащить меня в постель? Воспользоваться тем, что я ничего не знаю об их мире!

Но магистр смотрел на меня спокойно и слегка виновато. На человека, желающего затащить девушку в постель, он совсем не походил. Скорее наоборот, если бы мог, с радостью бы от этой постели открестился.

– Поверьте, я и сам не в восторге от сложившейся ситуации, – со вздохом сказал он.

Я сразу поверила.

– Сколько, вы сказали, у нас есть времени? – обреченно спросила я.

– Три дня, один из которых уже на исходе.

Черт, вот же идиотское положение! Мне надо все обдумать. А думать вот так, когда магистр Дарквиль смотрит на меня, словно уже прикидывает, с какой стороны лучше приступить к делу... А главное – подходит к этому вопросу как к решению какой-то сложной магической задачи, а вовсе не как... к занятию, которому предаются «мужчина и женщина, когда испытывают взаимную симпатию».

Во всяком случае, с трудом сдерживаемой страсти я тут не вижу.

– Мне нужно подумать... одной, – пробормотала я.

– Конечно. Только прошу вас, не думайте слишком долго. Проклятье уже нас убивает, хоть это пока не так заметно. Мне бы не хотелось умереть с мыслью о том, что прекрасная леди предпочла погибнуть, чем отдаться мне.

В его голосе слышалась невеселая усмешка.

Я не стала ничего на это отвечать и молча вышла из апартаментов.

Глава 9

Ренмар Дарквиль

Дверь за моей гостьей захлопнулась, а я все смотрел в ту сторону, чувствуя себя последним мерзавцем. Открыл монографию доктора Персе, попытался сосредоточиться на чтении, но ничего не выходило: смысл прочитанного ускользал от меня. С громким хлопком я закрыл книгу, отодвинул ее. Резко поднялся и в несколько шагов пересек кабинет.

Никогда не оказывался в более отвратительной и нелепой ситуации.

Мне пришлось фактически поставить девушку перед выбором. Хотя какой там выбор? Разве смерть может хоть на миг стать адекватным выбором?

Что хуже всего, с ней я чувствовал себя так, будто растлеваю ребёнка.

Если бы шла речь о взрослой женщине, даже о моей коллеге, думаю, мы разобрались бы с проблемой за пару часов, с вином и приятной беседой – а может, обошлись бы и без вина, и без беседы.

Если бы это была студентка... что ж, возможно, тут пришлось бы уделить больше внимания последствиям, всё же связь студентки и преподавателя не очень приветствуется, какой бы вынужденной она ни была.

Да Мерлин всё побери! Даже если бы речь шла о сексе с демоном, я бы и тогда не слишком сомневался!

Но заявить такое этой девушке... призванной, чужачке, так трогательно смущающейся от одного лишь пристального взгляда... и не только заявить, но и коснуться ее лица, тонкой талии, привлечь к себе, воспользоваться ситуацией...

Впрочем, нет.

Пожалуй, с самим собой можно говорить начистоту.

Когда я понял, каким способом придётся снимать постигшее нас проклятие, в первое мгновение что-то внутри предательски сладостно заныло.

Ведь я... побери Мерлин и меня со всем вместе – но я молодой здоровый мужчина, у меня абсолютно здоровые естественные реакции... в том числе и на мысль о сексе с симпатичной девушкой. А она – да, она была мне симпатична. И если бы нас свело вместе любым другим случаем, думаю, я непременно попытался бы за ней поухаживать.

Если бы она была не призванной, которую нужно во что бы то ни стало отправить назад.

А теперь по моей вине она не только застряла здесь, но ещё и заполучила смертельное проклятие, которое можно снять только одним способом.

О-о, тысяча могил, за что мне всё это!

Я помчался в библиотеку Совета в надежде найти хоть что-то, хоть какую-то еще возможность. Но, увы, другого выхода и правда не было – или, вернее, не оставалось времени для того, чтобы найти его. Жгут проклятия с каждой минутой сжимался всё теснее, я ощущал это физически.

Правда, тогда я ещё не представлял себе, что скажет Виктория, когда я объясню ей, что случилось. Надеялся на спокойную деловую реакцию: изумление – понимание – принятие. Обсуждение деталей.

Действительность оказалась куда суровее. В глазах Виктории заплескались страх и отторжение, и я почувствовал себя почти насильником. Нет, хуже, чем насильником, потому что от нее требовалось добровольное согласие.

«Мне нужно подумать одной», – сказала она, и я точно понимал, что это значит.

Разумеется, не подумать. Думать здесь не о чем. Нет, ей требуется время, чтобы смириться с неизбежным. Девушки относятся к этому с куда большим трепетом, чем мы, мужчины.

Я недолго пробыл наедине с собой. В кабинет осторожно постучали и вошел Алекс. Его приход меня почти обрадовал. Во всяком случае отвлекусь от непродуктивных мыслей.

– Что-нибудь случилось? – спросил я.

– Нет-нет, – помотал он головой. – Я просто решил зайти, как племянник к дяде. Поболтать.

Я спрятал улыбку. Нечасто мой помощник вспоминает о том, что он ещё и мой племянник. Соскучился по родственным беседам?

– Садись., – я кивнул на стул. – Какие новости в академии?

– В академии всё без происшествий! – отрапортовал он. – Мы сегодня с леди Викторией обошли ее всю: все корпуса, общежития, побывали в столовой. Кстати, о леди Виктории... Я хотел спросить: как она вам?

Я чуть не поперхнулся.

Как она мне? До могильных воронов неуместный вопрос. Тем более сейчас, когда я как раз надеялся некоторое время не вспоминать о ней.

– Я нахожу, что леди Виктория прекрасная девушка, – сухо ответил я. – Но мне кажется, это не имеет никакого значения и это точно не стоит обсуждать.

– Прекрасная?! – Алекс вытаращился на меня так, словно впервые увидел. – Но она же не умеет себя вести! Вот и сегодня тоже... она меня за руку схватила!

Почему-то при этом сообщении в груди шевельнулась глухая досада. За руку... что ж, Алекс ей подходит куда лучше меня. Я старше ее на добрых десять-двенадцать лет. Небось, если бы речь шла о сексе с Алексом, она не убежала бы так явно шокированная.

– А что преподаватели? – говорить о Виктории не хотелось, и я попытался сменить тему. – За время моего отсутствия не было никаких конфликтов? Все тихо?

– Преподаватели? Да вроде ничего такого не слышал... Но я хотел ещё кое-что сказать об этой... леди Виктории. Думаю, с ней что-то не так. Мы

зашли в ритуальный зал, и там произошло что-то странное, поднялся ветер, как будто бы она...

Как будто она проклята. Конечно. Духам ритуального зала такая гостья точно не пришлась по нраву. Проклятым вообще строго-настрого запрещается приближаться к ритуальному кругу.

Алекс как замороженный все твердил: Виктория то, Виктория сё. Я снова попытался заставить его сменить тему.

– Как прошел экзамен у профессора Ханца? Многих ли отправил на пересдачу?

– Всего троих. Он был на удивление добр в этот раз. Так вот, леди Виктория... В принципе, она может быть довольно милой. Воспитание, конечно, ужасное. Но, разумеется, ее ситуация внушает сочувствие. Нельзя не отметить, что она держится...

– Да прекрати же! – Я хлопнул рукой по столу и тут же пожалел о своей горячности. Племянник изумленно вытаращился. – Извини, Алекс, просто очень устал сегодня. Поездка выдалась тяжелая. Оставь меня, я, пожалуй, лягу спать пораньше.

Если он и удивился, то никак этого не показал.

– Конечно, магистр Дарквиль, – сказал он и направился к двери.

Я тут же устыдился своего поведения. К чему злиться на Алекса, если я прекрасно знаю, что именно является причиной моей досады на самом деле?

Но извиняться не хотелось.

В дверях Алекс обернулся и робко произнес:

– На вас лица нет, магистр. Может, обратиться к лекарю?

– Ступай, – устало сказал я. – Мне просто нужен сон.

Когда дверь за Алексом закрылась, я облегченно выдохнул. Нет, уж лучше побыть одному.

Я снова сел за стол, пододвинул к себе фолиант и снова попытался читать, и даже почти преуспел.

В дверь постучали, и это было последней каплей. Я раздраженно крикнул: «Да!» – и уставился на дверь, готовый послать Алекса ко всем могилам. Но входить не спешили, и мне пришлось встать и открыть дверь самому.

То был не Алекс. На пороге стояла Виктория.

Она смотрела на меня насмерть перепуганными глазами. Сделала шаг вперед. Мне пришлось подвинуться, чтобы пропустить ее.

И, глядя куда-то в сторону, Виктория прошептала:

– Наверное, нет никакого смысла тянуть... Ничего ведь не изменится... Раз вы говорите, что проклятие уже нас убивает... Думаю, стоит сделать все прямо сейчас... чтобы как можно быстрее покончить с этим.

У меня внутри все скрутилось в тугий узел, я не сразу нашел нужные слова, а она, не дожидаясь ответа, сказала:

– Только должна вас предупредить, – казалось, каждое слово дается ей с трудом. – Это будет мой первый опыт... такого рода. Я девственница.

Она залилась краской, а я был готов проклясть день, когда родился.

Глава 10

Не знаю, как я смогла сказать это и не провалиться под землю. И очень жаль, что не провалилась, потому что в миг, когда повисла эта бесконечная, невыносимая пауза, мне показалось, я сгораю в мучительном огне.

Наконец магистр Дарквиль сказал:

– Проходите.

Я до боли укусила себя за губу. Может, ещё не поздно сбежать? Подумаешь, проклятие, страшная и неизбежная гибель! Это всё равно лучше, чем то, на что я сейчас согласилась.

Я сделала шаг вперёд, и вдруг магистр перехватил меня за руку. Кровь хлынула в лицо, я застыла, опасаясь поднять глаза.

– Пожалуй, не здесь... – прозвучал над головой низкий голос магистра. – Пойдемте в гостиную.

Ну да, конечно. Не в кабинете же этим заниматься.

Я представила себя на столе, раздетую, растерянную, сосредоточенного донельзя магистра между моих ног – и покраснела так, как, казалось бы, краснеть уже невозможно.

В гробовом молчании мы вошли в гостиную. Я встала у дверей, магистр прошёл вглубь, остановился у высокого узкого шкафа и открыл дверцу.

Что это он? Решил почитать перед тем, как заняться делом? Может, ищет местную камасутру?

Но в руках магистра на свет появилась вовсе не книга, а покрытая пылью тёмная бутылка с пробкой, запечатанной алым сургучом.

– Думаю, нам обоим не повредит немного расслабиться, – пояснил магистр, встретив мой озадаченный взгляд.

О. Ну да. Тут он прав, расслабиться бы не помешало. Сомневаюсь, правда, что вино мне в этом поможет...

– Вик... тория, – позвал магистр с короткой, едва уловимой паузой. Кивком указал на диван рядом с камином. – Присядьте.

С трудом управляя одеревеневшим телом, я повиновалась. Огонь в камине потрескивал, испускал длинные оранжевые языки. Фальшивый магический огонь – не знаю как, но теперь я это различала. А еще различала, как магистр неторопливо подходит ко мне.

Вот он остановился рядом. Едва слышный звук выходящей из горлышка пробки. Легкое звяканье бокалов. Бульканье вина – и мгновенно распространившийся по комнате кружащий голову аромат перебродившего винограда.

– Вот, выпейте, – магистр осторожно передал мне наполненный темно-красной жидкостью бокал.

Я взяла его, старательно избегая соприкосновения пальцев, и пригубила. Терпкий виноградный вкус ударил в голову, на языке заплясала вяжущая горечь, прокатилась по горлу и исчезла, оставляя лишь дикое, безумное смущение.

Вообще-то, с алкоголем я раньше особо не имела дела. Нет, мне приходилось пробовать шампанское на семейных праздниках, в детстве разок даже хлебнула водки из папиного стакана (после этого папа на некоторое время вообще завязал с алкоголем, даже на Новый год), но вообще я была тихой домашней девочкой и, даже поступив в университет, студенческих вечеринок опасалась и старалась держаться от них подальше.

Словом, с алкоголем у меня было опыта немногим больше, чем с противоположным полом... И тут, прямо сейчас, мне придётся разом продвинуться в обеих... областях.

Магистр тоже взял бокал и уселся, слава богу, поодаль, в кресло. Но я чувствовала – или мне казалось, что чувствую, – на себе его взгляд и не могла поднять головы. Он словно пригибал меня к полу, придавливал гнетущей тяжестью.

– Прежде всего, – наконец послышался голос, – давайте обговорим детали. Вы предохраняетесь?

О боже. Не знаю, как можно было покраснеть ещё сильнее, но у меня это получилось. Я яростно замотала головой. Глотнула ещё вина – пожалуйста, пусть оно подействует быстрее! Вести такие разговоры на трезвую голову я была не способна.

– Хорошо, тогда я этим займусь. Должен признаться... ваше сообщение застало меня врасплох. Я не думал, что вы, э-э-э... еще не обладаете должным опытом. Но это не так страшно, – по-моему, он поторопился добавить это, увидев, как я всё сильнее втягиваю голову в плечи, – это дело поправимое... Просто у нас подавляющее большинство студенток – да и студентов тоже – теряет невинность ещё до поступления. Это, э-э-э... нечто вроде инициации. Дело в том, что нам, адептам магических наук, приходится много времени уделять ритуалам – а духи обрядов

иногда реагируют по-разному, в зависимости от того, есть ли некий опыт у заклинателя или нет. Впрочем, не будем вдаваться в подробности...

Я послушно кивнула. В голове всё же начало слегка шуметь, видимо, подействовало вино. Смущение чуть схлынуло, хотя я по-прежнему не могла поднять на магистра взгляд. Но то, что он сказал, меня немало удивило.

Не то чтобы я собиралась становиться крутым магом – мне всё равно не светит ничего престижнее, чем факультет погодной магии. Но если раньше я чуть-чуть даже гордилась тем, что ещё не знала мужчину – мои одноклассницы и однокурсницы были куда опытнее, – то теперь это заставило меня ощутить как будто некоторую ущербность.

Хотя вообще-то переживать не о чем. Уже сегодня я с этой «ущербностью» распрощаюсь.

Неожиданно трезвая мысль испортила всё, чего достигло вино. Щёки снова запылали в смущении, кровь быстрее устремилась по венам. Скрип дивана, когда магистр встал с кресла и подсел ко мне, вообще поверг меня в панику.

Я дернулась, будто пытаюсь сбежать, отвернулась в другую сторону, остатки вина в бокале шумно плеснули, едва не окропляя диван бордовыми каплями... Магистр перехватил мою руку за запястье, заставив остановиться. Аккуратно вынул бокал из судорожно сжатых пальцев.

– Посмотрите на меня, Виктория, – тихо попросил он.

Я честно попробовала. Повернулась в его сторону, подняла взгляд... в поле зрения попала белая рубашка, расстегнутый черный пиджак, перламутровая пуговица на вороте рубашки... широкая мужская шея, крупный подбородок, на котором, если приглядеться, можно было найти следы щетины. И всё. Выше были уже губы, туда я посмотреть не могла. Даже при всём плещущемся в организме вине.

Но магистр, кажется, не настаивал. Не отпуская моего запястья, он настойчиво произнес:

– Хочу, чтобы вы понимали... всё, что было между нами, навсегда останется только между нами. Я никогда не воспользуюсь этим – ни против вас, ни даже в ваших интересах. Если, конечно, вы сами не попросите меня об этом.

Попрошу его об этом! Ещё чего. Такой ситуации я представить попросту не могла.

Но странно: его намерение хранить всё в тайне, с одной стороны, меня успокоило, с другой – внутри заныло что-то недовольное, что-то такое, названия чему я не знала.

– Вы мне доверяете, Виктория?

На моём имени голос магистра дрогнул, и, словно отзываясь ему, моё сердце тоже дрогнуло – сильно, болезненно, словно его укололи иглой.

Доверяю ли я ему?

Я сама не знала ответа. Не знала, но кивнула.

– Взгляните на меня, – попросил магистр тоном мягче.

И, не дожидаясь, протянул руку к моему лицу. Теплые твердые пальцы скользнули по коже, надавили, заставляя подчиниться. Я подняла подбородок, но взглянуть на магистра так и не осмелилась. Зато в поле зрения попали его губы... ох... чересчур красивые и чувственные губы для такого сурового мужчины.

– Выше, – губы шевельнулись, выговаривая однозначный приказ.

Я вздернула подбородок выше – и зажмурилась.

Я готовилась ко многому – но точно не к тому, что следом раздастся тихий смешок.

– Вы так боитесь, что даже самый отъявленный маньяк почувствует себя неловко, – пояснил он, когда я уже готова была вскочить и убежать куда глаза глядят. – А я совсем не маньяк... и не привык к этой роли.

Это заставило меня уставиться на него почти с возмущением. В тёмно-синих глазах ректора поблескивали искорки смеха.

– Пожалуй, вам не повредит еще один глоток вина., – отпустив меня, он потянулся к бутылке. Снова бульканье – и в ладонь мне втиснулся прохладный бокал.

Я приникла губами к стеклянному краю, чувствуя, как горят уши. Магистр был прав, я смущалась донельзя. Ну а как иначе, когда всё происходит так внезапно?

Оставив меня наедине с бокалом, магистр отошёл к высокому шкафу с отполированными до блеска створками. Не к тому, из которого доставал вино. И в его руках появилось не вино, а коричневый камень на плоской деревянной подставке.

– Охранный артефакт, – поймав мой взгляд, пояснил магистр. – Он нам понадобится.

«Для чего?» – хотела спросить я, но на всякий случай не стала. Не уверена, что хочу это знать. Пусть все идет как идет.

Он бережно установил камень на полу рядом с диваном и вернулся ко мне. Диван чуть просел под тяжестью мужского тела. Я хотела было глотнуть ещё вина и обнаружила, что оно закончилось. Я справилась с ним как-то слишком быстро.

– Правильно, молодец! – Бокал аккуратно вынули из моих рук, доньшко тихо звякнуло о поверхность стола.

А в следующий миг ректор положил руку мне на затылок, привлёк к себе – и поцеловал.

Я застыла, чувствуя себя так, словно внезапно очутилась в центре торнадо. Голова кружилась, комната вокруг кружилась, весь мир словно пустился в безумную пляску.

Целоваться мне уже приходилось. Но тогда моему партнёру то ли очень сильно хотелось перейти к основному блюду, то ли он просто был не слишком умелым – эти поцелуи запомнились как забавный первый опыт, но не как что-то, от чего замирает внутри и бабочки щекочут стенки желудка.

Зато сейчас... не знаю почему – но сейчас всё было совершенно по-другому. Магистр не давил на меня, не напирал, просто уверенно приоткрыл губами мои губы, скользнул языком внутрь, нашёл мой язык, коснулся его и сразу ушёл, словно давая мне возможность воспротивиться. Но мысли воспротивиться у меня вообще не возникло. Я застыла, как парализованная, с необычайной чувствительностью ощущая, как его пальцы гладят мой затылок, как перемешивается наше дыхание, как сильно бьётся моё сердце... и с невероятной силой пульсирует где-то внизу, словно всё мое тело откликнулось на этот поцелуй. Захотелось ответить, тоже прикоснуться... дотронуться языком до чужого языка – но я не посмела и только замерла, изнывая от неудовлетворенности, смутно и жарко желая, чтобы магистр снова взял инициативу на себя.

Но он, напротив, совсем отстранился. Мне сразу стало стыдно, щеки горели, я не могла поднять взгляд. Наверное, он разочаровался во мне, сам сказал, что они здесь все опытные.

Если бы магистр не удерживал меня, я бы вскочила и убежала. А так – сидела как привязанная и только чувствовала на себе невыносимо пристальный взгляд.

– Небеса... – резко выдохнул магистр и снова приник к моим губам.

На этот раз поцелуй был совсем другим. Откровенным и требовательным, захватывающим дух, путающим все мысли. Жадным... и трепетным.

Когда он закончился, я едва удержалась от того, чтобы самой не податься вперёд, не взять магистра за лацканы пиджака и не заставить продолжить.

Теперь он смотрел на меня как-то по-другому. Или, может, это мне только казалось, потому что от вина кружилась голова и по венам тёк жидкий огонь вместо крови. Во взгляде магистра была затягивающая глубина, бездна, от которой замирало сердце.

А ещё я обнаружила, что упираюсь ладонями в его грудь, и от прямого соприкосновения – кожа к коже – нас разделяет лишь тонкая ткань рубашки. Ткань, не способная скрыть ни жар мужского тела, ни чёткие

линии мышц под моими руками, ни быстрый ритм, с которым колотится чужое сердце.

Магистр коснулся ладонью моего лица, очертил овал. Губы шевельнулись, как будто он хотел что-то сказать, но вдруг опомнился. Кадык чуть дрогнул.

«Что такое?» – хотела спросить я – и тоже не смогла.

Воздух между нами был такой густой и горячий, что его, казалось, можно было резать ломтями.

Магистр, не спуская глаз с моих губ, продолжая гладить лицо пальцем правой руки, левой расстегнул верхнюю пуговицу своей рубашки. Это простое движение бросило меня в жар, я сильнее приоткрыла губы, машинально облизала их и с трепетом заметила, что его взгляд стал ещё глубже и темнее.

Магистр снова потянулся ко мне, явно намереваясь поцеловать. Я затаила дыхание, со сладким ужасом понимая, что хочу этого поцелуя. Теперь – да. И его, и всего, что за этим последует.

Только вот последовало совсем не то, на что я рассчитывала.

Яркая вспышка света нарушила полумрак, царивший в комнате. Треск, грохот...

Ледяным порывом ветра меня швырнуло на спинку дивана, да еще и развернуло вокруг своей оси так, что я почти покатила по сиденьям. Юбка хлопнула по ногам, длинный подол вздулся, накрыв меня с головой. В тело будто впились ледяные иглы.

Я вскрикнула в ужасе. Дёрнулась, выпутываясь из юбок, от паники не сразу сообразила, как снять подол с головы. Когда наконец справилась с платьем и взглянула на магистра, то он уже стоял у дивана, с той стороны, с которой слышался грохот, и торопливо чертил на полу какие-то знаки.

Только тут мне вспомнился ритуальный круг и ледяной ветер. Тогда произошло что-то похожее, вернее, тогда произошло наоборот. Нас бросило друг к другу, и теперь...

– Что это было? – испуганно спросила я.

Магистр отвлекся от рисования, зачерпнул с пола какой-то то ли пепел, то ли песок и пустил сквозь пальцы тонкой струйкой.

– Это был защитный артефакт, – сказал он. – Если бы не этот камень, боюсь, это случилось бы с нами.

Он уже не смотрел на меня так, как всего несколько минут назад, – долгим потемневшим взглядом. Он был собран, деловит и почти полностью погружен в какой-то явно важный, но совершенно непонятный мне магический процесс.

А вот я была растеряна.

– Мы бы сгорели? – изумленно протянула я. – Просто оттого, что целовались?

Это не укладывалось в голове! Я на всякий случай отодвинулась подальше от огнеопасного магистра и забила в угол. Но, кажется, он и не собирался ко мне приближаться, лишь вычерчивал какую-то абракадабру.

– Это не обычный поцелуй, – сказал он, – вернее, не совсем обычный. То, что мы... – он запнулся, – планируем сделать... это ведь не просто акт любви, а мощнейший магический ритуал, причем направленный против темной магии.

Я не слишком понимала, что он пытается мне втолковать. В голове пульсировала только одна последовательность: мы целуемся – и мы сгораем.

Но он продолжал терпеливо объяснять:

– Проклятие оказалось слишком сильным, или... – Он словно хотел что-то добавить, а потом передумал: – Да, проклятие оказалось слишком сильным.

– И... мы что, не будем его снимать? – Я всего лишь пыталась разобраться в ситуации, но прозвучало как-то не очень правильно. Словно бы я только и мечтаю вернуться к прерванному занятию. И вовсе не потому, что хочу спасти свою жизнь. Более того, готова сделать это даже под страхом сгореть заживо.

Я почувствовала, как мои щеки начинают пылать.

– Безусловно, будем, – заверил меня он, – но, боюсь, уже не сегодня. Это, – он снова пропустил пепел сквозь пальцы, – был самый сильный защитный артефакт из всех, что есть в нашей академии. Но я знаю, где можно раздобыть вещицу мощнее.

Я внимательно вслушивалась в его слова и все-таки выловила из его спича главное.

– Значит, не сегодня? – спросила я и с ужасом обнаружила, что в моем голосе звучала чуть ли не досада.

– Нет, – он наконец закончил то странное, что творил у бывшего артефакта, поднялся и сделал шаг в мою сторону.

Я быстро подскочила с дивана.

– Тогда я, пожалуй, пойду, да? – пряча глаза, проговорила я.

– Конечно, – ответил ректор после краткой паузы. – Я бы проводил вас, но, боюсь, это вызовет лишние разговоры. Они вам не к чему.

Я кивнула, обрадовавшись этому обстоятельству. Я и сама хотела исчезнуть отсюда как можно скорее. Находиться в обществе ректора теперь было невыносимо.

Глава 11

Ренмар Дарквиль

Защитные артефакты такой мощности, как Око Зербала, выдавались в Совете под строгую отчетность, поэтому мне пришлось отметитья и расписаться в трех разных местах, прежде чем я наконец получил на руки необходимое. И, конечно, именно в этот самый момент меня настигла Лисандра.

Ее холодный вызывающий голос огладил мою спину нежно, как хлыст.

– Ходят слухи, ты поселил любовницу в апартаментах?

– Что? Какая чушь! – Я принял мешочек с артефактом, спрятал подальше и только после этого повернулся.

Уверен, как только я уйду, Лисандра сразу сунет в мои дела свой любопытный нос. Но ничего не узнает: защитные артефакты на то и нужны, чтобы разлетаться пылью в случае превышения магического напряжения. Я вполне имел право выписать новый, чем и занялся. В заявлении, естественно, указал благовидный предлог.

– Вот я так же подумала, после того как ты так старательно скрывал наши отношения. Ни разу даже на ночь не оставил. Думаю: да ну, не может он вдруг так просто взять и изменить собственным принципам. Сам Ренмар Дарквиль, Зерцало Порядочности. Но кто же она тогда? Внебрачная дочь? Подобранный сиротка?

– Не мели чепухи.

Я не собирался ничего ей пояснять, тем более Виктория и впрямь провела у меня ночь, пусть и совершенно невинную. Слухи всегда ходят, кто-то увидел лишнее, шепнул, покатился с горы снежный ком. Чем больше оправдываться, тем сильнее люди убеждаются, что нет дыма без огня.

Но Лисандра не унималась. Стуча каблучками, преследовала меня даже тогда, когда я вышел в холл. С ее точки зрения, скорее всего, это означало, что мы идём вместе.

– Не думала, что тебя потянет на молоденьких, – кольнула меня очередная язвительная реплика. – Ты вроде бы всегда ценил опытность.

Ценил, и правда. И тут меня накрыло: вспомнил вчерашнее. Тот смущенный сияющий взгляд, робость и одновременно доверие. Сам не знаю, почему это меня так тронуло, так опьянило. Даже не знал, что могу с такой искренностью отдаваться чувствам. Не думал, что мне доставит такое удовольствие соблазнять, показывать, вести за собой. Реакции Виктории, ее чистое, натуральное поведение, искреннее смущение и такое же искреннее настоящее... желание – дали мне ощутить себя не

просто мужчиной, но чьим-то первым мужчиной. Самым важным, тем, кто запомнится навсегда.

– Ты же это не серьезно, – ответил я Лисандре. – Ты всегда была слишком умна, чтобы повторять глупые сплетни.

Это заставило ее замолчать – на целых пару минут. А потом меня нагнал новый вопрос:

– Ты из-за нее меня бросил?

Я остановился, сжал челюсти, смерил Лисандру взглядом.

Похоже, в этом взгляде она прочла, куда именно я пожелал ей провалиться, потому что наконец стусевалась. Быстро обошла меня:

– Ладно, Ренмар, у меня полно дел, было приятно увидеться.

Сомневаюсь, что так уж приятно.

Я проглотил эту реплику, проводив бывшую мрачным взглядом. Мерлин ее побери, от нее можно ждать проблем. Предчувствие вопило аж в голос.

Да, мы встречались, и довольно долго, почти полгода. Мне нравился такой типаж женщин: самостоятельная, роскошная, красивая, умная. С шикарными черными локонами, волной падавшими на узкую спину, с округлой аппетитной задницей, длинными ногами. И красивым стервозненьким лицом.

Виктория была совсем другой.

Лисандра была права, раньше я и подумать не мог, что буду гореть от нетерпения при одной мысли о девушке, подобной Виктории: юной, неопытной, неискушенной. Но почему-то меня тянуло к ней так сильно, что оставалось лишь удивляться.

Даже сейчас, стоило подумать о ней, как внутри проснулась неуместная нежность. Нежность и, пожалуй, предвкушение.

Я сунул руку в портфель и погладил грубую ткань мешочка, в котором покоился артефакт.

О Мерлинова борода! Кажется, я схожу с ума.

Этот сумасшедший шторм, вихрь захватывающих желаний при одном лишь воспоминании о том, как она отвечала на мой поцелуй – робко, пугливо, готовая тут же зажаться, спрятаться, сбежать... и в то же время доверяя мне полностью, принимая, раскрываясь, принося в дар всю себя, совершенно искренне, не требуя ничего в ответ.

Тысяча могил, нас сдает смертельное проклятие, а единственное, о чём я только могу думать, так это о том, как сегодня вечером я наконец сниму с нее идиотскую серую форму, коснусь молочно-белой кожи, попробую на вкус ее шелковистость...

Предыдущее Око Зербала рассыпалось пылью, но я так и не понял: оттого ли, что проклятие оказалось чересчур сильным, или же чересчур сильными были мои собственные чувства? Если второе, то я попал... Попал, как никогда прежде.

Необходимо разобраться, что происходит между нами с Викторией. Меня тянет к ней из-за проклятия или... или так действует на меня она сама? Как диковинный афродизиак, как наваждение, как чудовищный приворот. На радость или на горе ты свалилась мне на голову, Виктория?

Глава 12

Первая ночь на новом месте была беспокойной. Сначала я долго не могла уснуть, словно в реальности ощущая губы магистра на своих губах. Мне вспоминалась то манящая бездна в его глазах, то его прерывистое: «Небеса!» – то хватка его пальцев на моём затылке – жёсткая, властная, не дающая ни малейшего шанса увернуться. Когда я наконец уснула, то несколько раз просыпалась, вздрагивая от тревожных сновидений. От тревожных... или слишком волнующих.

Утром, когда мягкая трель разбудила меня, я чувствовала себя так, будто прилегла подремать на какой-то там час. Но нужно было вставать и спешить на лекции.

У подготовительного отделения был свой собственный корпус, небольшой, одноэтажный. Алекс объяснял, что это сделано ради безопасности, вроде как новичкам-несмышленишам не стоит даже случайно узнавать особенности ритуалов для взрослых, чтобы не набедокурили.

И я в очередной раз убедилась в том, что мое место в здешней иерархии не слишком высоко. Возможно, в самой академии есть профессора, кандидаты и юные светила науки, а есть опасные идиоты, чья главная задача – не трогать колбы.

Теперь, наутро, я уже спокойнее вспоминала то, что произошло вчера. И все равно мне никак не удавалось думать об этом без досады, особенно о том, каким деловитым и отстраненным вдруг стал магистр Дарквилль, как только треснул артефакт.

Если во время нашего поцелуя мне показалось (наверное, только показалось), что в его жестах была если не искренняя страсть, то, по крайней мере, желание, последующие события должны были полностью избавить меня от этой иллюзии. Он даже не взглянул в мою сторону!

А между тем уже сегодня вечером мне снова придется навестить его.

Если бы только у меня был выбор, комната магистра оказалась бы последним местом в академии, куда бы я вернулась. Но, увы, этого выбора у меня нет...

Черт возьми, а ведь если бы он держал при себе нормальный защитный артефакт, а не китайскую подделку, все бы свершилось уже вчера. Сегодня я была бы, наверное, точно так же разбита и раздавлена, но по крайней мере свободна. Да и...

– Леди Виктория! – Голос раздался рядом, стоило мне сделать шаг за пределы своей комнаты.

Я вздрогнула.

– Алекс, вы меня напугали.

Так, стоп, что вообще он делает возле моей комнаты в такую рань?

– Вы что, за мной шпионите? – поинтересовалась я, глядя на него сквозь прищур.

Алекс казался свеженьким, точно только что сорванное яблочко. Светлые волосы прядка к прядке, сияющие голубые глаза, здоровый румянец на щеках, чёрная форма с серебристо-красного цвета галстуком – кстати, надо будет узнать, что это за факультет.

– Что? Глупости! – Он покраснел так отчаянно, что далее на него злиться было невозможно.

– Что же тогда вы здесь забыли? Между прочим, это женское общежитие, – я решила не давать ему спуска. Не хватало еще, чтобы он, движимый своей подозрительностью, разбил палатку возле моей комнаты, чтобы только не упустить из вида ужасное чудовище, способное навредить драгоценному магистру.

– Так сегодня же ваш первый день, – пробурчал он, – лучше не опаздывать на занятия.

– Вообще-то я не планировала опаздывать, – строго сказала ему я.

– Конечно, я так и думал... просто... – Он замолчал, будто смешавшись, и мне стало его даже жалко.

Бедняга, он до сих пор уверен, что стоит отвести взгляд, как я непременно сотворю что-нибудь ужасное.

И все-таки мне было бы проще смириться с его существованием, если бы сейчас, например, он бы сказал: «Ну, вижу, что у вас все в порядке, поэтому я пойду по своим делам, которых у меня много!» Но он продолжал топтать рядом, явно намереваясь проводить меня до самого корпуса «подготовишек».

Я уже подыскивала какой-нибудь благовидный предлог, чтобы отослать непрошеного телохранителя, когда он вдруг задал совершенно неожиданный вопрос:

– Вы вчера ходили гулять перед сном, леди Виктория?

Мне стоило большой выдержки не остановиться как вкопанной.

– Я? – Черт, что же ему сказать, и где именно он меня видел, и не видел ли он, как я выхожу из корпуса, где расположены апартаменты ректора?

Все эти мысли пронеслись в одно мгновение, но мне удалось справиться с собой и почти небрежно ответить:

– Всегда выхожу подышать воздухом перед сном, привычка с детства.

– Не стоит делать это так поздно, – нравоучительным тоном сказал Алекс. – Когда вы возвращались, было уже совсем темно.

Я пожала плечами:

– Я пока что здесь не освоилась и не очень понимаю, когда здесь темнеет, когда светает. Думаю, со временем у меня получится составить более подходящий режим дня. Если я поняла вас правильно, поздние прогулки здесь тоже неприличны?

– Нет, не то чтобы неприличны... Все имеют право гулять, когда считают нужным. Просто молодежь, которая здесь учится... среди них есть такие шалопаи – темные маги, некроманты и просто талантливые негодяи, которых терпят исключительно из-за уникальных способностей.

Мне едва удалось не рассмеяться. Слово «молодежь» в исполнении Алекса звучало забавно. Ему самому наверняка не больше двадцати двух или трёх.

– Я хотел сказать: если вы планируете подобную прогулку сегодня вечером, позвольте вас сопровождать. Так вы будете в большей безопасности.

Здрате, приехали, этого только мне не хватало!

– Большое спасибо за предложение, но я все-таки предпочитаю гулять одна. Это так упорядочивает мысли и настраивает на крепкий здоровый сон, – я говорила предельно вежливо и даже немножко доброжелательно. – Но, безусловно, я приму во внимание ваши слова и буду стараться гулять исключительно по освещенным тропинкам и людным местам. Это ведь обязательно спасет меня от местных маргиналов.

Щеки Алекса за каким-то чертом снова покраснелись. Я даже не стала предполагать, какое такое правило приличия нарушила.

– Мы уже пришли, – объявила я. – У нас сейчас лекция по Введению в ветрологию. Вы ведь не пойдете вместе со мной? Думаю, вам это будет нестерпимо скучно. Вы ведь наверняка знаете все о ветрологии.

Алекс словно бы смутился и пробормотал:

– Ветрология не входит в спектр моих научных интересов...

Все понятно! Наверняка эта ветрология – очередная чушь для не слишком одаренных.

– К тому же ее не будет. Магистр Дарквиль распорядился, чтобы всем поставили дополнительные лекции по магической безопасности. Общая лекция в грандиозной аудитории... Это в главном корпусе.

О, самое время об этом сказать! Как раз тогда, когда мы уже подходили к нашему, подготовительному!

– Ну, думаю, о магической безопасности вам известно все и даже больше, – с уверенностью сказала я и поспешила искать аудиторию. Грандиозную!

Глава 13

Грандиозная аудитория оказалась не такой уж и грандиозной. Обычная потоковая – с высокими задними рядами и низкими передними. Одна из моих догадок снова нашла подтверждение: или девушек здесь учатся мало, или их где-то прячут. В огромной аудитории человек на двести хорошо, если оказалась пара десятков девушек, одетых в такие же скучные платье, что и я, – правда, разных цветов.

Стоит ли удивляться, что я сразу стала ловить на себе заинтересованные взгляды. А как только я уселась за стол, постаравшись спрятаться подальше в заднем левом углу, прямо передо мной грохнулся и со свистом рассыпался на золотые искры сияющий шарик.

Я вскрикнула, а группа парней где-то справа радостно загоготала. Все ясно, это у них, видимо, практикуют вместо того, чтобы шариками из бумаги кидаться...

Ничего особенного. Вообще ничего. Все как в обычном учебном заведении.

В аудитории стоял гул и хохот, как обычно и у нас на переменах. Разве что у нас не сыпались искры и не летали молнии. А тут время от времени такое случалось.

– Саймон, когда книжку вернешь? – крикнул кто-то из другого конца аудитории.

И я вздрогнула. Саймон. Это имя я однозначно слышала и точно помнила когда. Когда лежала в могиле в чем мать родила, а милые ребята обсуждали, как ловчее проткнуть меня ножом.

Я обернулась и поискала, кто бы это мог быть, и тут же наткнулась взглядом на рыжего паренька с заостренными, словно осунувшимися, чертами лица и пустыми, отсутствующими глазами.

– Саймон, слышишь? – Владелец книжки был настойчив.

Рыжий парень словно вышел из оцепенения, покопался в сумке, достал тяжелый фолиант и зачем-то подбросил его вверх. А потом книга зависла в воздухе и медленно поплыла в сторону спрашивающего.

Ах ни фи́га ж себе!

Я испуганно посмотрела по сторонам. Кажется, никого, кроме меня, это ни капельки не удивило. А ведь я чуть не вскрикнула! От греха подальше я уткнулась взглядом в парту: если начну слишком явно изумляться магии, которая здесь, кажется, совершенно обыденна, меня быстро расколуют. Лучше уж сделать вид, что я просто не выпалась, а теперь клюю носом.

«Тише едешь – громче выхлоп» – было вырезано на деревянной поверхности. Я смутно понимала, что бы это значило. Но была интуитивно согласна с неведомым мудрецом.

В аудиторию вошел преподаватель, и гул разом стих. Это был пожилой мужчина с обезображенным шрамами лицом. Он явно прихрамывал и смотрел на всех суровым взглядом. Под этим взглядом даже самые шумные шалопаи вдруг становились порядочными лапушками, тише воды ниже травы.

Теперь я уже не удивлялась тому, что очнулась в разрытой могиле. Чтобы такому сдать, побежишь на кладбище как миленький!

Лекция началась. Народ явно скучал. Ясное дело, ведь все, что там говорилось, в отличие от меня они наверняка слышали не в первый раз, а вот мне было интересно послушать.

Во-первых, я пока еще вообще ничего не знала о магии, а во-вторых, безопасность при ритуалах касается меня напрямую. Ведь я уже несколько раз чуть не погибла при этих самых ритуалах, и еще не факт, что не погибну скоро.

– Всем известно, что осторожность при занятиях магией просто необходима. Для магических воздействий, не сопровождающихся выбросами энергии, достаточно воспользоваться защитными рунами или прочитать заклинание-оберег. Если вы работаете с темными материями, рун может быть недостаточно, поэтому подобного рода воздействия должны согласовываться с лицензированными магами. Кроме того, не забывайте, что даже самый простой защитный артефакт с легкостью уберезет вас от любых всплесков энергии. Единственное, о чем вам следует позаботиться, это о том, чтобы он был.

Все рассмеялись. Видимо, это была хорошая шутка, а мне стало не по себе.

Вряд ли стоит спрашивать строго преподавателя о том, что же должно произойти, чтобы самый сильный защитный артефакт во всей академии рассыпался в пыль.

Я и до этого изрядно нервничала, а лекция по безопасности меня ничуть не успокоила. Преподаватель говорил еще о многом: о нитях Ариадны, о спасательных кругах и черных пятницах, когда магия всерьез обесценивается. Но там я уже мало что понимала.

Когда мы покидали аудиторию, мне на глаза снова попался рыжий парень, тот, кого звали Саймон. Он мне совершенно не нравился. Лихорадочный блеск в глазах, подрагивающие пальцы, ссутуленные плечи... Я вспомнила, как еще на кладбище магистр Дарквиль говорил нарушителям: «Завтра ко мне в кабинет».

Это что же он такое с ними сделал?

– Леди Виктория!

Ох ты ж! Я вздрогнула от неожиданности. Алекс, как всегда, появился из ниоткуда и не вовремя. У него что, вообще своей работы нет?

– Если хотите, я могу сопровождать вас на обед.

Я посмотрела на него удивленно: это еще какого черта! Он начал торопливо объяснять:

– Вы еще неокончательно освоились с приборами, это может выглядеть подозрительно...

Больше всего на свете мне хотелось послать его ко всем чертям и хотя бы в столовой остаться наедине с собой. Но, пожалуй, он был прав: лучше иметь рядом кого-то, кто ткнет тебя локтем в бок, когда ты начнешь совершать нечто столь же уместное, как черпать руками варенье из вазочки в нашем мире.

За обедом Алекс пытался поддерживать светскую беседу, задавал дурацкие вопросы, ни с того ни с сего отмечал, что цвет формы для «подготовишек» мне к лицу, а потом отчаянно краснел, видимо, поняв, что комплимент этот очень сомнительный. Вроде как ни на что другое ты не годишься...

В общем, когда я справилась со всеми блюдами, кажется, мы оба вздохнули с облегчением. Если лекция по безопасности была по-настоящему интересной, то все остальное, что предлагалось «подготовишкам», тоска смертная. Ветрологию вполне могли бы преподавать и у нас, где-нибудь в средней школе на уроках географии. Ничего магического в себе эта наука не заключила.

Следом за ней шла магическая литература. Я надеялась, что мы получим доступ к каким-то фолиантам с заклинаниями, но вместо этого обсуждались романы о ведьмочках, феях и некромантках. В течение двухчасового практикума мы всей подготовительной группой (человек из тридцати) усиленно искали в них смысл. Откровенно говоря, я не очень поняла, нашли в конце концов или нет...

Но и это занятие благополучно закончилось.

Заглянув в расписание, я прочитала следующий пункт. «Толкование снов первого уровня» – и в скобках пометка: «факультатив». О нет, от этого, пожалуйста, меня увольте! Надпись «факультатив» обнадеживала, это вроде бы как что-то не очень важное, то есть необязательное.

Поэтому, когда однокурсники отправились в новую аудиторию погрузиться в мир толкований, я бочком-бочком двинулась в свою комнату, чтобы как раз наоборот – погрузиться в мир снов. А что, нужно же мне набраться материала для факультатива.

Тем более что прошлой ночью я почти не спала, да и будущей, возможно, спать не придется. Мысль о том, почему мне не удастся поспать, окончательно испортила настроение.

Я дошла до своей комнаты, не раздеваясь, рухнула в кровать и прикрыла глаза, а открыла их, когда уже начало темнеть, а в мою дверь стучали.

Это что же, я весь день подрыхла?

Я слезла с кровати, дошла до двери и аккуратно ее приоткрыла. Тысяча могил! Я едва сдержала ругательство. На пороге стоял Алекс – удивительно назойливый тип.

– Я пока не расположена идти на прогулку, – заявила я ему.

Не слишком хорошо представляю, как я буду пробираться к магистру, но лучше я подумаю об этом в одиночестве.

– Нет-нет, погодите! – Он, видимо, понял, что я собираюсь захлопнуть дверь, и придержал ее руками. – Магистр Дарквиль отправил меня за вами, он сказал, что ему нужно провести несколько тестов, а еще поработать с артефактами и...

Я с трудом сдержала нервный смехок: да уж, ректор решил задачу куда изящнее, чем я. Пока я думала, как бы избавиться от Алекса, он просто поручил тому меня доставить.

Мы вышли из общежития и спокойно, не таясь, у всех на виду направились в сторону апартаментов магистра.

– А что, по ночам ходить к ректору – это у вас не считается неприличным?

Мне почему-то захотелось подразнить Алекса, а может быть, я слишком нервничала перед тем, что сейчас произойдет, и пыталась отвлечь себя глупой болтовней. Он посмотрел на меня так, будто я только что пыталась осквернить святыню.

– Ну он нестарый еще мужчина... Кому-то даже может показаться привлекательным... И девушка в его апартаментах, ночью... – продолжала я.

– Магистр Дарквиль чрезвычайно порядочный человек и настоящий профессионал! И такого рода предположения, леди, не делают вам чести!

Алекс так строго меня отчитывал, что я едва сдержала смех. Знал бы он, какие тесты с артефактами у нас там планируются. Впрочем, наверное, хорошо, что не знает. Не стоит ломать ему привычную картину мира.

Глава 14

Когда мы вошли в кабинет, ректор стоял у раскрытого окна с книгой в руках. Я смутилась. Он ведь мог видеть, как мы с Алексом приближаемся, и даже слышать наш разговор. Что я там изрекла? Нестарый? Кому-то может показаться привлекательным?

Печальная правда в том, что привлекательным он кажется мне. И даже вся нелепость ситуации, в которой мы оказались, ничего в этом не меняет. Да хотя бы прямо сейчас – я остановилась на пороге и почувствовала, как загораются щеки. Просто потому, что увидела его. От одного взгляда на силуэт ректора – высокий, статный, с хорошей осанкой и мощным разворотом плеч – внутри у меня заплескалась обжигающая лава.

Еще немного, и я смогу вызвать Алекса на состязание – кто краснеет быстрее и выглядит при этом глупее.

При виде нас ректор отложил фолиант.

– Добрый вечер, леди Виктория. Благодарю вас, Алекс.

На этот раз помощник исчез моментально. Я сделала шаг вперед, хотя на самом деле с удовольствием провалилась бы под землю вместе с Алексом. Мне казалось, магистр Дарквиль видит меня насквозь. Всё моё смущение, растерянность, неуверенность в себе... и в наших отношениях.

Хотя какие еще, спрашивается, отношения?

Надо просто выслушать новости. Привез ли магистр Дарквиль артефакт? И будем ли мы его использовать прямо сейчас?

Или, возможно, магистр без слов вернется к тому, на чем мы вчера прервались. Откровенно говоря, последнее было бы лучше, потому что избавило бы меня от лишних разговоров, которые ничего не дают – лишь вгоняют в краску. Покончить с этим делом – и больше никогда с магистром не встречаться.

Но он сказал нечто другое:

– Вы пропустили занятия по толкованию сновидений. Не следовало этого делать.

Что? Он это серьезно? В такой момент он не нашел ничего лучше?

– Но это был факультатив!

– Для вас – первое занятие. Из всех факультативов вам нужно выбрать хотя бы три. Но для этого ознакомиться придется с каждым. А ваше отсутствие на занятиях привлекает к вам ненужное внимание.

Разве можно подобрать более подходящие слова для девушки, которая явилась, чтобы ему отдаться! Да ректор у нас романтик!

Я чувствовала, что закипаю.

– Если вы закончили читать мне нотации, может, давайте уже приступим к тому, для чего я явилась. Мне бы не хотелось умереть только потому, что отчитывать студенток вам нравится больше, чем...

Договорить я не успела. Магистр Дарквиль в считанные секунды оказался рядом. Его твёрдые пальцы бесцеремонно приподняли мой подбородок, и я заткнулась. Горло сжало словно жгутом, сердце забарабанило так, что я перестала слышать вообще что-либо, кроме шума, с которым кровь струится по моим венам.

Собственная реакция меня напугала. Захотелось всё отменить, проглотить обратно только что сказанные слова, убежать – но я ничего этого не успела, потому что в следующий миг магистр меня поцеловал. Его твердые требовательные губы накрыли мой рот, властно приоткрыли, язык скользнул внутрь... и я задохнулась от невыразимо сладкой дрожи, охватившей всё тело. Коленки подкосились, и я бы непременно шлепнулась на пятую точку, если бы сильные руки магистра не подхватили меня и не прижали к его телу.

– Есть кое-что, что нравится мне больше, чем отчитывать студенток... – бархатный шепот обжег ухо.

Сердце билось слишком сильно, чтобы я смогла поинтересоваться, что именно. Впрочем, судя по жаркому поцелую, я и без того уже догадывалась. Только немного ранили его слова про «студенток» – как будто у него их было много. Хотя почему «как будто»? Это вполне может оказаться правдой.

– Не торопитесь так, Виктория. У нас впереди вся ночь.

Нет, он точно надо мной издевается! Я взглянула в тёмные, как штормовое море, глаза и, к своему испугу, вместо искорок смеха обнаружила там многообещающий интерес.

– Нам нужно делать это всю ночь? – Кажется, в голос прорвался неконтролируемый ужас.

Вот теперь магистр расхохотался и отпустил меня.

– Вы могли бы трепетнее относиться к моим чувствам. Ваша паника – это удар по моей самооценке. Может быть, и всю, если понадобится. Но, скорее всего, нет. Тут дело не во времени, а в результате... Если вы понимаете, о чем я...

О да, я, кажется, понимала. По крайней мере, мои полыхающие уши, думаю, свидетельствовали об этом безошибочно.

Тем временем магистр мягко приобнял меня за плечи и развернул в сторону спальни.

– Идемте.

Я сразу увидела артефакт – большой коричневый шар на деревянной лакированной подставке. Он стоял на тумбочке рядом с расстеленной, приготовленной ко сну кроватью с приглашающе откинутым краем одеяла. Мне показалось, что этот шар куда больше того, что рассыпался, – но, быть может, меня подводил глазомер. Впрочем, куда сильнее, чем артефакт, моё внимание приковывала кровать.

Ох. Итак, это всё же случится сегодня.

– Виктория...

По шее сзади вдруг скользнули горячие губы магистра.

Из моей головы вылетели все мысли, внутренности сковало льдом, а в самой середине, в самой глубине моего существа словно взвилась, раскручиваясь сильнее и сильнее, пылающая огненная спираль. Робкий привкус запретного наслаждения кружил голову. Вот так, когда магистр сзади, – так куда лучше. Так я не вижу его глаз, могу не смущаться, могу просто опустить голову и прерывисто вздыхать, вздрагивая всем телом при очередном поцелуе.

Но этим магистр не удовлетворился. В следующее мгновение я почувствовала, как ткань платья медленно сползает с плеч.

Глава 15

Кажется, я вздрогнула или тихо ахнула, потому что на миг руки магистра остановились. Но почти сразу задвигались снова, умело освобождая меня от шнуровки. Я стояла, чувствуя, как щёки пылают от жара. Раздевает меня... как куклу. Хотя нет. Куклу не целуют вот так, в спину, медленно и нежно, обжигая каждый кусочек открывающейся кожи. Я даже не знала, что это может быть так – слишком чувственно, слишком волнующе.

Наконец платье упало к моим ногам. Стало прохладно, высыпали мурашки, я хотела было обнять себя за плечи, но горячие ладони магистра ласково накрыли мои руки и заставили уронить по швам. Ещё мгновение, и местная полотняная кофточка, выполнявшая здесь роль лифчика, оказалась на полу рядом с платьем.

Я судорожно втянула в себя воздух, когда пальцы магистра коснулись моей груди. Соски уже давно были напряжены, не знаю, от прохлады или чего-то другого, и торчали маленькими тугими пуговками. Крупные пальцы магистра, словно порхая, дотронулись до правого и левого одновременно, и меня прострелило оглушающим томительным разрядом. Магистр продолжал гладить мои соски, и это томительное ноющее ощущение всё нарастало. Внизу живота словно скрутилось огненное кольцо и бешено сокращалось при каждом прикосновении, посылая спазмы по всему телу. Я дышала быстро, прерывисто,

откинувшись на магистра и забыв о смущении, хотя я была почти полностью обнажена, а он – полностью одет.

Его жаркое дыхание, безостановочные движения пальцев, прикосновения губ к шее сводили меня с ума. В следующую секунду магистр рывком повернул меня к себе. Я мельком увидела его потемневшие глаза, приоткрывшиеся губы, и магистр накрыл мой рот поцелуем. Поцеловал жадно, напористо, одной рукой удерживая меня за затылок, как будто хотел помешать мне вырваться, другой – вжимая в себя мою талию. Животом я ощущала нечто твёрдое и горячее и боялась думать об этом. Впрочем, думать вообще не очень получалось.

Магистр на миг оторвался от меня, внимательно посмотрел в глаза. Не знаю, что он там увидел, но на губах появилась довольная улыбка. Раз – и меня подняли на руки. Я пискнула, теряя ориентацию в пространстве, уцепилась за широкие плечи магистра. Несколько шагов, и разгоряченная спина коснулась прохладной ткани одеяла. Я невольно выгнулась. Горящий взгляд магистра остановился на моей груди и на пару секунд замер. Потом его руки поднялись к воротничку и стали расстёгивать пуговицы.

Я, лежа поверх одеяла в чём мать родила, наблюдала, как магистр избавляется от одежды. Он делал это быстро и уверенно, без малейшего смущения, так, словно готовился принять ванну. Рубашка сползла с плеч, обнажая загорелую кожу. Я с трепетом следила взглядом за открывающимися горизонтами.

В голове царил сплошной сумбур. Мужчина... живой, настоящий, разоблачается передо мной. Это было одновременно странно и... волнующе.

Приглушенный свет ночника обрисовывал гладкие мускулы, безволосую широкую грудь, впалый живот с заметными мышцами пресса. Магистр невозмутимо нагнулся, избавляясь от брюк, небрежно кинул их на кресло вслед за рубашкой. Это меня неожиданно удивило. Почему-то я скорее ожидала, что он тщательно развесит одежду на плечиках или, на худой конец, сложит стопкой.

Теперь на теле магистра оставалось только нижнее белье... и под ним ясно просматривались очертания некоего крупного продолговатого предмета. Магистр подцепил большими пальцами резинку и... остановился, глядя на меня и усмехаясь.

Я накрыла щёки ладонями, но взгляда не отвела. Даже тогда, когда ткань медленно поползла вниз.

Ох. Я видела раньше мужские... органы... в готовом к использованию состоянии – но не вживую. На экране телевизора, компьютера, в журналах – сколько угодно. Ну, как обычная среднестатистическая девушка девятнадцати лет. А вот так, на расстоянии в пару метров, причём в ситуации, когда знаешь, что скоро этот самый орган будет

иметь к тебе непосредственное отношение... такого опыта у меня ещё не было. Даже с бывшим парнем максимум, что я пробовала, – это потрогать сквозь ткань.

Как ни странно, ни брезгливости, ни отвращения я не почувствовала. Напротив, изнутри поднялся какой-то необычный, пугающий интерес. Захотелось дотронуться, провести ладонью по всей длине, сомкнуть пальцы, ощутив в руке эту загадочную плотную упругость. Я облизнула губы, и магистр, словно получив какой-то знак, шагнул ближе.

Кровать чуть прогнулась под тяжестью его тела. Он лёг рядом со мной, на бок, подперев голову рукой. Я сжалась от его жара, от близости, и он, заметив это, мягко просунул ладонь, обхватывая мою щеку. Бережно повернул к себе.

Я замерла, чувствуя себя одновременно совсем беззащитной и... полностью защищенной – под его взглядом, в его спальне. И, наверное, впервые призналась себе в том, что он мне нравится. Магистр... красивый. Взрослый, далёкий и ужасно притягательный.

– Не бойтесь. Всё будет хорошо.

Я не боюсь, хотела сказать я – и не успела, потому что он наклонился и снова поцеловал меня. На этот раз мягко и ласково... вернее, начал было мягко и ласково, изучая, раскрывая для меня мою же сексуальность, – но почти сразу поцелуй стал страстным, яростным от неприкрытого желания. Внизу у меня опять запульсировало, прогоняя по телу горячие волны. Магистр приподнялся и быстро, почти бесцеремонно избавил меня от трусиков. Подавив желание накрыть лицо руками, я смиренно лежала, сгорая от смущения, пока магистр смотрел на меня. Мне показалось, это длится мучительно долго. Стыдиться за своё тело мне не приходилось – довольно стройная, с приятными изгибами там, где надо, – но под взглядом магистра я горела и плавилась, как масло на горячей сковороде.

Когда магистр наконец поднял глаза, в них было откровенное желание. Такое явное, что у меня захватило дух. Он шевельнул губами, как будто хотел что-то сказать, но в последний момент передумал. Вместо этого снова опустил взгляд и медленно провёл рукой по моему телу. Казалось бы, просто провёл, не задерживаясь особенно на каком-то участке, но меня это прикосновение обожгло, заставило судорожно схватить ротом воздух, вцепиться пальцами в одеяло.

– О-о, Виктория... – глухим шепотом проговорил магистр мне в волосы. Снова бесцеремонно повернул меня к себе и накрыл рот жадным поцелуем.

А потом мягким движением передвинулся так, что я оказалась под ним – совсем сходящая с ума от бури новых ощущений.

Там, внизу, в пылающем средоточии жара, я почувствовала необычное прикосновение. В ту же секунду губы магистра коснулись моего соска, и я

ахнула от ослепляющей сладкой молнии, пронзившей всё тело. Ой, мамочки...

Губы и язык магистра танцевали вокруг одного соска, рука поглаживала, покручивала второй, а внизу... внизу по предательской влажности неторопливо скользил некий предмет, думать о котором я опасалась. Закрыв глаза, вцепившись пальцами в одеяло, я умирала от каждого нового касания. Потом магистр приподнялся и снова поцеловал меня. Перехватил руками мои запястья, поднял их у меня над головой – и одним движением бёдер оказался внутри меня.

Я широко раскрыла глаза, чувствуя, как меня растягивают, наполняют, приспособивая под себя. Странно, но боли и правда не было. Было странное, но приятное ощущение того, что во мне находится какой-то крупный предмет.

А потом он начал двигаться, и я захлебнулась стоном. Боже... это было так... чудесно. Так... необычно. Какое-то невероятное запретное удовольствие. Запретное потому, что я не могла не чувствовать легкий привкус неправильности. Так нельзя... так, как мы делаем это... но это так умопомрачительно прекрасно. И наше дыхание, и переплетающиеся пальцы, и тяжесть мужского тела на мне, и эти нарастающие непрекращающиеся толчки, постоянный ритм, медленно, но верно уносивший меня в какие-то непознаваемые глубины наслаждения. Губы магистра не оставляли меня в покое, поцелуи то жалили, то становились мягкими, почти невинными, то снова страстными, сводящими с ума. Я больше не могла сдерживаться и постанывала вслух.

А потом что-то изменилось. Внизу зародилось какое-то странное ощущение, оно росло и ширилось при каждом толчке. Поцелуи магистра стали совсем сумасшедшими, меня словно уносило в безумном урагане. Я цеплялась пальцами за ткань, металась, стонала, уже ничуть не скрываясь, сама подавалась навстречу магистру, всем своим существом поддерживая этот бешеный ритм. И в какой-то момент удовольствие стало запредельным.

Я ахнула, содрогаясь в мучительно-сладком спазме. Раз, другой, третий – а магистр всё не прекращал двигаться во мне, вознося в какие-то непостижимые высоты. И вдруг тоже резко выдохнул, вжал лицо в мои волосы, обронил: «О-о-о...» – и я почувствовала, как во мне резко и быстро что-то толкается, обжигая горячим.

Несколько минут мы просто лежали молча, сплетясь конечностями, мокрые от пота. Я едва дышала под тяжелым телом магистра, но эта тяжесть, как ни странно, тоже была приятной.

А потом, когда магистр рывком перекатился на бок, мне сразу стало прохладно... и одиноко, и некуда деть глаза. Я зажмурилась, надеясь, что именно так должны поступать девушки после первого секса, и услышала совершенно неуместный смешок.

Пришлось с негодованием распахнуть глаза и обжечь магистра гневным взглядом.

Увы, это не оказало на него ровно никакого воздействия. Даже наоборот, заставило что-то внутри у меня снова томительно сжаться при виде довольных синих глаз и небрежной улыбки. Ох... когда же всё это кончится...

Ах да! Проклятие!

– У нас получилось? – Я попыталась приподняться, чтобы взглянуть на артефакт, не рассыпался ли и он, как прошлый, но из-за мощного тела магистра ничего не увидела. А в следующий миг его рука вообще припечатала меня к кровати, сгребла и по-свойски прижала к ещё горячему телу.

– Лежите спокойно, – безапелляционно велел магистр, накидывая на нас одеяло. Потом провёл рукой у меня над головой, перебирая пальцами, как пианист. И наконец ответил: – Да. Вне всяких сомнений. Мы спасены.

О. Я немного расслабилась от этих слов. Правда, почти сразу внутри заворочался червячок досады. Вот и всё. Проклятие снято, наша связь разорвана, теперь мы просто едва знакомые люди... какими, собственно, и являлись. В следующий раз, когда я встречу с магистром в коридорах академии, мы лишь вежливо поздороваемся.

Хотя он ведь обещал вернуть меня домой... Значит, нам придётся встретиться наедине ещё хотя бы один раз.

Я тут же обругала себя за эту мысль. Ну зачем мне встречаться с ним наедине?

– Ладно, я, наверное, пойду тогда. – Я попыталась выбраться из постели.

Не вышло: магистр только крепче прижал меня к себе.

– Лежите, – повторил он. – Сегодня вы будете ночевать здесь.

– Это ещё зачем? – с неудовольствием, которое было больше искусственным, чем настоящим, поинтересовалась я. – Вроде бы всё закончилось.

– Да, но я хочу убедиться, что всё действительно в порядке. Мы, конечно, можем отправиться в вашу комнату – но вместе. А я уверен, что вдвоём нам будет удобнее остаться у меня.

Перед лицом неопровержимых аргументов оставалось только смириться. Я тихонечко вздохнула, чтобы показать своё несогласие, и устроилась в постели поудобнее. Пожалуй, магистр был прав и ночевать здесь куда приятнее, чем в моей маленькой комнатке. Не говоря уже о лишних глазах и ушах, которых в общежитии намного больше, чем в этих апартаментах.

Уже почти уплывая в сон, я вспомнила о моменте, который во что бы то ни стало нужно было прояснить.

– Почему было не больно? – спросила уже совсем сонным голосом.

– Я же обещал вам, что не будет, – прозвучал над головой спокойный ответ. – На этот случай есть специальное небольшое заклятие... заодно я добавил туда и предохраняющий эффект. Ни о чём не волнуйтесь, никаких последствий не будет.

Я промолчала. Обалдеть, у них и для таких ситуаций есть заклинания. Извращенцы!

А ведь магистр наверняка не первый раз его использует. Вот ведь...

И вообще я не ревную.

Это стало моей последней мыслью за этот долгий день – я безмятежно заснула.

Глава 16

Я проснулась сразу и резко. Первое открытие этого утра – я не одна в широкой кровати магистра. И, учитывая размеры этой кровати, мы вполне могли спать подальше друг от друга – но оказались слишком близко, впритык, вплотную. Я ощущала жаркое тело рядом... Рука магистра покоилась на мне, слегка придавливая к кровати. Сам он еще спал – глаза его были закрыты, грудь ровно вздымалась.

Воспоминания о том, что случилось прошлой ночью, нахлынули разом – и вызвали бурю самых разных чувств. Было здесь и желание выскользнуть из-под сильной руки, а потом, не задерживаясь ни на секунду, сбежать из комнаты. Было и другое – ничуть не менее сильное – взъерошить темные волосы, скользнуть пальцами по шее и ниже, огладить широкое плечо. А еще – коснуться губами кожи, например, здесь, у самой ключицы.

Я вспомнила, как он целовал меня вчера, – вот этот самый мужчина, сейчас спящий с безмятежностью младенца. Как я сгорала от его прикосновений, тонула в ненасытном взгляде, извивалась под мощным телом...

Эта мысль заставила меня задыхаться чаще и глубже. Словно почувствовав это, магистр вздрогнул и открыл глаза. Его полусонный взгляд скользнул по мне. Ох! Теперь у меня точно не оставалось сомнений в том, что нужно делать – бежать! Иначе я просто сгорю от стыда! Там, где магистр смотрел на меня, под кожей словно распускались огненные цветы.

Я резко села и рванула на себя одеяло, закрываясь от его взгляда.

Слишком сильно рванула, пожалуй. Мой вынужденный любовник почти лишился спасительного покрывала и теперь был передо мной практически голым. Я сделала над собой усилие и отвела взгляд.

– Не стану вас смущать, – с усмешкой сказал он. – Увидимся за завтраком.

Он поднялся с постели, сгреб одежду и, совершенно не стесняясь своей наготы, вышел из спальни. А я еще какое-то время не могла прийти в себя – призрак широких плеч, узких бедер, крепких ягодичек все еще маячил перед глазами.

И все же я нашла в себе силы подняться с кровати, умыться, ощущая, как сладко и незнакомо ноет тело, одеться и пригладить волосы. И все это время меня неотступно преследовала мысль. Что было бы, если бы я рискнула? Поддалась порыву, потянулась и все же коснулась губами его шеи? Перед глазами мелькали возможные картины: вот он хватается за меня, подминает под себя, и вчерашнее безумие повторяется снова... Но трезвый разум показывал и другую картину: он отстраняется и со всей возможной учтивостью объясняет мне, что связи между преподавателями и студентками в их академии не приветствуются, что он никогда бы себе не позволил подобного, если бы не особые обстоятельства.

Ну уж нет! Такого унижения я бы точно не пережила. Мне пришлось провести несколько минут перед зеркалом, чтобы придать себе невозмутимый вид.

Когда я вышла в гостиную, завтрак был уже накрыт, а никакого Алекса рядом не стояло. Неужели магистр сам озадачился и раздобыл еду? Какая забота! Не обо мне, разумеется, а о его собственной репутации.

– Так что же проклятие? Вы убедились? Окончательно снято? – ровным голосом поинтересовалась я, садясь на предложенный стул.

Почти сразу выдержка мне изменила. Магистр бросил на меня быстрый короткий взгляд, и сердце заколотилось как припадочное, а к щекам подкатил лихорадочный жар. Спасло меня только то, что магистр почти сразу отвернулся.

– Да, Виктория, вы можете не беспокоиться. – Его голос был ровен, не слышалось ни малейшего сожаления. Я мысленно похвалила себя за то, что тоже сумела не проявить никаких эмоций. Хороша я была бы, краснея и смущаясь тут у него на глазах. Он бы наверняка подумал, что я не умею владеть собой. – Проклятие действительно снято, в этом можно не сомневаться.

Значит, уже всё... На самом деле всё. Бесповоротно.

Странно, я ведь уже думала об этом вчера ночью, но тогда это не огорчило меня настолько сильно. Может быть, всё дело в том, что сейчас, когда я сидела напротив магистра, за завтраком на двоих, на меня нахлынуло странное чувство: как будто мы и в самом деле

встречаемся. И поэтому холодное напоминание, что всё это было ради дела, резануло беспощадно.

Едва сдерживая желание расплакаться, я напомнила магистру о его обещании:

– А что же с моим возвращением домой?

И снова – быстрый короткий взгляд, будто магистр проверяет что-то, известное ему одному.

– Вы торопитесь домой?

– Конечно! Там мои родители, брат, учеба... там вся моя жизнь, вообще-то!

Внутри потихоньку закипала обида. Хотелось показать ему, что мне не нужен этот дурацкий мир, где проклятия снимают такими методами, где мужчина может быть так нежен ночью и так холоден, едва наступит утро. Не нужен ни мир, ни сам магистр!

Он кивнул, бережно отставил чашку с чаем и ответил:

– Пока, как вы могли заметить, я не мог заняться этим вплотную. Но теперь, несомненно, приложу все усилия.

О, ещё бы! Конечно же, после всего случившегося ему не терпится от меня избавиться. Можно не сомневаться – теперь он постарается меня отправить отсюда как можно скорее.

Наверное, от подкатившей к горлу злости я уделила всё своё внимание правильным манерам. Подцепила булочку вилкой, ловко отрезала кусочек ножом и обмакнула в клубничный джем, представляя, что топлю в кровавой массе отрезанную голову магистра. Так ему и надо, будет ещё лишать невинности честных девушек!

– Я вижу, уроки Алекса идут вам на пользу. Вы уже неплохо справляетесь, – раздался его голос. Мне послышались в нём какие-то язвительные нотки.

Р-р-р! Он всерьез считает меня тупицей, не способной освоить искусство разрезать булку ножом?

– Безусловно, это целиком и полностью заслуга Алекса, – не без сарказма произнесла я. Смотреть на магистра не стала: ещё закачу тут истерику. Стыда не оберешься.

Но магистр вряд ли уловил моё послание. Он сказал ещё более отстраненным голосом:

– Вы много времени проводите с Алексом. Рад видеть, что вы подружились.

Чертов болван! А с кем еще мне проводить время, если, кроме Алекса, я никого не знаю?

– О да, – сообщила я тоже ледяным тоном. – Алекс – прекрасный молодой человек, он очень мил ко мне.

Мил, как же! Считает меня последним злом на земле и спит и видит, когда магистр отправит меня назад. Что ж, здесь наши цели и желания вполне совпадают!

– Очень рад это слышать, – совсем безэмоциональным голосом отозвался магистр.

Я стиснула зубы, чтобы они не заскрежетали от злости. Рад он, видите ли! Может, он ещё и просватает меня за этого Алекса? Хотя я понимаю, почему он рад. Надеется, что если у нас с Алексом что-то будет, то его я доносить точно не стану.

Подумаешь, нужен он мне!

В горло вообще теперь кусок не лез.

– Мне, пожалуй, пора идти, – сказала я, отложив приборы, – скоро начнутся занятия, и, насколько я понимаю, опаздывать не стоит.

– Да, конечно.

Магистр невозмутимо поднялся из-за стола. Мне же пришлось приложить усилия, чтобы не вскочить и не броситься к выходу сломя голову, а почти так же церемонно, как он, отложить приборы, свернуть салфетку, встать и чинно прошествовать к двери. А магистр, как назло, почему-то медлил. Остановился уже у самой двери и не спешил потянуть за ручку, будто бы хотел что-то сказать или даже не сказать.

У меня внутри всё замерло в ожидании. Ну? Неужели он наконец-то что-то скажет по поводу прошедшей ночи... не о проклятии и не о чертовом Алексе – а о нас?! А может, поцелует меня на прощание?

Но взглянуть на магистра я по-прежнему опасалась, чтобы он не прочел в моих глазах это глупое отчаянное желание.

И он так ничего не сделал и не сказал. Просто спустя мгновение отворил дверь:

– Хорошего вам дня, леди Виктория.

– И вам хорошего дня, – ответила я с улыбкой, добавив к этому про себя: «Чтоб ты провалился!»

Глава 17

– На какой факультет ты собираешься поступать? – спрашивала меня Элизабет, единственная девушка нашей подготовительной группы.

Уже два дня как мы с ней лучшие подруги. Собственно, особого выбора у нас нет. Дамочки из академии к «подготовишкам» относятся с известной долей снобизма. Знать не хотят – если говорить начистоту.

Мы стояли в коридоре, привалившись к подоконнику, и с тоской ждали, когда нас наконец пустят в кабинет зелий и отваров. До прихода преподавателя кабинет был закрыт, видимо, чтобы несмышленные абитуриенты не поубивали друг друга и не поубивались сами.

– А ты куда собираешься? – ответила я вопросом на вопрос.

Говорить о себе как-то не хотелось, потому что как раз я предпочла бы вообще никуда не поступать, а отправиться домой. Возможно, так и будет. Видимо, магистр так занят решением этой задачи, что вообще перестал появляться в коридоре и дворе академии. Во всяком случае, я с ним за это время ни разу не столкнулась.

Алекс периодически достаивал меня вниманием, но я всегда находила благовидный предлог, чтобы с ним не общаться. Слишком много занятий – один из них. Занятий и впрямь было много. Я всерьез взялась за учебу, не пропуская ни одного даже самого дурацкого факультатива. Чем больше я буду знать об этом мире, тем проще мне будет тут пробыть – столько, сколько нужно.

– Я собираюсь на целительский, – поделилась со мной Элизабет. – У нас в роду вообще-то все целители. Я с детства грипп лечу и ангины всякие, – не без гордости добавила она, – но что-нибудь серьезное – тут без образования никак.

– Здорово, значит, если простужусь, буду знать, куда обращаться!

Но увести разговор в сторону мне не удалось.

– Сама-то куда собираешься поступать? – не сдавалась Элизабет.

– На факультет погодной магии, – сказала я, лишь бы что-то сказать.

В конце концов, Алекс мне именно этот факультет и пророчил. А вряд ли он мог ошибаться.

Элизабет округлила глаза и посмотрела на меня так, словно бы я только что заявила, что мой план на жизнь – нищенствовать, побираться и умереть где-нибудь под мостом в обнимку с пустой бутылкой.

– Погодной? – она переспросила, видимо, не в силах этому поверить.

– Ну да, – пожала плечами я и нетерпеливо взглянула на огромное табло часов. Когда уже начнется эта лекция по зельям и отварам?

Продолжать занимательную беседу о будущем мне не хотелось, и я повернулась к окну, словно бы заинтересовавшись тем, что происходит там, в студенческом дворе. Лучше бы не поворачивалась!

Потому что там, как выяснилось, происходило кое-что крайне любопытное, но не слишком приятное. Магистр Дарквиль чинно шествовал по парковой дорожке, а у него на руке, вцепившись, словно пиявка, висела миниатюрная брюнетка в вызывающем алом платье. Чем дольше я смотрела на это, тем меньше мне всё это нравилось. Дамочка была очень хороша собой: роскошная грива волос, точёная фигура.

Даже мне пришлось бы это признать. Магистр же сохранял свой обычный невозмутимый вид.

А Элизабет всё жужжала на ухо:

– Ты всё-таки подумай... Погодная магия – это... не лучший выбор. И у тебя должны быть хоть какие-то таланты! С теорией ты справляешься отлично, всё схватываешь моментом!

– Кто это? – перебила я её.

– Где? – Она тоже повернулась к окну и проследила мой взгляд. – А, это? Магистр Дарквиль, конечно! Это наш ректор, разве ты не знаешь?

– Нет, – нетерпеливо перебила я. – Рядом с ним – кто?

– А, это леди Лисандра. Она член Совета. Ну и его любовница...

– Что? – вырвалось у меня раньше, чем я успела сдержать эмоции.

– Ну у них интрижка, это все знают. Тут нет ничего удивительного, они отличная пара... Все уже делают ставки – будет ли свадьба.

Элизабет, сама того не зная, всадила мне в сердце нож, а теперь продолжала его прокручивать.

Я смотрела на этих двоих, на то, как они идут, перебрасываясь какими-то репликами, на то, как она пялится на него как кошка на сметану – того и гляди сожрет, а он взирает на нее со своей обычной ироничной улыбочкой. И мне захотелось сделать что-то ужасное, что-нибудь такое... но что я могла?

Гнев и обида циркулировали по телу, на языке скопилась горечь. Я вцепилась в подоконник. Не совсем отдавая себе отчет в своих действиях, уставилась в небо, как будто оттуда могло прийти спасение. Щёки горели, а в пальцах зародилось странное ощущение – словно щекотка. Я выставила ладони перед собой, и мне вдруг показалось, что с них поднимается ввысь необычный, едва заметный туман.

Что это такое?

Я в панике оглянулась на Элизабет, но она ничего не замечала. Тогда я снова глянула во двор – и обалдела. Там, высоко в небе, сгустились тучи.

Удивительно! Я такого в жизни не видела!

Они не приплыли откуда-то, а действительно собрались сами собой из ниоткуда. Как будто невидимый мне великан обмакнул испачканную сизым кисть в стакан с чистой водой. Вокруг сразу потемнело, с неба громынуло, мелькнула молния, и в ту же секунду начался дождь.

Нет, не дождь – настоящий ливень! Хлынуло будто из ведра.

Магистр и его спутница в несколько секунд вымокли до нитки. Её пышная прическа скосбочилась и некрасиво осела, роскошное платье превратилось в мокрую тряпку, а по лицу потекли черные ручьи –

видимо, с водостойкой тушью у них дела тут обстоят не слишком здорово.

Я невольно улыбнулась. Такой леди Лисандра, любовница магистра, мне нравилась куда больше.

Но моё злорадство было преждевременным. Магистр Дарквиль подхватил спутницу за талию и быстро уволок под навес. Мгновение, и они скрылись из виду.

– Ох! – вскрикнула Элизабет, увидев эту картину. Но не перестала докладывать мне сплетни. – Надо же, как промокла! И как не вовремя. Она, видимо, явилась из-за оперы.

– Из-за какой такой оперы? – не поняла я. Глянула в окно и с удивлением заметила, что дождя уже нет, а тучи, только что плотной завесой застилавшие небо, медленно рассеиваются.

– Всё время забываю, что ты новенькая! Наши студенты ставят оперу. Совет это мероприятие финансирует. Сегодня у них генеральная репетиция, а завтра премьера. Кстати, с кем ты идешь? Я вот с Грегором, он с боевого факультета.

– Я... я ни с кем не иду...

Если честно, мне было не до оперы. Я ее и в прошлой жизни не очень-то любила. Поставили бы мюзикл, что ли!

– Как? Тебя еще никто не пригласил? Обязательно пригласят! Это только потому, что ты новенькая. Жди – скоро посыплются приглашения. Будет из кого выбрать! В принципе, тут все ребята нормальные, только с некромантами не ходи, эти полные отморозки.

О, вот тут я не сомневалась. С некромантами я имела счастье познакомиться в самый свой первый день здесь и не могу сказать, что это знакомство было приятным.

– А они, – я кивнула в ту сторону, где скрылись из виду магистр Дарквиль со своей пассией, – тоже будут на премьере?

– Конечно, но они будут сидеть в преподавательской ложе.

– Ну что стоим? Заходим, заходим в кабинет, – раздался писклявый голос сзади.

Все взгляды обратились на невысокую полную женщину с ярко-зелеными волосами и в нелепой одежде.

– Урок начинается. Зелья сами себя не приготовят. Заходим, заходим!

– А приворотное зелье делать вы нас научите? – хохотнув, спросил кто-то из парней.

– Да-да, и зелье невидимости заодно, – не раздумывая, ответила ему преподаватель, вызвав бурю смеха.

Видимо, какие-то местные шутки, смысл которых я не понимала. Надо будет спросить у Алекса.

Глава 18

Ренмар Дарквиль

Я был в растерянности, в полном раздрае. С одной стороны, Виктория явно выказала нежелание продолжать со мной общение, с другой – она засела в моём разуме, в сердце, как невидимая, но очень острая заноза, и перед внутренним взором постоянно возникали картины нашей ночи.

Самое острое разочарование подстерегало меня наутро.

Я с нетерпением, как мальчишка, ждал, когда она проснется. Ждал первого взгляда, нежного румянца смущения на ее щеках, пытался угадать, как пойдёт наш разговор. Сам хозяйничал на кухне, предвкушая, как она смутится и обрадуется.

Но, похоже, она этого или не поняла, или это её совсем не обрадовало. Она вообще выглядела... недовольной. Говорила преувеличенно ровным тоном, не поднимала глаз, явно мечтала скорее вернуться к себе, в свой мир. И винила меня в том, что до сих пор не может этого сделать.

Страсть, которую она выказывала ночью, пропала без следа – словно ее и не было. Или... или ее объектом был вовсе не я? Кого она представляла на моем месте, чтобы пережить случившееся? Эта мысль словно вогнала мне в грудь острый кинжал, так, что на миг потемнело в глазах.

А потом Виктория вообще призналась, что ей нравится Алекс.

Алекс, о небеса! Это было как обухом по голове.

Но, если подумать, Виктория была совершенно права. Алекс подходит ей куда лучше. Он ближе ей по возрасту, по положению, он довольно привлекателен внешне, насколько я разбираюсь в привлекательности мужчин. Так что ничего удивительного, конечно.

Ничего удивительного...

А я, болван, уже размышлял. Уже придумывал, как бы убрать её с подготовительных курсов и перевести на какую-нибудь рабочую должность, потому что интрига между ректором и студенткой – это всё же нехорошо, не то что здоровые отношения, скажем, преподавателя и служащей из канцелярии.

Увы. Что ж, видимо, единственное, что нужно от меня этой девушке, – это чтобы я вернул её домой.

Вернуть ее домой. Найти, где он – этот дом. Этому я посвятил все свое время, что только оставалось от дел в академии. Забросил даже свои научные проекты. Но пока результата не было. Все пути и нити, которые я мог ухватить из слепка ее энергии, или вели в тупик, или заводили совсем не туда.

– Магистр Дарквиль! – Голос Алекса вывел меня из оцепенения.

– Уйди, – бросил я, не оборачиваясь.

Опять явился рассказывать мне, как вредно для здоровья обходиться без еды и питья, а это ужасно отвлекает.

– Я бы с радостью, – обиженно буркнул он. – Но, боюсь, леди Лисандре и всему Совету это не слишком понравится.

Тысяча могил! Это же сколько времени я не выходил из кабинета? Она должна была явиться накануне премьеры... Неужели?..

– Благодарю! – сказал я Алексу, наскоро привел себя в надлежащий вид и со всем радушием, на которое только был способен, вышел встречать Лисандру.

Она была во всеоружии – все, как мне нравится: яркое платье, яркие губы, а над волосами колдовал не иначе сам Квартъе... Даже странно, что всё это теперь оставляло меня в полном равнодушии. Я отмечал её красоту, но сердце билось ровно, как метроном, ни жара в груди, ни волнения.

Но, похоже, Лисандра не собиралась признавать поражение. Улыбнулась обольстительно, подхватила меня под локоть и увлекла во двор академии. По пути она легкомысленно болтала обо всяких мелочах, словно и не было нашей размолвки. Зачем ей это? Хочет показать всем, что у нас по-прежнему все в порядке?

– Что вы думаете об эксперименте Лейса-Магница? Мне он кажется несколько рискованным! А вам? – лениво растягивая слова, спрашивала она.

Ну что ж, светская беседа еще никогда не была лишней.

– Не думаю, что из этого что-нибудь выйдет, любой, кто мало-мальски разбирается в темных материях, скажет...

Договорить я не успел. С неба хлынуло. В первый момент я опешил: только что ярко светило солнышко, а тут полило будто из демонового рога. И уж не знаю, показалось ли мне, но дождь шел только над двором, где прогуливались мы с Лисандрой. Я не успел опомниться, как оказался насквозь мокрым. А моя спутница вид имела и вовсе катастрофический. От прически не осталось и следа, платье пришло в негодность. Как только оторопь прошла, я подхватил Лисандру и уволок в помещение, под крышу.

– Мне очень жаль. Дождь кончится – и я отведу вас в гостиницу, чтобы...

Я выглянул в окно – но никакого дождя уже не было. И ни единой тучи – с неба ясно светило солнце. Что за...

– Что за шутки! – прошипела мне на ухо Лисандра. – Это вы так развлекаетесь или кто-то из ваших подопечных?

– Простите, леди Лисандра, но я не понимаю, о чем вы. Это ведь был дождь.

– Дождь?! – Мне казалось, она сейчас закипит от возмущения. – Я чувствовала присутствие магии, не морочьте мне голову!

Ну это уже чересчур!

– Погодной магии? – спросил я с улыбкой. Действительно смешно. Лисандра порой ведет себя как взбалмошная дама, но все-таки она ученый. Ей не пристало верить в глупости.

Она одарила меня злобным взглядом.

– Здесь у вас происходит что-то... странное. Сразу после премьеры я пришлю сюда проверку.

А вот это лишнее. Странностей у нас тут и правда хватает, но Совету совать в это нос точно не следует.

Здание, куда мы вошли, принадлежало факультету Целительства. Пока мы препирались в фойе, появилась леди Оливия – декан. В руках у нее были два зеленых балахона – неизменных атрибута любого лекаря. Я с благодарностью принял подношение. Одним обернул плечи леди Лисандры, удержав ее в руках на мгновение дольше положенного и получив в награду взгляд – удивленный, настороженный, но кокетливый.

Так-то лучше. Пусть лучше думает, как возобновить наши отношения, чем о том, чтобы прислать сюда проверяющих.

– Я провожу вас.

– Дойду сама! – прошипела она, без особой, впрочем, уверенности.

И вопреки своим же собственным словам позволила увлечь себя.

К себе в апартаменты я вернулся насквозь мокрый и злой, как демон, только что выпущенный из банки. Общество бывшей пассии, непонятный дождь, угрозы Лисандры. И Виктория – мое самое слабое место. Она похожа на других студентов... если не присматриваться. Но если у нас будут рыскать сыщики Совета – рано или поздно они найдут то, что я пытаюсь спрятать.

– Магистр Дарквиль! – Алекс снова появился на пороге. Я едва успел переодеться.

– У нас новые гости?

– А-а, нет, – он отвел глаза. – Я хотел посоветоваться. Это важно.

Его щеки были алее алого. Сердце пропустило удар. Я сразу догадался, о ком мы сейчас будем говорить. И не слишком рассчитывал, что этот разговор мне понравится.

Но пришлось кивнуть, приглашая Алекса присесть.

Он занял место напротив меня и некоторое время ерзал, прятал руки между колен, мучительно вздыхал и поглядывал на меня, словно ожидал, что я сам спрошу, в чём дело. Естественно, помогать ему я не собирался.

Наконец Алекс раскрыл рот:

– Леди Виктория... Я пригласил ее на завтрашнюю премьеру.

– В самом деле? – равнодушно поинтересовался я.

Внутри польхнуло горькое, снедающее пламя. Но я быстро остудил собственную ревность. Виктории в любом случае пришлось бы выбрать спутника на этот вечер. И этим спутником совершенно точно не мог быть я. Так что, наверное, Алекс – это лучший вариант.

– Да, и она оказала мне честь, позволив сопровождать ее, – важно произнес Алекс.

– И о чем же ты хочешь со мной посоветоваться? – Я приложил все усилия, чтобы вопрос прозвучал как ни в чём не бывало.

А что, если он попросит какое-нибудь заклинание контрацепции, посовременней, из последних... Руки сами сжались в кулаки. Пришлось сделать над собой усилие, чтобы сохранять спокойствие.

– Будет ли уместным подарить ей цветы? – краснея еще сильнее, спросил Алекс.

Я с облегчением выдохнул. Есть надежда, что у них все не зашло слишком далеко. Впрочем, вполне возможно, о контрацепции мой племянник знает побольше моего.

– Не думаю. Это же опера, цветы следует дарить артистам.

– Да, вы правы... – задумчиво проговорил он. – А как вы думаете, какие цветы ей нравятся?

– Я же сказал, не думаю, что тебе стоит дарить ей цветы! – отозвался я резче, чем должен был.

– А-а, ну да... А что тогда? Что можно подарить девушке на первом свидании?

Первом?! Я сделал стойку, как гончая, учуявшая раненую дичь. Так, может, между ними ещё ничего нет?

Впрочем, тут же нахлынуло разочарование. Может, пока ещё и не было, но непременно случится, если не сегодня, то в скором будущем. Ведь она сама сказала мне, что Алекс ей нравится.

– Не думаю, что на первом свидании вообще стоит что-либо дарить. – Я постарался отстраниться от собственных мыслей. – Просто будь джентльменом и... да, веди себя безукоризненно. Запомни: нет ничего хуже, чем распускать руки на первом свидании. Постарайся даже не смотреть в её сторону. И не вздумай её поцеловать! Этим ты всё испортишь.

При слове «поцеловать» Алекс стал красным как помидор. Замахал руками, даже оглянулся, как будто Виктория могла выскочить откуда-нибудь из шкафа.

– Что вы, что вы!.. Я бы не посмел! Я и не подумал бы!

Я положил локти на стол и спрятал нижнюю часть лица в переплетенные замком пальцы. Думаю, если бы Алекс сейчас увидел мою ухмылку, точно заподозрил бы неладное.

– Значит, вести себя по-джентльменски... не позволять себе лишнего... Я понял. А как вы думаете, можно ее пригласить на ужин?

– Ни в коем случае! Тут надо ждать, когда девушка сама проявит инициативу. Лучше и на обед не звать, на самом деле. Ты же сам понимаешь, если вас будут часто видеть вместе, пойдут слухи... Её это может огорчить. Ты должен затаиться и ждать.

Лицо Алекса вытянулось так явно, что я с трудом сдержал усмешку. Он вздохнул и приподнялся.

– Спасибо за советы, магистр Дарквиль. Тогда, если я сегодня больше не нужен, я, пожалуй, пойду? – Он смотрел на меня вопросительно.

Куда это он собрался? Раньше готов был торчать возле меня сутками, внимая каждому слову. Неужели полетит к Виктории и опять станет виться вокруг неё? Не тут-то было!

– Нет, – резко ответил я. – Нужно рассортировать книги в библиотеке. Расставить их по алфавиту. Займись, пожалуйста, пока я буду работать.

Наверное, я отвратительный руководитель... и еще более отвратительный дядя. Но унылое выражение на лице Алекса искупило все мои муки совести.

Актный зал переделывали в оперный лучшие маги-дизайнеры. Если Совет курирует мероприятие – на расходы он не скупится. Теперь здесь великолепная акустика, кругом золото и бархат, а уж преподавательская ложа может поспорить своим великолепием с королевской... И наряд

дамы, что сидит рядом со мной в этой преподавательской ложе, тоже, кажется, призван соперничать с нарядами ее величества. Леди Лисандра одной рукой придерживает меня за локоть, хотя в этом нет никакой необходимости, а в другой руке держит лорнет – и наводит его на студентов. Точнее – я уверен! – на студенток. Видимо, старается найти ту, которую считает виновницей нашего разрыва.

И если начистоту – я был занят практически тем же. Притворяясь совершенно равнодушным, скользил взглядом по толпе студентов, высматривая Викторию. Без каких-либо особых целей, просто хотел её увидеть. Странно, столько дней прошло – а в моей голове по-прежнему, как живые, всплывают воспоминания о той ночи. Её разметавшиеся по подушке волосы, искусанные губы, фарфоровая кожа, казалось, светившаяся в полумраке спальни.

Мерлинова борода! Вот и сейчас, стоило подумать о Виктории, как возникло неудобное положение.

Я осторожно поменял позу: не нужно, чтобы Лисандра заметила и приняла на свой счёт. И тут меня словно пронзила молния: я наконец увидел её. Викторию.

Небеса, какая же она красавица!

Я совершенно забыл, что в оперу нашим дамам было разрешено прийти одетыми не по форме, и невольно ожидал увидеть Викторию всё в том же тусклом сером платье – хоть и в нём она была очаровательна.

Но от зрелища, которое предстало перед моими глазами, у меня перехватило дыхание.

Она пришла в нежно-голубом платье с открытыми плечами. Корсет плотно обнимал ее талию, и каштановые локоны были зафиксированы в замысловатую причёску. Нежная шейка, тонкие линии ключиц, жемчужные бусы, устремляющиеся в ложбинку, – о-о, да это самый настоящий грех, вернее, грешный соблазн, запрещённый приём! И, разумеется, рядом с ней вился Алекс, гордый и довольный.

Могилы его побери! Я чувствовал себя несчастным, которого одновременно поджаривают на сковороде и погружают в лёд. Виктория породила во мне огонь – присутствие Алекса заставляло сходить с ума от ревности. А сверху всё это густо приправляло чувство вины.

Но что это такое?

Я подался вперед, напряженно всматриваясь в полумрак зала.

Нет, не может быть, наверняка мне только кажется...

Над головой Виктории вращалась тёмно-серая дымка.

В первый момент я испытал непростительную радость. Проклятие не исчезло. Точнее, оно вернулось. Изредка, но такое случается – оно успело запустить в нас свои щупальца, и, видимо, мы выжгли не всё.

Нет, если подумать, то радоваться нечему. Мы по-прежнему подвергаемся смертельной опасности, и на этот раз нужно будет приложить вдвое больше усилий. От таких вьедливых проклятий просто не избавишься.

Но это всё потом. В своих силах и знаниях я был уверен – справлюсь.

Проблема была... в Виктории.

У меня захватывало дух, стоило подумать, какой будет её реакция. И в то же время я почти жаждал этого, скорее хотел сообщить ей, не выказывая при этом, конечно, глупого ажиотажа.

Небеса! Подумать только – уже сегодня мы снова... Какая ирония судьбы, ей нравится другой, но она вынуждена будет лечь в постель со мной, чтобы остаться в живых.

А я... а я – подло, низко – этому рад.

Я бросил взгляд на Лисандру. В этом зале мало кто сможет навскидку увидеть проклятие. Могла ли это Лисандра, я не знал, но осторожность не повредит.

– Душновато, не находишь? – небрежно спросил я и, не дожидаясь ответа, под прикрытием охлаждающего заклинания навесил на себя иллюзию. Хотелось бы навесить и на Викторию тоже, но это подождет до вечера.

До конца оперы я сидел как на иголках, что, впрочем, не мешало мне насладиться музыкой. Она была великолепна, и сердце отстукивало ей в такт. Когда прозвучал последний аккорд, я проводил леди Лисандру к гостевым апартаментам.

Та явно ждала, что захочу подняться вместе с ней – пропустить по стаканчику. Раньше я бы так и поступил, но не сейчас.

Я сжал ее тонкую руку в ладони, задержав ее, пожалуй, чуть дольше, чем это позволяли приличия, и пожелал спокойной ночи. На что только не пойдёшь, чтобы усыпить подозрения этой кобры.

А сам, с трудом сдерживаясь, чтобы не бежать, отправился в общежитие. Серые чары – чтобы меня не видели посторонние. Осторожный стук в дверь.

Виктория появилась на пороге – взволнованная, глаза сияют. То ли это музыка произвела на нее такое впечатление, то ли свидание с Алексом.

При виде меня она явно смутилась и теперь выглядела растерянной.

– Виктория... – У меня пересохло в горле, пришлось сглотнуть, чтобы не захрипеть как несмазанный механизм. – Мне нужно с вами поговорить. В моих апартаментах. Немедленно.

Глава 19

Моим первым желанием было захлопнуть дверь у него перед носом. И не только для того, чтобы его обидеть, хотя это весьма утешило бы моё самолюбие, но и потому, что его вид здесь, так близко, моментально превратил меня из уверенной в себе красотки в смущённую дурочку, не знавшую, куда девать глаза.

А этим вечером я и впрямь ощутила себя красоткой. Не припомню, чтобы я когда-нибудь выслушала столько комплиментов.

Элизабет была права: парни кружили вокруг меня как мухи. Приглашений я получила немереное количество, а выбрала Алекса исключительно потому, что он, кажется, пригласил меня скорее из чувства долга. Во время представления он тоже вёл себя подчёркнуто отстранённо, ни томных взглядов, ни попыток разговаривать со мной. Уселся рядом и смотрел исключительно на сцену.

Вот и хорошо. Не хотелось давать никому авансов, ни с кем флиртовать – ведь скоро, надеюсь, я уже окажусь дома.

В том, что я хотела бы получить приглашение только от одного человека, я не признавалась даже себе. Почти не признавалась.

Подумаешь, ректор, местная звезда, встречается с другой местной звездой! Ну и пожалуйста, пусть хоть в дёсны целуются!

Однако, судя по выражению лица ректора, по напряжённому голосу, он пришёл за мной не просто так. Говорить в коридоре он бескомпромиссно отказался, так что теперь я шла за ним, недоумевая.

Сердце то подпрыгивало: а вдруг он решил, что я ему нравлюсь? То падало: но ведь у него уже есть любовница. Одновременно от ревности темнело в глазах: от него пахло чужими духами. Ну ещё бы – они с той дамочкой весь вечер просидели в преподавательской ложе бок и бок, а потом, может, занялись и ещё кое-чем.

Но зачем он ведёт меня к себе?

Что-то случилось?

Я не успела взвинтить себя: мы пришли. Магистр вежливо открыл дверь, пропуская меня внутрь. Я вошла, всё ещё теряясь в догадках и ожидая чего-нибудь плохого: например, того, что здесь меня встретит та, из Совета, и попытается арестовать или как у них там это называется.

Но в апартаментах ректора не было ни следа присутствия женщины. Даже этот сладкий, насыщенный запах духов, которым был пропитан он сам, здесь не ощущался. А когда ректор небрежно скинул пиджак на спинку стула, как будто и сам устал от прилипчивого аромата, я его почти простила.

Ключевое слово «почти». Всё-таки наличие любовницы – вещь сама по себе непростительная.

– Виктория, – позвал меня магистр. У него в руках были уже знакомые мне очки. – Наденьте.

В ушах зашумело. Не может быть...

Неверными пальцами я взяла очки, надела. Посмотрела на магистра и ахнула. Над его головой витала уже знакомая дымка. Ещё не такая грозная и оформившаяся, как в прошлый раз, но, вне всяких сомнений, это было оно. Проклятие.

– Нет, нет. – Я сдёрнула с головы очки, как будто они внезапно раскалились. – Вы меня обманываете!

На самом деле... я с удивлением поняла, что эта новость не стала для меня отвратительной. Она была шокирующей и неожиданной, но, как ни странно, внутри у меня маленькая Виктория завопила: «Йес!»

Обалдеть, могла ли я когда-нибудь подумать, что меня обрадует смертельное проклятие?

– Увы. К сожалению, не обманываю. Если хотите, я сейчас же, на ваших глазах, свяжусь с одним из своих коллег, и он объяснит вам, как это определяется, почему я уверен, что...

Он так старательно пытался доказать, что не помышляет ничего дурного, что я на него обиделась.

Мог хотя бы притвориться, что просто хочет меня соблазнить! Вернее, снова затащить в постель, потому что, наверное, меня можно считать уже соблазнённой.

– И что... теперь вы предлагаете... – Я не смотрела на магистра, но уже чувствовала, как щёки зарделись.

Вместо ответа он подошёл ко мне, вынул из моих пальцев очки и бросил их куда-то в сторону.

– Виктория, – сказал он тихо-тихо. Очертил рукой овал моего лица, скользнул на шею. Его пальцы пробрались в мою причёску на затылке, трепя локоны, пуская волны мурашек по телу.

О-ох, подумала я, закрывая глаза. Нет, я всё-таки ненавижу его за всё. За то, что у него есть женщина, за то, что он снова притащил меня в свои апартаменты, за то, что целует так... жарко, как будто никак не может утолить свою жажду. Особенно за то, что целует.

– О-ох, Виктория... – прошептал он, оторвавшись от меня, и прошептал так нежно, что сердце у меня чуть не остановилось.

Вот... гад! Вот зачем он так?! Ведь специально хочет усыпить мою бдительность, хочет, чтобы я поверила, что самом деле нравлюсь ему. Он-то не знает, что я видела его с той дамочкой из Совета.

Но глупое сердце ныло и плавилось, не обращая никакого внимания на голос разума. И, когда магистр снова накрыл мои губы своими, я

послушно подалась вперёд, раскрываясь, впуская его, отдаваясь ему полностью.

Ладно, в конце концов... это только для дела. Это только ради того, чтобы снять наконец это чёртово проклятие.

Странно, но сейчас магистр вёл себя как-то по-другому. В прошлый раз он был нежен и уверен, он словно обучал меня, показывал мне возможности моего же тела: на что оно откликается, от чего дрожит в предвкушении. А сейчас он атаковал меня, почти жалил жадными поцелуями, то и дело заглядывая в глаза, будто искал в них что-то, какой-то ответ.

Не знаю, нашёл или нет, но в один миг он рывком перевернул меня спиной к себе и проворно расстегнул крючки платья. Я не успела переодеться после оперы и сейчас только ахнула, прижимая к груди голубую ткань.

Нетерпеливость магистра меня одновременно и пугала, и будоражила. Мне хотелось, чтобы он действовал ещё нетерпеливее, ещё безрассуднее. Возможно, мне просто хотелось, чтобы рассудительность и умение владеть собой отказывали ему точно так же, как мне...

Прохладный воздух пощекотал обнажённую кожу.

– Вы так красивы... вы как фарфоровая статуэтка, – слышался жаркий шёпот за спиной.

Разрез на платье был довольно длинным, аж до начала полупопий, и я смутилась, осознавая, какое зрелище сейчас открывается магистру. Такие наряды носят без лифчика, а трусики я специально купила такого вида, который в нашем мире называют стрингами. Если так подумать, это должно выглядеть довольно вызывающе.

В следующий момент я почувствовала прикосновение горячих губ. Прямо в середину между лопатками. По позвоночнику прошла обжигающая волна, я втянула в себя воздух, а пальцы, придерживавшие ткань спереди, задрожали.

– Отпустите, – потребовал голос магистра, и одновременно его руки коснулись моей талии, поднялись вверх, накрыли мои пальцы.

Я послушно разжала их, и платье упало к моим ногам лужицей голубого шёлка.

Спальня, полумрак, уже знакомая кровать... нарастающее волнение, жадные руки магистра... он не говорит ни слова, только целует меня, жарко и неистово, так, что кружится голова. Я цепляюсь за его плечи, оплетаю ногами бёдра и сама притягиваю магистра к себе. Хочу поскорее ощутить его полностью, хочу унять это алчное, пожирающее меня пламя. Но всё напрасно, от наших движений оно только разгорается ещё сильнее, ещё ненасытнее.

Хриплым прерывистым голосом магистр шепчет моё имя, и меня окатывает крупной дрожью, как ледяным дождём. Все чувства обострились, каждое прикосновение – как наждаком по коже, вспаривает вены, вдыхает огненный жар. Я ощущаю в себе чужую плоть – бесконечно изумляющее, незнакомое чувство наполненности. Когда магистр входит, хочется стонать. Когда выходит, я невольно тянусь следом, как будто пытаюсь сама надеться на его член. И он снова идёт навстречу, задевает самое чувствительное место, заставляет меня выгибаться струной. Глаза магистра уже не синие, они тёмные, как бушующее море. Поцелуи становятся всё исступлённее, но я не против, я сама отвечаю почти с такой же страстью, ловлю его губы, жадно втягиваю в себя его язык. Ритм нарастает, мы словно взбираемся в гору, переплетаем пальцы, хмелеем от запаха друг друга.

И вселенная улетает.

Некоторое время после этого мы так и лежали, замерев в одной позе. Магистр сверху, крепко обнимая меня, и я внизу, хватая ртом воздух. Потом магистр скатился, освобождая меня, и лёг рядом на бок.

Я хотела было укрыться одеялом, но он остановил мою руку.

– Хочу посмотреть на тебя.

От этих слов я чуть было снова не покраснела. Потупилась, потому что смотреть магистру в глаза было совершенно невозможно. Впрочем, там и внизу было на что посмотреть.

Как интересно, вроде бы ректор, значит, книжный червь – но у магистра было сильное тренированное тело. Даже кубики пресса проглядывали, хотя он лежал вполне расслабленно, не пытаясь произвести впечатление.

Говорить ничего не хотелось, потому что всё было слишком сложно. Мне он нравится, но у него есть другая. Мы занимаемся сексом, но не потому, что любим друг друга, а потому, что иначе умрём. И...

– Теперь-то мы точно всё сняли? – проворчала я.

Глаза магистра блеснули.

– Думаю, да, но на всякий случай можно и закрепить эффект.

Я поперхнулась и ничего не ответила. Он тоже притих, затаился, как будто замышлял чего-то. Ох, сейчас как ляпнет что-нибудь, что моментально выдернет нас из этой реальности, где мы только вдвоём.

И предчувствие сбылось.

– Виктория... вы сейчас с кем-нибудь встречаетесь?..

– Не ваше дело! – вспыхнула я.

Не хотела с ним об этом говорить. Не хотела, чтобы он думал, что я никому не приглянулась, и не хотела врать, что у меня кто-то есть.

– Почему вы сердитесь?

Вот уже и взгляд посерьёзней, явно намерен докопаться до самого нежного, запрятанного глубже всего.

И тогда я приподнялась и сама потянулась к губам магистра. Он ответил на поцелуй, а я чуть не рассмеялась, увидев изумление в его глазах.

А потом я ощутила на бёдрах сильные руки и в следующий миг уже сидела на магистре верхом, целуя его... и чувствуя, как подо мной кое-что начинает оживать.

Ой не-ет... Я ещё успела легонько испугаться, но моё собственное тело уже прострелило ответным желанием. Я выгнулась, плотнее прижимаясь разгорячённой промежностью, а магистр поймал губами торчащий сосок. В глазах потемнело от удовольствия. Я издала протяжное: «М-м-м», двинула тазом сначала вперёд, потом назад, наслаждаясь прикосновением к тугой твёрдой плоти.

– О небеса, что ты творишь, – выдохнул магистр, не подозревая, что этим разбудил во мне дьявола.

Я коварно улыбнулась, положила ладони на сильную грудь, с удовлетворением ощутив бешеный стук сердца, – и одним движением, разом, оседлала магистра теперь полностью. Теперь я чувствовала его внутри, чувствовала, как мышцы сжимаются тугим кольцом, когда член магистра проникает глубже. Видела, с каким беззащитным, незнакомым выражением лица магистр смотрит на меня, и от этого ощущала себя всесильной.

Хотя на самом деле мне стоило большого труда не показать, что всё это сводит меня с ума так же, как и его. А то и сильнее. Я вся горела и дрожала, кусала губы, не сдерживая стонов. А когда магистр взял меня за бёдра и стал насаживать на себя, то я вообще почувствовала себя расплывающимся желе. Повалилась на грудь магистра и только постанывала в такт ускоряющемуся ритму.

О боже... почему я раньше не знала, что это так приятно?

Хотя это было не только приятно – это сводило с ума. Всё моё тело простреливали маленькие разряды, внизу разрастался настоящий пожар. Я ловила воздух ртом, целовала магистра в грудь, в шею – куда придётся. Но, когда внутри зародилось преддверие вспышки, собрала все силы, подалась вперёд и накрыла его губы своими. И почувствовала внутри обжигающий взрыв. Магистр длинно выдохнул мне в рот – и поцеловал. Жадно, страстно, сминая губы, толкаясь внутрь языком.

– Определённо... – сказал он, когда мы оба отдышались.

Сказал и не продолжил. Вместо этого перевернул меня и лёг сверху, придавливая своим большим разгорячённым телом.

Я протестующе пискнула, но он не обратил на это никакого внимания.

Тогда я пробурчала:

– Определённо – что?

На губах магистра появилась настораживающая ухмылка.

– Определённо, – повторил он, дёрнув бровями, – вы заслуживаете наказания, маленькая демоница.

И навалился на меня, впиваясь губами в мою шею.

Глава 20

Я стояла под теплыми упругими струями, закрыв глаза и отбросив все мысли. Потому что, как только я начинала думать, в голову лезло странное. Например, что проклятье – не такая уж плохая штука. Совершенно безвредная. Если, конечно, вовремя снимать. Или проводить регулярную профилактику...

А еще вспоминала, как магистр Дарквиль не позволил мне укрыться, как любовался мною. Или не любовался, а высматривал какую-нибудь одному ему понятную закорючку в моей ауре? Следом вспоминалась леди Лисандра, по-хозяйски положившая ладонь на его плечо... Ну их, такие воспоминания! Так что я просто бездумно вслушивалась в шум воды. Он успокаивал. В последнее время мне вообще стали нравиться самые простые, обычные вещи. Ветерок, обдувающий лицо, шелест листы, щебетание птиц. Появилось странное чувство: будто я часть всего этого. И под струями воды, казалось, я могу стоять бесконечно – словно растворяясь в ней, перетекая вместе с ней.

Только я вышла из ванной, раздался тихий стук в дверь. Я напряглась.

Снова Алекс? Только его здесь и не хватало. Вот уж кого меньше всего я хотела бы сейчас видеть. Хотя сам по себе он довольно милый парень, но я не могу его воспринимать иначе, только как напоминание о ректоре. Вспоминать же о нем мне сейчас совсем не хотелось.

Хватит и того, что щеки и так постоянно загораются, а порядком натертое местечко между бёдер томительно ноет при каждом шаге. Хорошо, что утром я трусливо сбежала, пока магистр не проснулся. Второго церемонного завтрака с очередными попытками обозначить дистанцию я попросту не выдержала бы.

Я набросила халат. Спасибо Элизабет. Она показала мне магазин, где продаются все необходимые в быту вещицы. Я думала, что смогу лишь составить компанию, пока она будет выбирать, но симпатичная продавщица, узнав моё имя, сказала: «Леди Виктория, для вас открыт кредит. Всё, кроме предметов роскоши, вы можете покупать, не рассчитываясь».

На самом деле это меня не удивило. Я знала, что магистр Дарквиль вряд ли упустит из виду тот очевидный факт, что мне для жизни недостаточно одного-единственного платья. А студентка, у которой даже нет расчески, явно выглядит подозрительно. Что меня тогда удивило, так это то, что вечернее платье с открытыми плечами и украшения не относятся здесь к предметам роскоши.

В общем, я набросила банный халат и приоткрыла дверь в надежде, что это все-таки не Алекс, а кто-нибудь из соседок, та же Элизабет, к примеру.

Но на пороге стоял незнакомый молодой человек. Выглядел он не очень: волосы всклокочены, под глазами залегли глубокие тени. Он не стоял неподвижно, а то и дело вздрагивал. Прошло несколько мгновений, прежде чем я его узнала.

Саймон! Тот самый некромант, которому я была обязана своим перемещением в это симпатичное место.

Внутри всё похолодело. С чего бы вдруг ему являться к какой-то там «подготовишке», существу практически низшего порядка. Явно на то была какая-нибудь веская причина, и, скорей всего, мне она не понравится.

– Вы что-то хотели? – спросила я, лелея последнюю надежду на то, что всё это какая-то ошибка. Что ему вообще делать здесь?

– Именно так, – сказал он с нехорошей ухмылочкой и втолкнул меня в комнату.

Толкнул довольно сильно! Я не удержалась на ногах, отлетела на несколько шагов назад и шлепнулась на пол. Впопыхах поправила полы халата, чтобы они не открывали незнакомцу лишнего.

Сам Саймон вошел следом, не особенно беспокоясь, рады ли ему здесь.

– Что вы себе позволяете? – воскликнула я возмущенно и громко, в надежде на то, что кто-нибудь услышит и придет мне на помощь.

Но Саймон не обращал на мое возмущение ровным счетом никакого внимания. Он плотно притворил дверь и злобно бросил:

– Не шуми, демонское отродье. Если здесь сейчас соберется целая толпа, тебе же несдобровать.

– Тут какая-то ошибка... – залепетала я, в глубине души уже понимая, что никакой ошибки нет и он точно знает, зачем сюда явился.

– Ты – то самое умертвие, которое мы подняли тогда на кладбище. Да только я сразу понял: никакое ты не умертвие. А иномирная дрянь, демоница!

Последнее слово он практически выплюнул с презрением и брезгливостью.

– Я не... – начала я, но никто не желал меня слушать.

– Молчи! – резко оборвал меня Саймон. – Я не поддамся! Знаю, что нашего ректора ты уже околдовала.

– Это не так, – в отчаянии сказала я.

– А как? – усмехнулся он. – Если бы не околдовала, давно бы была уже мертва. Или он оставил тебя, чтобы использовать демонскую энергию? – Он задумался, словно эта мысль только что пришла ему в голову. – Такого я от него мог бы ожидать. Он пойдет на всё ради науки... Но тогда он запер бы тебя в подzemелье, а не тащил на подготовительный факультет.

– Я не демон, – устало выдохнула я.

На это он тоже не обратил внимания. Злобно бросил:

– Одевайся, ты пойдешь со мной.

– Никуда я с тобой не пойду!

Уж это-то я знала точно! Здесь, в своей комнате, я в относительной безопасности, даже в обществе этого полусумасшедшего с горящим каким-то маниакальным огнём взглядом.

– Пойдешь как миленькая, а иначе я выйду из этой двери и отправлюсь прямо к леди Лисандре. Вы уже проводите правильный счёт? Так вот тебе задачка: сколько времени проживет демон, когда о нем узнают в Совете?

Занятий по правильному счёту у нас ещё не было, но смысл этой задачки был мне ясен. Судя по тому, что я об этом слышала, – очень недолго.

– А если ты пойдешь со мной, – заговорил он вкрадчиво, – мы проведем один очень простой, но эффективный ритуал... Я получу то, что мне нужно, и отпущу тебя восвояси.

– Для этого ритуала, – спросила я, – обязательно нужен демон?

– Ты догадлива, – улыбка на его лице была больше похожа на оскал.

– Тогда ничего не выйдет, потому что я не демон.

– Мне кажется, мы пошли по второму кругу, – недовольно нахмурился он. Мое нежелание чистосердечно признаться, похоже, стало его уже раздражать. – Или мы сейчас же идем на кладбище, или я иду в Совет. Выбирай.

Я попыталась прикинуть. Если он действительно пойдет к Лисандре, это займет какое-то время. Возможно, я успею добежать до апартаментов ректора... Вот только что мне это даст? Насколько мне известно, Совет имеет полное и законное право сделать с пришлицей всё, что угодно. Вряд ли я спасусь в этом случае. Только загублю магистра Дарквилля.

Нет, лучше уж отправиться вместе с этим сумасшедшим на кладбище. Что бы он там ни задумал, я не демон. И, когда его ритуал не удастся, в чем бы он там ни заключался, Саймон сам увидит, что ошибался.

– Я пойду с вами, – сказала я. – Только не в халате же! Извольте выйти и дайте переодеться.

– Хитрый демон, – засмеялся Саймон каким-то жутким нездоровым смехом. – Чтобы ты тут же исчезла? Вот уж нет, переодевайся при мне.

Я хотела высказать ему все, что об этом думаю, но потом поняла, это совершенно бесполезно. Человек, что стоял передо мной, точно лишён рассудка, и вряд ли мне удастся в чем-то его убедить.

– Могу я это сделать хотя бы в своей ванной комнате? – спросила я, не слишком рассчитывая на удачу.

Он задумался ненадолго.

– Пожалуй, если дверь останется открытой и я буду тебя видеть... Только ваших демонских фокусов мне не хватало.

Все, что я смогла сделать, – это уйти в комнату и отвернуться, спиной чувствуя его взгляд, отвратительно похотливый. Я постаралась одеться как можно скорее, чтобы по крайней мере не дать ему смотреть на меня долго.

Когда я закончила, мы вышли из комнаты и направились в сторону кладбища. Саймон крепко вцепился в мой локоть, так, что если бы я и попыталась убежать, то не смогла.

– И почему ты решил, что это я была тогда на кладбище?

– Я же тебя там видел, в темноте. Ты слишком хорошо сложена. Такая грудь... – Он облизал губы, – трудно перепутать, если видел хоть однажды.

– Перепутать с чем? Где же ты мог видеть мою грудь второй раз? – подозрительно спросила я. – Да так, что смог убедиться, что это именно я. У меня нет привычки разгуливать по академии голой.

Саймон вдруг смутился и отвёл глаза. Потом, словно опомнившись, посмотрел на меня с вызовом:

– Между прочим, в комнате, где тебя поселили, раньше моя девушка жила. Она позволяла мне любоваться собой, когда принимает ванну. Она поступила и переехала, а следилка осталась. Ну, чего вылупилась?! Подумаешь, от тебя не убудет! Ты же всё равно демон!

Саймон шел уверенно и практически волок меня за собой, держа за руку. Теперь, когда мы оказались за пределами студенческого городка, он не

слишком беспокоился о том, что мы будем выглядеть как-то странно. И что нарушим приличия – тоже.

Он тащил меня, будто не разбирая дороги, а его взгляд, казалось, с каждым шагом становился всё безумнее.

Впервые я подумала, что это была не такая уж и хорошая идея – с ним согласиться. Но и навлекать неприятности на магистра Дарквилля тоже не хотелось. Я и так принесла ему немало проблем.

Здесь, за пределами студенческого городка, было мрачно. Кладбище выглядело заброшенным: высокие колючие кусты, покосившиеся ограды, чёрные обелиски. Я чувствовала, как с каждым шагом меня всё больше парализовало от страха.

– Хватит болтать. Пришли, – объявил Саймон и с силой толкнул меня. Кто только его учил манерам? Видимо, никто.

Я наверняка упала бы, если бы не впечаталась спиной в холодную мраморную ограду. А в следующее мгновение это стало неважным. Все стало неважным. Я вдруг поняла, что не могу пошевелиться. Так же как и тогда, когда только явилась в этот мир, будто руки и ноги связаны путами. Нет, даже не так: будто вся я примотана к этой плите ровными слоями верёвки.

– Отпустите, – хотела выкрикнуть я, но из моих губ вырвался лишь слабый вздох.

О! Та же ловушка! Ну почему, почему я об этом не подумала!

– Попалась, нечисть! – просипел Саймон. В его голосе явно слышалось злорадство. – Что-то для демоницы ты слишком глупа! Впрочем... может быть, дело в том, что молодая. Лет двести, небось! Да неважно. Надеюсь, тебя будет достаточно для того, чтобы обрести силу.

Он сказал – «тебя будет достаточно»? Что он имел в виду? Достаточно для чего?

Ответ пришел куда быстрее, чем мне бы хотелось.

В следующее мгновение в руках Саймона появился нож. Я ахнула. Впрочем... Наверное, я должна была ожидать чего-то подобного. Кто сказал, что для его идиотского ритуала нужен живой демон?

Саймон приближался ко мне, и с каждым его шагом я все больше и больше понимала, что мои минуты сочтены и вряд ли кто-то придет на помощь.

Глава 21

Ренмар Дарквиль

Она сбежала!

Эта невозможная девчонка просто взяла и сбежала, пока я спал. После всего!

Первым моим желанием было немедленно отправиться к ней. Ворваться в ее комнату, запереть дверь, поставить полог тишины – и продолжить то, чем мы занимались всю ночь. Не выпускать её из постели, не разжимать объятий, брать раз за разом, наслаждаясь затуманенным зовущим взглядом, румянцем, пылающим на бледном личике, искусанными от страсти губами... заставлять её повторять мое имя, пока нежный голос не охрипнет от стонов. Пока не забудет и думать о бегстве.

Я перевел дух.

Конечно, я этого не сделаю.

Прежде всего потому, что любое лишнее внимание ей опасно. Особенно сейчас, когда эта волчица в человеческом обличье – Лисандра – здесь. И она явно что-то вынюхивает.

Но была и еще одна причина. Я хорошо помнил эту ночь. Каждое ее мгновение. Каждый стон, что срывался с губ Виктории, каждый ее поцелуй, каждое бесстыдное движение бедрами мне навстречу. Она желала меня, возможно, так же страстно, как и я ее, – только идиот мог бы этого не заметить. От одной этой мысли голова шла кругом, словно от крепкого тагорского вина. Но я помнил и то, как она ушла от вопроса о своем кавалере...

Может, не просто так Виктория сбежала. Она пыталась бежать от своей страсти? Потому что обещана другому? Я больше не считал, что она влюблена в Алекса. Вот уж вряд ли! Скорее всего, ее кавалер не здешний – а оттуда, из прошлого, из ее собственного мира. Это было больше похоже на правду и вполне объясняло то, как она стремилась домой.

Впрочем, тут же возникал другой вопрос. Каких могил ради этот тупица позволил ей оставаться девственницей?! Но и тут ответ найти было просто. Кто знает, может, она прибыла из одного из тех жутких миров, где несчастным женщинам приличия предписывают хранить невинность до самой свадьбы.

Не без труда, но я взял себя в руки. Мне потребовалось всего четверть часа под ледяным душем и час особой дыхательной гимнастики. Я успокоился достаточно, чтобы приступить к работе.

Она хочет домой – я ее туда отправлю. С этими мыслями я приступил к записям.

Вот только работа шла из рук вон плохо. Я проводил очередной расчет, но цифры не сходились, а простейшие формулы словно нарочно забывались, не желая вставать на место.

Плохие предчувствия зрели где-то внутри, беспокойство нарастало. Что могло пойти не так? А может быть, просто все дело в том, что я не хочу отпускать Викторию и теперь готов по любому поводу забросить работу... Я снова и снова возвращал себя к формулам.

В кабинет влетел Алекс. Он был на удивление зол. Не так уж часто я вижу своего помощника в отвратительном расположении духа, а сейчас он даже не собирался этого скрывать. Хоть прежде и не позволял себе ничего подобного.

– Ваши советы, дядюшка, полная ерунда! Это совершенно не помогло! Уж лучше бы я попытался её поцеловать или пригласить куда-нибудь. А теперь все пропало.

Мои советы и вправду были не слишком хороши. Приходится это признать, грешен. Наверное, мне должно бы быть стыдно за то, что морочил голову парню.

Но вот почему Алекс так быстро это понял? Я насторожился. Может быть, он о чем-то догадывается? Или – того хуже – видел, как леди Виктория утром покидает мои апартаменты? Такое вполне возможно. Сбежав, не дожидаясь моего пробуждения, она поступила очень безрассудно.

– Почему ты так решил? – осторожно спросил я, ни в чем не признаваясь.

– Потому что она уже нашла себе дружка, – в его голосе явно слышался упрек.

Я снова изобразил недоумение. Но внутренне похолодел: неужели пошли сплетни? Это было бы очень некстати. Я-то переживу любой скандал. А вот Виктория может и не пережить. Буквально.

– Какого ещё дружка?

– Саймон, с факультета некромантов. Шли сейчас под ручку через весь студенческий городок, никого не стесняясь, он её чуть ли не обнимал при всех. Поразительное бесстыдство!

– А она? – Я сам не узнал свой голос.

Саймон! Один из тех шалопаев, по чьей вине Виктория оказалась здесь! Все они были изрядно наказаны, но, кажется, кое-кто не успокоился.

– Что она... Шла, беседовала... Как ни в чем не бывало. А волосы мокрые...

Ясно.

– Куда они шли? – Я подскочил с места, уже догадываясь, каким будет ответ.

– В сторону кладбища, – скривился Алекс. – Видимо, некроманты считают, что это очень романтично.

Я подскочил к племяннику, с трудом сдерживая желание встряхнуть идиота. Неужели трудно догадаться: если Виктория идет на кладбище в обществе того, кто извлек ее из могилы, это наверняка не свидание!

– Как давно это было?

Он пожал плечами.

– С полчаса назад. Может, чуть больше. Да, пожалуй, минут тридцать пять... Я ведь потом еще пошел в прачечную и...

Что-то объяснять ему не было ни времени, ни возможности.

Я пулей вылетел из двери и со всех ног бросился в сторону кладбища. Тридцать пять минут! Целая вечность! Тому, кто хочет причинить вред девушке, хватит за глаза. Тут уж неважно, понял ли Саймон, что она собой представляет, или просто хочет упокоить «умертвие». Вряд ли он будет разводить долгие ритуалы при свете дня.

Я несея, не чувствуя земли под собой. И уже знал: не успею. Никак не успею. Я опоздал.

Глава 22

Мне стоило большого труда открыть глаза и посмотреть в лицо опасности: казалось, стоять вот так – зажмурившись от ужаса – не так страшно. И тут же я столкнулась с бешеным взглядом Саймона. Парень медленно приближался, нож в его руке зловеще поблескивал, ловя отражение солнца. Но что-то такие солнечные зайчики ни капли не веселили.

Саймон бормотал какую-то абракадабру заклинаний. Звучало жутко и зловеще.

Приблизившись ко мне почти вплотную, он изо всех сил рванул ворот платья. Ткань с треском разъехалась, и взгляд Саймона плотно сфокусировался в районе моей груди. Скованная путами, я не могла даже наклонить голову достаточно, чтобы что-то увидеть, но, судя по ощущениям, грудь оказалась обнажена: кожу зябко холодил ветер.

Бормотание Саймона прекратилось. Теперь он был так близко, что я слышала его тяжелое прерывистое дыхание. Извращенец!

Грудь коснулись холодные, будто ледяные пальцы, и меня передернуло от отвращения. Убивал бы уже, что ли!

– Красивая демоница... – просипел он, кажется, обращаясь к моей груди.

Нет, только не это. Я изо всех сил забилась в своих путах, пытаюсь выбраться. Но это было бесполезно. Саймон больно ущипнул меня за сосок. Но и этого ему оказалось мало. Он наклонился еще ниже и теперь прошелся по груди языком.

Ну почему, черт возьми, эти невидимые путы не работают как анестезия! Я не хочу, не желаю этого чувствовать. А Саймон уже разошелся: захватывал сосок ртом, больно прикусывал, а другой, свободной от ножа рукой с силой щипал вторую грудь.

Я чувствовала, как на моих глазах выступают слезы – и ничего не могла поделать. Но неожиданно Саймон сам отпрянул от меня, выпустив из плена многострадальную грудь. Он затряс головой, словно отгоняя что-то.

– Не соблазняй меня, демоница! – зло бросил он.

Ага! Делать мне больше нечего!

Я хотела высказать ему напоследок всё, что об этом думаю. И в особых выражениях разъяснить, насколько мне хотелось его соблазнять. А заодно и напомнить, что этот кретин сам разодрал моё платье! Но я по-прежнему не могла произнести и звука – лишь испепелять его злобным взглядом. А взглядом, как известно, испепелять можно сколько угодно, толку всё равно никакого.

Ему же, судя по всему, удалось наконец взять себя в руки – размеренное бормотание возобновилось.

Это было плохо, очень плохо. Я точно знала: как только это бормотание закончится, нож, который сейчас поблескивает в его руке, вопьется в мою грудь по самую рукоятку. После, конечно, эта пародия на некроманта убедится в том, что я не демоница и он ошибся, но, боюсь, для меня это будет слабым утешением.

А он бормотал все громче и громче, кажется, входя в какой-то то ли религиозный, то ли магический экстаз. Его глаза, и до этого безумные, теперь стали совершенно сумасшедшими. Я в какой-то отчаянной, последней надежде вглядывалась в ту сторону, откуда мы пришли: вдруг появится кто-то, способный меня избавить от напасти. Кладбищенский сторож, которому неплохо бы быть где-то рядом... или по какому-нибудь чудесному совпадению тут, как и в прошлый раз, окажется магистр Дарквилль. Но никого и ничего поблизости не было, лишь ветер, ставший вдруг слишком сильным и шумным, заставлял громко шелестеть кроны деревьев.

А Саймон между тем, кажется, уже заканчивал. Точно! Гортанный выкрик – и вот он занес надо мною руку с ножом. Я ещё раз в отчаянии посмотрела туда, откуда могла прийти помощь. Но увы – никого.

Тело в одну секунду покрылось колючими мурашками: еще мгновение – и нож обрушится на меня. Я почувствовала странную дрожь по спине. Руки и пальцы закололо... Это было знакомо: что-то похожее уже случалось со мной, совсем недавно... Через меня словно хлынула какая-то волна, разделилась надвое, одна ушла в землю, другая взметнулась куда-то ввысь.

В следующее мгновение нож в руке Саймона опустился. Нет, не на мою несчастную грудь, а просто съехал вниз. И я с удивлением увидела, что Саймон по щиколотки ушёл в землю и продолжал уходить дальше и дальше, словно на том месте, где только что была трава, сами собой образовались зыбучие пески.

Он мигом вышел из транса, нож выпал из его руки, а сам он удивленно пялился себе под ноги, не в силах поверить, что это происходит на самом деле, и безуспешно пытаюсь высвободить конечности из плена.

– Ты что творишь, демоница? – злобно пробормотал он, переведя взгляд на меня. – Прекрати сейчас же!

Ага, конечно! И это тоже я... Он, кажется, уже назначил меня верховным злом. Теперь даже солнце без меня не всходит.

Ветер между тем усиливался. Раздался жуткий треск, и я с ужасом увидела, как на нас падает дерево. Тысяча могил!

Нельзя сказать, чтобы оно было огромным, но достаточно большим, чтобы пришибить и незадачливого некроманта, и его несчастную жертву. Крик рвался из моей груди, но, скованная чарами, я могла лишь сдавленно стонать.

Дерево рухнуло, придавив кроной Саймона и не задев меня даже веткой, даже листочком. Когда же оно упало, я вдруг почувствовала, что силы резко покинули меня. Будто бы эта махина свалилась не сама, будто я лично выкорчёвывала дерево из земли и швыряла на землю.

– Виктория!..

Я не была уверена, что услышала голос магистра. Возможно, просто показалось. Увидеть, не бежит ли он сюда и в самом деле, я не могла. Крона упавшего дерева теперь заслоняла мне обзор.

А откуда-то сверху наваливались тяжесть и темнота. Прежде чем потерять сознание, я успела подумать, что теперь опасности нет. Вряд ли Саймон сможет выбраться.

Глава 23

Я открыла глаза в знакомой спальне и в знакомой кровати. Это уже даже не удивляло. И хоть это было не совсем уместно, я нервно хихикнула. В последнее время у меня такое ощущение, что сюда ведет какой-то портал: где бы я ни была изначально, что бы ни делала, какие бы планы ни строила, а в результате все равно оказываюсь здесь.

Что ж, это не худшее место под солнцем. И уж точно оно гораздо лучше кладбища.

Магистр Дарквиль тут же появился рядом. Уж не знаю, где он караулил, но явно поблизости, в этой же спальне – стука двери я не услышала. Он посмотрел на меня обеспокоенно и сжал мою руку. Я тут же вспомнила,

что одежда, должно быть, не в порядке. Дернулась, заметалась... и тут же успокоилась: сейчас меня прикрывал теплый плед, так что все хорошо.

И все же я чувствовала ужасную слабость, такую, будто заболела гриппом, ОРЗ и ОРВИ сразу.

– Что со мной? – спросила я и удивилась, как тихо, как безвольно прозвучал мой голос.

– Перерасход магической энергии, – ответил магистр Дарквиль. – Крайне опасная штука.

Это прозвучало для меня как непонятный набор слов. Какая еще магическая энергия и каким образом я могла её перерасходовать? Да кто бы еще вообще мне её дал, эту энергию! Впрочем... нетрудно догадаться.

– Это всё Саймон? – спросила я.

Он, кто же еще!

– Нет. Похоже... это все вы... – задумчиво проговорил магистр.

Снова ничего не понятно. Что – я?

Ректор теперь смотрел на меня как-то совсем странно. Словно я – это вовсе не я, а какой-то зверь невиданный-неслыханный.

– Скажите, леди Виктория, накануне оперы случайно не было ли чего-то такого, что, возможно, вас огорчило? Тогда, когда пошел дождь.

Мои щеки вспыхнули. И у него хватает наглости об этом говорить?

– Если вы о том, как вы у всех на виду прогуливались со своей любовницей, то меня это совершенно ни капельки не разозлило и не огорчило. И вообще, мне до этого нет ровным счетом никакого дела.

Я выпалила все это на одном дыхании, сразу почувствовала, что совершенно обессилела, и, тяжело дыша, откинулась на подушки.

Магистр смотрел на меня долгим взглядом, в котором я, как ни пыталась, совершенно ничего не могла прочесть. И, кажется, не торопился отвечать. А когда заговорил, я услышала совсем не то, что ожидала.

– В таком случае могу сказать: у вас очень редкий магический дар. До сих пор это вообще считалось невозможным. И тем не менее это так. Погодная магия, могилы ее возьми!

Он выглядел по-настоящему ошарашенным. А я все ждала комментариев по поводу прогулки с любовницей. Но нет – он будто совершенно пропустил это мимо ушей. Ну любовница и любовница. Обычное дело. Не о чем тут говорить...

– Вы понимаете меня? – снова обратился он ко мне. И снова ни слова о Лисандре. – У вас редкий магический дар, которым вы совершенно не владеете. Этим нужно заниматься, пока вы не погубили кого-нибудь еще.

– Кого-нибудь еще? – Леди Лисандра и их прогулка с магистром тут же вылетели у меня из головы. – Разве Саймон мертв?

Мне стало дурно. Не хотелось быть причиной чьей-то гибели. Пусть даже такого сумасшедшего ничтожества, как он.

– Жив, – успокоил меня ректор. – В лазарете, в изоляторе. Но удар деревом по голове явно не пошел на пользу его здоровью. Голова у него, надо сказать, и ранее не могла бы считаться сильной стороной.

Я хмыкнула. Что верно, то верно. С головой у парня были проблемы еще до того, как я приложила его деревом.

Я?.. Неужели это и правда была я?

Хотя теперь я припоминала ту странную волну, что прошла через моё тело перед тем, как всё это стряслось: болото, вырванное дерево... то ощущение струящихся по телу пузырьков шампанского. Это была моя магия? Я – маг?!

– И, кстати, леди Лисандра – член Совета. И она вовсе не моя любовница, – небрежно бросил магистр, словно говоря о чем-то совершенно неважном.

Я едва не застонала. Мысли про магию мгновенно вылетели из головы. Да зачем магистр вообще нес мне эту ерунду! Про магию! Про Саймона! Прежде чем сказать что-то по-настоящему важное! Она не его любовница!

Сердце стучало так сильно, что, казалось, магистр сейчас это услышит. Я заставила себя успокоиться.

Да. Он так сказал. Но это вовсе не значило, что теперь я должна безоговорочно верить!

– Между тем все говорят, что у вас интрижка. И в опере вы были вместе. И она гладила вас по ручке...

О, кажется, я веду себя как ревнивая супруга. Ну и что! Прекращать я не собираюсь. Надо выяснить все – раз уж мы об этом заговорили.

– Мы действительно встречались одно время. Но это было давно. – Если ректор и смутился, то совсем немного. – И это было ошибкой. Полагаю, сейчас мы оба об этом жалеем.

Я посмотрела на него с сомнением. Не знаю, как он, но по его спутнице точно нельзя было сказать, что она о чем-то там жалеет. Слишком уж цепко держалась она за его локоть и слишком хищным взглядом смотрела на магистра.

Впрочем, какая теперь разница, как там она на него смотрела. Главное – леди Лисандра и магистр Дарквиль вовсе не любовники!

– Вы поэтому меня избегали? Думали, что я встречаюсь с другой?

Под испытующим взглядом магистра я почувствовала, что начинаю краснеть. Поспешно кивнула, отводя глаза.

– А я думал, вам нравится Алекс. Вы как-то назвали его милым.

Я вспыхнула: что за бред! Ну, может, я и сказала, что он милый, но ведь это же совсем не то значит!

– Я совсем не в этом смысле! И вообще... если хотите знать... я сказала так, потому что хотела, чтобы вы разозлились. Но вы и бровью не повели!

– О... это многого мне стоило. Я с ума сходил от ревности.

Мы застыли, уставившись друг на друга так, словно увидели впервые. Смущение заливало щёки жаром, но внутри я пылала ещё сильнее. Неужели он всё это время и правда думал обо мне? Не как о назойливой докуче, а как о девушке, которая... ему нравится? Незнакомое чувство выкручивало дугой. Хотелось, чтобы магистр протянул руку, прикоснулся, обнял...

И он и правда протянул руку и легонько очертил пальцами овал моего лица. Спокойные, обычно синие глаза потемнели, как море в ненастную погоду. Я затаила дыхание, приоткрыла губы, и страшась, и мечтая, чтобы...

Не помню, кто из нас подался вперёд первым. По-моему, мы сделали это одновременно, неловко и торопливо, как будто опасались, что другой может передумать. Магистр крепко обхватил меня, за затылок и за спину, прижал к себе, и я тоже притянула его к себе так близко, как только могла, запустила пальцы в жёсткие тёмные волосы, содрогаясь от невыносимой нежности.

Наш первый настоящий поцелуй... не потому, что так надо, а потому, что иначе никак. Потому что от одного запаха магистра у меня внутри всё дрожит. Потому что я мгновенно превращаюсь в лужицу сиропа, когда он прикасается ко мне. Потому что сердце стремится к нему так, что хочется, чтобы мы срослись бы в единое целое. Чтобы никогда не расставаться.

Какое странное, необъяснимое ощущение. Что это, страсть? Физическое желание? Потому что он стал моим первым мужчиной? Ведь не любовь же? Любовь – это что-то спокойное, незыблемое, тёплое, как мамины руки. А то, что я чувствую к магистру, – это обжигает и делает меня слабой. Беззащитной.

Это что-то безумное.

Это заставляет меня целовать его, забыв обо всём. Жадно пить чужое дыхание, сплетаться языками, стремиться навстречу друг другу – всем телом, всем существом.

Не знаю, куда мы бы дошли. Подозреваю, одними поцелуями дело бы не ограничилось: горячие руки магистра уже скользили по моей коже,

ласкали спину. Да и я беззастенчиво запустила коготки под воротник его рубашки. И тут за дверью раздался голос Алекса:

– Магистр Дарквиль!

Черт, неужели все это время он был здесь, в соседней комнате? Это показалось мне ужасно неловким. Вдруг он что-то слышал?

– Леди Лисандра хотела увидеть вас перед отъездом. Она велела передать, что будет ждать вас в учительской столовой через четверть часа.

Магистр с неохотой выпустил меня из объятий. Его глаза всё ещё были темнее грозового неба, дыхание прерывистое, волосы в полном беспорядке – но он уже отдалялся от меня, превращался снова в местное божество долга и церемониала.

– Оставляю вас на попечение Алекса, – сказал он, взглядом прося у меня прощения. – И, Виктория... пожалуйста, не сбегайте от меня снова.

Глава 24

Ренмар Дарквиль

Я давно так не злился. И по большей части на самого себя. Да как же так, под моим носом, на вверенной мне территории, мой студент чуть не убил другую мою же студентку. Даже если оставить в стороне то, что эта студентка – Виктория, случившееся – моё полное и бесповоротное фиаско в качестве руководителя академии. Вдобавок примешиваются совершенно непрофессиональные чувства: страх от понимания, что Виктория буквально чудом осталась в живых; разочарование в себе как в мужчине – не уберёг, не усмотрел, не подумал; желание наказать, хорошенько избить этого негодяя Саймона, посмевшегося напасть на неё.

Подлый, жалкий трус! Одно воспоминание о негодяе заставляло кровь бурлить. Обманом заманить беззащитную девушку на кладбище и попытаться мало того, что устроить некий ритуал с неясными целями, так еще и чуть не надругаться над ней. Мерзавцу повезло, что он был без сознания, когда я их обнаружил.

И всё же... я не мог перестать проклинать себя за то, что не сумел уберечь Викторию. Когда я летел на кладбище, был уверен, что увижу лишь бездыханное тело.

Благодарение богам – моя девочка оказалась в состоянии постоять за себя сама.

Я даже не сразу понял, что случилось: Саймон буквально провалился под землю. А сверху его ещё и придавило огромным деревом. Все выглядело так, словно сама природа взбунтовалась и не позволила

совершиться злодейству. Но было кое-что, что показывало: нет, природа не сама.

Вряд ли я когда-нибудь смогу забыть эту картину – бледная девушка в изорванном платье почти висит в магических путах. Багровые следы на её груди – что это, отпечатки пальцев? Чужих губ? Одного этого хватило бы, чтобы свернуть челюсть подонку. Но, увы, этого я сделать не мог. Это подарило бы мне мимолетное удовлетворение, но взамен сильно навредило бы общему делу.

Зато я мог обеспечить Саймону расследование и наказание, соразмерное его преступлению. Пока что негодяй отправлен в лазарет, но я распорядился о том, чтобы к палате приставили круглосуточную охрану.

Хотя на самом деле... куда больше Саймона был виноват я сам.

Увидел только одно – проклятие, и давай скорее снимать, тем более что способ оказался такой приятный. А глянуть глубже, в самое средоточие, проверить, не связано ли это проклятие с активацией магического дара, – не удосужился.

Впрочем... дар погодной магии. Пожалуй, если бы я и вздумал устраивать глубокую проверку, этого я мог бы и не обнаружить. Кому вообще могло прийти в голову искать у неё нечто подобное? Ведь таких вещей не существует. По крайней мере, до сих пор существование подобного дара ничем не было доказано, в нашем мире это попросту невозможно.

Было невозможно.

Теперь открываются новые горизонты. Новые надежды. У Виктории проявился этот дар, потому что она из другого мира? Или же его пробуждение возможно и для наших магов? Если удастся доказать верность второй теории, то...

От перспектив захватывало дух. Это же революция в магическом обществе, это перевернёт наш мир с ног на голову.

Вот только для этого необходимо уберечь Викторию от жадных рук Совета. И исследовать, хорошенько исследовать этот вопрос.

Впрочем, теперь, когда мы открылись друг другу, возможно, Виктория позволит мне вплотную заняться изучением её магических полей. Теперь она не просто призванная, она ключ к великому открытию!

А еще – девушка, к которой меня безумно тянет. И она призналась, что у неё нет никаких женихов. Никого нет, кроме меня. При этой мысли внутри всё замирало, я чувствовал себя школьником, впервые признавшимся своей даме сердца в любви. И получившим благосклонный ответ. Мне хотелось не отходить от неё, сидеть рядом с постелью, наблюдать за ней, разговаривать с ней, кормить её вкусными блюдами и видеть, как на бледном личике расцветает улыбка.

Но, увы, необходимо было торопиться на встречу с Лисандрой.

Хотелось надеяться, что мы просто поболтаем об опере, обсудим текущие дела, финансирование, она поблагодарит за отличный приём и отправится туда, куда ей и положено отправиться. Но что-то мне подсказывало, что вряд ли так и будет. Скорее меня ожидает беседа, похожая на битву на мечах, где каждый думает лишь о том, как нанести удар. Бой с драконом, в котором мне отведена роль незадачливого рыцаря.

Дракон явно был в отличном расположении духа. Это по-настоящему пугало. Лисандра сияла так, словно исполнилось какое-то её заветное желание. А ведь после вчерашнего вечера должна была на меня злиться! Да и сейчас, вопреки всем правилам приличия, она дожидается кавалера, а не наоборот. И она ни капли не рассержена. Кажется, все еще хуже, чем я думал.

– Добрый день! Как вам спалось? – спросил я учтиво, хотя время для этого вопроса было, пожалуй, не слишком подходящим. День уже начал клониться к вечеру.

– Прекрасно! – Лисандра сияла. – А вот вы, кажется, слишком долго спите. Иначе не упустили бы ужасную, чрезвычайную ситуацию.

Знает! Святые могилы, это очень плохо. Я бы сказал – паршиво, если бы был чуть хуже воспитан.

– В самом деле? Что же случилось ужасного и чрезвычайного? – вежливо поинтересовался я.

– Один из ваших студентов чуть не погиб. И виной тому одна из ваших студенток.

Она знает слишком много. Сердце тоскливо сжалось. Виктория! Только бы не навлечь неприятности на нее.

– Ах вот вы о чем, – небрежно ответил я. – Об этой истории я знаю все, что необходимо, и даже больше. И все же я буду просить Совет не давать ей хода. Во всем виноват как раз студент факультета некромантии, талантливый парень, но с дисциплиной беда. Он и ранее нарушал порядок, а теперь это чуть не стоило жизни и ему, и несчастной девушке.

Кажется, такая трактовка происшествия Лисандре совсем не нравилась. Она нетерпеливо помешивала кофе, всем своим видом показывая, что лишь воспитание не позволяет ей меня перебить. А я вовсе не собирался отдавать инициативу.

– Вы должны понять... Отец этого оболтуса – человек благородный и влиятельный. Думаю, он будет нам благодарен, если мы не станем компрометировать члена уважаемого семейства. А с родителями девушки я договорюсь. Они небогаты, так что небольшая компенсация...

Чем дальше я говорил, тем больше хмурилась Лисандра. Словно я пытался вырвать из ее рук леденец. И все же она не выдержала.

– Отец этого оболтуса, – с усмешкой повторила мои слова она, – уже здесь и жаждет объяснений. И могу вам сказать, он невероятно зол! Он желает сейчас же поговорить с сыном.

Тысяча могил! Мне бы совсем не хотелось, чтобы кто-то услышал версию Саймона!

Глава 25

Лисандра не обманула: отец Саймона, лорд Двайс, и вправду был в ярости. Он мерил приёмную широкими шагами и, едва завидев нас, направился ко мне с выражением бешеного быка. Я прекрасно знал, о чём он думает и чего собирается потребовать, поэтому заговорил первым:

– Ну что ж, пройдемте в лазарет!

Не дожидаясь ответа, быстро зашагал в нужную сторону.

В лазарете нас уже ждали. Навстречу вышел доктор Хиллис. Он поприветствовал меня кивком, коротко поклонился лорду Двайсу и без предисловий заявил:

– Если вы к Саймону Двайсу, то вынужден отказать. Больному показан абсолютный покой.

Мы остановились, переглянулись. Лисандра зловеще прищурилась. Я бросил на неё быстрый взгляд и, прежде чем она открыла рот, сказал целителю:

– Нам необходимо узнать у студента, что именно произошло. Немедленно. Под мою ответственность.

– Исключено.

Лисандра и лорд Двайс дышали мне в затылок. Подавив желание передёрнуть плечами, я повторил:

– Доктор Хиллис, под мою ответственность. Приказ ректора.

Целитель недобро сощурился. Потом перевёл взгляд на Лисандру, лорда Двайса – и снова посмотрел на меня.

– Вы ректор, да. Но я глава лечебного сектора и одновременно декан целительского факультета.

– Мне это прекрасно известно.

– Я могу разрешить вам увидеть больного. Но так, чтобы он не видел вас. Ему абсолютно противопоказано волноваться.

- Вы не поняли, мы должны допросить его.
- Расспросить! – со значением вмешался отец Саймона.
- Расспросить, – поправился я. – Но это необходимо сделать сегодня.

Доктор Хиллис на какое-то время задумался. Сурово нахмурился, покачал головой. Поднял на меня глаза:

– В таком случае мы можем сделать так. Я сам спрошу больного о том, что случилось. Вы будете всё видеть и слышать, но он вас видеть не будет. Это единственный вариант.

Я обернулся к спутникам, предоставляя право решения им.

– Мы согласны! – поспешно заявила Лисандра.

Ещё бы. Скорее всего, она пока не в курсе, что Виктория призванная, но интуиция и острый ум подсказывают ей, что дело нечисто. И ей во что бы то ни стало хочется выслушать Саймона, пока лорд Двайс здесь. И пока не утих его гнев на меня и на опасность, которой подвергся его сын якобы по вине невоздержанной студентки.

Я развёл руками. Доктор Хиллис коротко кивнул и повернулся, приглашая нас следовать за собой.

Саймон находился в одиночной палате. У дверей стоял охранник. Узнав меня, он отсалютовал и отступил, открывая дверь.

Доктор Хиллис сделал нам знак ждать снаружи и прошёл внутрь. Через полминуты раздался его голос:

– Вы можете зайти.

Лисандра кинулась первой, как ищейка, почуявшая след. Я сделал жест, уступая лорду Двайсу путь, и вошёл последним.

Между кроватью и входом едва заметной рябью переливался прозрачный защитный экран. Я знал это заклинание. Более того, я сам его создал несколько лет назад. Тогда думал – для забавы, но потом выяснилось, что в некоторых случаях оно на удивление полезно.

За плёнкой экрана, привязанный к кровати страховочными чарами, лежал Саймон. Он дико вращал глазами, но, увидев доктора Хиллиса, немного успокоился.

– Здравствуй, Саймон, как ты себя чувствуешь?

Пациент неразборчиво что-то пробормотал. Доктор взял стул и уселся рядом с постелью.

– Саймон, – мягко сказал он. – Расскажи, что ты делал сегодня. Как ты оказался на кладбище?

– Кладбище? Кладбище! Демоница! Я хотел убить демоницу!

– Что? – выдохнул лорд Двайс у меня под ухом. – Что он несёт?

– Ясно, что он говорит о той девушке, – вмешалась Лисандра, прежде чем я успел ответить. – Я же говорила вам, наглая девица с подготовительных курсов! Она опасна, вы же видите, что она сделала с вашим сыном?

– Тихо, – шикнул я.

Тем временем доктор Хиллис продолжал:

– Почему ты решил, что она демоница?

– Потому что я сам поднял её из могилы!

– Что-о? – а теперь возопила Лисандра. Возмущённый голос эхом отразился от стен, но защитный экран работал на славу, ни доктор Хиллис, ни Саймон ни ухом не повели.

– О, а об этом вы не слышали? – широко улыбнулся я. – Надо же, я был уверен, что Совет знает обо всём, что происходит в нашей академии!

Она метнула на меня злобный взгляд, но промолчала.

– Зачем же ты это сделал? – продолжал допрос целитель.

– Будто сами не знаете! – начал заводиться Саймон. – Чтобы поймать халяву на экзамене, конечно!

– А почему ты решил, что девушка, которую ты привёл на кладбище, и есть то умертвие?

– Вы, доктор, совсем дурак? Любой поймёт! Такие сиськи ни с чем не перепутаешь!

Сукин сын. Я скрипнул зубами. Бешено хотелось вбить эти слова ему в глотку.

В отличие от меня доктор Хиллис хранил несокрушимое спокойствие:

– А как же ты, прости, увидел эту деталь её тела? Может быть, ты ошибся?

– Я не ошибся! – Саймон стукнул ладонями по одеялу. – Я видел её в душе, я не мог перепутать!

– Как же ты оказался в её душе?

– Не я, – нетерпеливо отмахнулся он. – А следилка...

– Ты подсматривал за девушкой без её ведома? – уточнил доктор.

– Она не девушка, она демоница!

– Хм, допустим. И что же ты сделал потом? Угрозами заставил пойти с тобой на кладбище?

Саймон повёл плечами. Он как будто не хотел отвечать.

– Я просто хочу понять, – мягко сказал целитель. – Зачем ты повёл её на кладбище?

– Я хотел принести её в жертву, чтобы обрести сверхсилу, – пробубнил Саймон.

– Да это же чушь! – зашипела Лисандра. – Остановите этот фарс! Он плетёт какой-то бред, вы накачали его дурманным зельем!

– Благодарите небеса, что доктор Хиллис вас сейчас не слышит, – отрезал я. – Второго такого принципиального целителя этот мир ещё не знает. Попробуйте сказать ему в лицо то, что вы только что сказали, и можете распрощаться с местом в Совете.

Очередной злобный и бессильный взгляд, наверное, должен был сжечь меня дотла, но на самом деле наполнил насмешливым торжеством. Так-то, дорогая Лисандра, нашла коса на камень.

За экраном продолжалась беседа.

– Ясно. И что же произошло потом?

Саймон оживился, попытался сесть, но чары не пустили. Тогда стал рассказывать, оживлённо и быстро, не замечая, что из раскрытого рта летит слюна.

– Как только я дочитал заклинание и собирался пронзить её ножом, земля под моими ногами разошлась, лес начал на меня наступать. Я видел, как деревья двигались, а одно навалилось на меня и ударило по голове! Это все она! Она заставила землю стать мягкой, она заставила деревья ходить! Всё потому, что она демоница! Проклятое семя, соблазнительная тварь, она пришла, чтобы погубить меня-а-а-а! – Саймон задёргался, из уголка губ потекла слюна.

– Тс-с-с, тихо, тихо, – из рук целителя выплеснулась перламутровая сеть, ласково окутала кровать и мечущегося пациента. – Всё будет хорошо. Не волнуйся, ты в безопасности, тебе ничто не угрожает.

– Давайте выйдем, – я аккуратно подцепил под локти обоих, Лисандру и лорда Двайса, и потянул за собой.

Лисандра почти сразу вырвалась, а благородный отец, уставившись в пространство, послушно пошёл рядом. Теперь он не был в бешенстве, на него было жалко смотреть. В бешенстве была Лисандра, но это меня как раз радовало.

Я подхватил беднягу лорда за локоть и повел его к выходу из лазарета.

– Я виноват... – В моем голосе звучало искреннее раскаяние. – Боюсь, я слишком поздно заметил его помешательство. Поднять умертвие, чтобы поймать халяву... Кто из нас этого не делал в студенческие годы? Но тут, как видите, всё гораздо серьёзнее. Подглядывать за девушкой, похитить её и пытаться убить... Думаю, уже тогда его рассудок был помутнён. А попытка сотворить запретный ритуал в одиночку только всё ухудшила. Неудивительно, что его больное воображение решило, что это девушка заставила землю под его ногами расступиться, а дерево – рухнуть так прицельно. Скорее всего, он просто встал на старую могилу и

провалился внутрь. А дерево было насквозь прогнившим и упало без посторонней помощи. Мне очень жаль. К счастью, девушка осталась жива, иначе, как вы понимаете, замять этот скандал было бы невозможно.

– Его мать... – хрипло отозвался отец Саймона, всю дорогу молчавший. – Она была немного не в себе, я узнал об этом слишком поздно... – Он тут же взял себя в руки и заговорил сухо и деловито: – Я выплачу компенсацию девушке и сделаю крупное пожертвование в пользу академии. Но я должен рассчитывать, что история не выйдет из этих стен. Разумеется, я заберу Саймона сегодня же.

– На меня вы можете полностью рассчитывать, – я выделил голосом «на меня», – а вот в том, что касается леди Лисандры... – Я с сомнением качнул головой. – Боюсь, она захочет доложить об этом Совету. К сожалению, ваш отпрыск выбрал не очень удачное время для покушения.

– Не захочет, – уверенно сказал лорд, и в голосе его слышалась угроза.

Я проводил его до самых ворот. Низко поклонился на прощание, чувствуя за собой лёгкую вину.

Но другого выхода не было.

Да, я знал, что по материнской линии у Саймона плохая наследственность. Старался следить за ним, чтобы не упустить момент, если вдруг у него обнаружится та же проблема. И вот сейчас это знание сыграло мне на руку.

– На этот раз вам удалось обвести нас вокруг пальца, – когда увозивший лорда дилижанс уже скрылся из виду, сзади зашипела разъярённая кобра. – Но я выведу вас на чистую воду!

Я обернулся и невозмутимо улыбнулся Лисандре.

– Не понимаю, о чём вы. Простите, не могу составить вам компанию, дела.

Быстрый поклон, и я пошёл прочь, оставляя её бессильно сжимать кулаки.

В больнице меня ждал доктор Хиллис. Я протянул ему руку и крепко пожал протянутую в ответ ладонь.

– Спасибо, док. Благодаря вам лорд Двайс понял всё правильно.

Целитель покачал головой:

– Я только задал те вопросы, которые вы просили ему задать. Парню действительно необходимо лечение, я буду рад, если услышанное поможет его отцу быстрее смириться и отправить сына лечиться.

Ну что ж... Кажется, здесь я всё уладил. У меня оставалось ещё небольшое, но очень важное дело, а затем можно отправляться в свои апартаменты.

Там меня ждёт достойная награда за весь этот сумасшедший день.

Глава 26

– Вам нужно поужинать, леди Виктория. Если желаете, я принесу еду прямо сюда.

Чрезмерная забота Алекса очень напрягала. А напрягаться было слишком тяжело. Магическое истощение, как выяснилось, штука очень неприятная. Слабость, как при гриппе, и раздражительность...

Впрочем, возможно, раздражительность – именно потому, что мой дорогой магистр не догадался оставить меня одну, ну или приставить другую сиделку.

К счастью, мне хотя бы додумались принести новую форму взамен разорванной.

– Да. Оставьте здесь, пожалуйста, – слабым голосом проговорила я. – На столике. Мне нужно отдохнуть, а потом я обязательно подкреплюсь...

Стоило двери за Алексом закрыться, я подлетела к подносу. Какое счастье – не кромсать булку ножом, а есть как нормальный человек – руками! И пить чай, не доставая из чашки ложки! Алекса бы кондратий хватил, если бы он это увидел. Да и магистр был бы не в восторге от такого варварства.

Как я ни храбрилась, мне все-таки было тревожно. Мой магистр сейчас с Лисандрой... Нет, я не ревновала. Ну, может, самую капельку. Больше всего я боялась, что тайна моего происхождения всплывет. Что тогда будет? Меня отправят в какую-нибудь магическую лабораторию для опытов? Разберут на составляющие? Нет, конечно, ректор сделает все, чтобы этого не допустить, – я не сомневалась. Но сможет ли не допустить?

– Леди Виктория? – раздался до дрожи в коленках желанный голос.

Магистр Дарквиль вернулся и уже стоял на пороге. А я, погрузившись в невеселые мысли, его даже не заметила. Ох черт!

Я бросила надкусанную булочку на поднос и поставила чашку, постаравшись аккуратно достать из нее ложечку. Ложечка предательски звякнула.

– Все в порядке? Или нужно ждать проблем от Совета? – Я обернулась, и сердце уже почти привычно ёкнуло при виде серьезных синих глаз и едва заметной, одними уголками губ, улыбки.

Магистр подошёл, бросил взгляд на поднос, но ничего не сказал, только улыбка его стала шире.

– Всё в порядке, – мягко ответил он. – С Советом всё улажено. Насколько может быть улажено, конечно. Но у меня есть одна мысль, как обеспечить вам защиту получше, чем сейчас.

– Правда? – удивилась я. – Какая?

– Обязательно скажу вам об этом, – он снова улыбнулся, и так хитро, что внутри у меня словно взорвался снап маленьких петард. – Чуть-чуть попозже.

– А сейчас что?

Магистр не спускал с меня глаз, и сердце у меня билось всё быстрее.

– А сейчас, – он лёгким ласкающим движением коснулся моего лица, – у меня другие планы.

Я не успела ни переспросить, ни пошутить – магистр наклонился и поцеловал меня. Поцеловал властно, собственнически, будто я не имела никакого права отказать ему.

Но мне и в голову не пришло бы отказывать. Единственное соприкосновение губ, настойчивое движение горячего языка, и я поплыла, как подтаявшее желе, и ноги ослабели, заставляя меня поспешно вцепиться в лацканы пиджака магистра.

Магистр шумно выдохнул. Уткнулся лбом в мой лоб и жарким шёпотом сообщил:

– Я ждал этого весь день.

Я слегка порозовела, но взгляд не опустила. Внутри скользнула прохладная змейка радости. Он встречался с Лисандрой, но думал обо мне. Хотел меня увидеть. Поцеловать. И спешил вернуться сюда как можно скорее.

Даже тогда, когда я вымочила её с головы до ног, я не испытывала настолько мощного удовлетворения, как сейчас. И я тихо шепнула в ответ:

– Я тоже вас ждала.

Магистр хищно шевельнул бровями.

– Вот как? Тогда... предлагаю нам перейти на ты.

О! Я замерла, чувствуя себя школьницей, которую завуч назвал по имени и отчеству. Магистр Дарквиль же ректор! А я – обычная студентка. Даже ещё не первокурсница, так, «подготовишка».

Хотя... учитывая то, что мы уже несколько раз узнали друг друга довольно близко, его предложение звучало абсолютно естественно.

Я кивнула, чувствуя, что краснею.

– Прекрасно, – улыбнулся он. – Тогда потренируемся, – короткий поцелуй в губы, – ты не против? Виктория...

От его манеры произносить моё имя – низким бархатным шёпотом – у меня встали дыбом мелкие волоски на коже. Захотелось потупиться и тихо кивнуть. Но магистр явно хотел другого.

– Не против, – прошептала я. – А ты...

– Ренмар, – подсказал он.

Я широко раскрыла глаза. Я, конечно, знала, что магистра Дарквила зовут именно так, но не могла и представить, что когда-нибудь назову его по имени. Но он так явно этого хотел, что я протолкнула сквозь пересохшие губы:

– Рен... мар.

– Небеса, – хрипло отозвался магистр, и от одного этого хриплого шёпота у меня внутри словно провели железной расчёской: болезненно и приятно.

В следующую минуту меня сгребли в объятия, я взвизгнула, чувствуя, как уходит пол из-под ног, и очутилась на руках у магистра – а он куда-то быстро и целеустремлённо шёл.

Куда, я поняла ещё через секунду, когда меня бережно положили на знакомую кровать.

– Тебе срочно необходимо восстановить силы. Путём стандартного энергетического обмена, – сказал магистр, срывая с себя галстук.

Смех застыл у меня на губах, когда магистр пробежал пальцами по пуговицам, расстёгивая рубашку. Смуглая гладкая кожа, очертания подтянутых мышц, почти невинная лёгкость, с которой он разоблачался – всё это заставило меня судорожно сглотнуть. Почему-то раньше я считала, что понятие красоты к мужчинам неприменимо, как говорится, «чуть краше обезьяны», но магистр был по-настоящему красивым. От одного взгляда на длинные пальцы, плоский рельефный живот, узкие бёдра захватывало дух. И даже когда магистр полностью разделся, я не могла отвести взгляда от его тела. Даже его мужское достоинство, восхитительно твёрдое, вызывающе торчащее, казалось мне дьявольски прекрасным.

– Тысяча могил, не смотри на меня так, Виктория, – хриплым голосом прошептал магистр. – Иначе, клянусь, я вообще забуду о прелюдии.

Я вздрогнула и подняла взгляд – и утонула в бушующем море страсти, в которое превратились глаза магистра. Кивнула, приподнимаясь ему навстречу:

– Забудь...

Он усмехнулся, но глаза не смеялись. Напротив, бездна в них стала ещё темнее, ещё опаснее.

– Одна юная леди, похоже, напрашивается... – дразняще прошептал магистр.

Совершенно обнажённый, уверенный, он опустился на покрывало – совсем рядом, так, что я чувствовала жар его тела. Но больше не приближался, медлил, словно наслаждался моим пристальным, пожирающим его взглядом.

Ах так...

– Ещё как напрашивается... – Я встала на колени и принялась медленно развязывать шнуровку на форме.

Магистр затаил дыхание. Его взгляд неотрывно следил за моими пальцами. А я нарочно не торопилась, делала вид, что полностью поглощена раздеванием. Щёки горели, внутри словно колыхалось расплавленное олово, а хрипловатое прерывистое дыхание магистра действовало на меня как афродизиак.

Осталась буквально пара пуговиц, когда магистр не выдержал, зарычал, как дикий зверь, и сам рванул ткань с моих плеч.

Я пискнула, а внутри всё замерло от этого натиска, от первобытной жадности, с которой он набросился на моё тело. От безумной пьянящей ласки, от прикосновения его больших тёплых ладоней, от огненной дрожи, осыпающей кожу там, где меня целовали его губы.

Мгновение, и я уже была полностью обнажена – и полностью во власти магистра... Ренмара... Я впервые осмелилась так назвать его, пусть мысленно, про себя, но всё равно от этого меня словно прошило насквозь электрическим током. Мой... этот мужчина мой... и он со мной потому, что тоже этого хочет. Не просто хочет, а сгорает от желания, это видно в глубине его сумасшедших грозных глаз. И я невольно отвечаю на это откровенное желание, тону в его запахе, в его поцелуях, жадных торопливых касаниях. Прелюдии? Да кому нужны эти прелюдии, я и без того давно готова, давно хочу почувствовать его в себе.

Но Ренмар всё равно медлил, продолжал целовать меня, ласкать губами и языком, доводить до экстаза и мучительного, потряхающего нетерпения. Я уже готова была сама опрокинуть его и оседлать, хоть и понимала, что с габаритами магистра это у меня вряд ли получится. Но он наконец сжалился, накрыл меня своим телом, и я почувствовала, как его член осторожно входит внутрь. Изогнулась, невольно шевельнула тазом, как бы насаживаясь на него, но Ренмар – этот невозможный, отвратительный изувер – насмешливо улыбнувшись, тут же двинулся назад.

– Вы... ужасны! – задыхаясь, проговорила я.

– Вы! – с преувеличенным недоумением повторил он. Снова шевельнул бёдрами, заходя глубже внутрь меня, и сразу же опять вышел.

– Ты! Ты, ты, ты!.. Только, ох... пожалуйста...

– Вот так-то лучше, – он усмехнулся. Но как бы ни пытался Ренмар сохранить вальяжный вид, по расширенным зрачкам, по частому жаркому дыханию было видно, что всё это заводит его не меньше, чем меня. И, явно не выдержав больше, он с глухим стоном сдавил меня в объятиях и начал вколачиваться в меня быстрыми сильными толчками.

Ой, мама...

Мне хватило буквально нескольких минут, чтобы финишировать. Ренмар продержался немногим дольше. Гортанно выдохнув моё имя, он достиг пика и рухнул на меня, придавив своим тяжёлым, влажным от пота телом.

С пару минут мы лежали недвижимо, сплетясь конечностями. Потом Ренмар сонно пробормотал:

– И в самом деле... демоница.

Я ударила его кулаком в плечо. Полежала ещё чуть-чуть, а потом нашла в себе силы приподняться и шепнуть ему в ухо:

– Это ещё не всё... ночь только начинается.

Улыбка Чеширского кота стала мне ответом.

– О, – Ренмар вдруг посерьёзnel, – чуть не забыл.

Он вдруг вскочил и перепрыгнул через меня. Обнажённым, как был, метнулся к сброшенной одежде, подхватил брюки и начал рыться в карманах.

– Да где же она... разве не тут?.. А! Нашёл!

Он вернулся к кровати и с сияющим лицом протянул мне на ладони... маленькую, обтянутую бархатом коробочку.

Я смотрела на коробочку, не в силах поверить своим глазам. Или им спокойно можно верить? Это в нашем мире бархатная коробочка, которую мужчина протягивает с самым загадочным видом, значит очень многое. А здесь, может быть, вообще пирожное какое-нибудь или магический артефакт.

Жестом фокусника магистр провёл над нею рукой, и крышечка, рассыпав серебрястые блёстки, сама распахнулась.

Я накрыла рот ладонью, чтобы не ахнуть вслух.

Там, внутри, на переливчатом синем шёлке, покоилось маленькое колечко из двух витых ободков: серебряного и золотого.

Пока я в ступоре смотрела на кольцо, магистр, кажется, решил, что я не понимаю, что это значит.

– Не знаю, как в вашем мире, – сказал он, – а в нашем – такое кольцо мужчина дарит женщине, если хочет... хотел бы назвать её своей женой. Когда-нибудь в будущем. И если она соглашается принять этот подарок, носить его на руке, то всё это время она считается его невестой.

Я задохнулась от нежности. Невестой!

– У нас тоже... – Мой голос дрогнул.

Я уже хотела сказать: «Да, согласна!» – но не могла справиться с голосом: боялась, расплачусь сразу же. Я стану невестой Ренмара!

А магистр продолжал:

– Я буду рад, если ты его примешь. Это будет очень удобно и правильно.

– Удобно? – Я не сразу поняла, что он хочет сказать. С предложением руки и сердца у меня были другие ассоциации. И определение «удобно» уж точно не было в них главным. А как же любовь?

– Я не хочу, чтобы ходили сплетни, а они непременно появятся, если не придать этому официальный вид, – пояснил магистр. – Совету наверняка не понравится роман студентки с преподавателем. Да и не только Совету. В общем, тебе нужна защита, я не могу оставить тебя в студенческом общежитии. Сначала я думал дать тебе здесь работу и этим заткнуть рот сплетникам. Но у тебя дар. Тебе обязательно нужно учиться. А мне – всегда быть рядом, потому что неизвестно, как этот дар себя поведет. К тому же, – глаза его заблестели, – ты обязательно должна будешь помочь мне в исследованиях. Ведь ты – такая редкость! До сих пор в нашем мире не было ни единого погодного мага.

Чем дольше он говорил, тем быстрее проходила моя глупая восторженная радость. Вот оно что! Всё дело в моём даре, который ему нужно изучать. В сплетнях, которые могут пойти. И уж точно не в его желании быть со мной вместе до конца дней. Это не настоящее предложение, это всего лишь прикрытие.

Словно в подтверждение моих слов магистр добавил:

– Так мы с тобой сможем быть вместе... пока я не найду путь к твоему миру.

На меня словно вылили ведро холодной воды.

Что там я себе вчера надумала? Лисандра ему безразлична, а значит, он теперь полностью мой, у него чувства? Какая чушь! Единственное, о чём он думает, так это о приличиях. Бойтись за своё положение? Наверное, это неудивительно, ведь он ректор, глава академии. Не знаю, сколько получают ректоры, но, видимо, очень и очень прилично, раз он не хочет потерять место. А роман со студенткой ему именно этим, по всей видимости, и грозит. Не зря же он сказал, что Совету это не понравится.

Ох, чем выше я вознеслась парой минут назад, тем больнее было хлопнуться обратно на землю.

Невеста! Не невеста, а способ заткнуть рот сплетникам! И я – я дорога ему не потому, что он испытывает ко мне что-то там такое, а потому, что я тут, видите ли, большая редкость!

Мне захотелось ударить его побольнее. Но нет, я таких глупостей делать не стану. Просто отнесусь к нему так же по-деловому, как и он ко мне.

– Благодарю за предложение, но нет, – сказала я.

Ренмар вздрогнул как от удара. Радостное выражение сползло с его лица. Мне стало его жаль, но я заставила себя собраться. Видимо, он просто не ожидал, что его чудесная идея будет отвергнута. Наверное, следовало объяснить свое решение.

– Прежде всего, для меня все, что связано с браком, слишком серьезно, – начала я.

Да-да, настолько серьезно, что я вообще об этом никогда не задумывалась. И все-таки как влюбленная школьница растаяла, только увидев бархатную коробочку.

– Так что мне не хотелось бы делать из этого фарс. Я бы хотела выйти замуж за того, кого по-настоящему полюблю, а не... – я не договорила, хотя на языке вертелось ядовитое: «Не за того, для кого это всего лишь ничего не значащий романчик». – Кроме того... я не думаю, что это слишком удобно. На какое-то время, конечно, это решило бы проблемы. Но что будет потом, когда внезапно в неизвестном направлении пропадет ваша невеста? Мне вот думается, что к вам могут возникнуть определенные вопросы.

– Твоя, – поправил он меня. Синие глаза потемнели, но не так, как недавно, а так, будто Ренмар закрылся от меня, задвинул шторы, пряча истинные чувства. И только голос оставался прежним, спокойным и ровным. – Мы ведь договорились обращаться на ты.

Я покачала головой. Ну уж нет, раз ему нужен «официальный вид», я пойду ему навстречу.

– Не думаю, что нам стоит. Я могу запутаться и обратиться к вам так при Алексе, при студентах, при ком-то из преподавателей... Полагаю, это совершенно ни к чему.

Он ещё какое-то время сверлил меня взглядом. Я ожидала возражений, ожидала, что он скажет хоть что-то, что позволит считать, что для него наша связь – это нечто большее, чем просто ритуалы для снятия проклятий, энергообмен для восстановления сил или фиктивная помолвка, чтобы никто ни о чем не догадался.

Но он только кивнул:

– Хорошо, Виктория. Я понял. Можешь не беспокоиться, я приму все меры, чтобы твоя репутация осталась кристально чистой.

Я вспыхнула. Мог бы и не притворяться, что его заботит моя репутация, а не своя собственная!

Внутри забурлило, захотелось ужалить, сделать ему так же больно, как он сделал мне. Но тут вдруг магистр взял меня за руку, и я подавилась возмущением, а по телу хлынули – непрошенные, ненавистные! – мурашки.

– Я всё равно хотел бы, чтобы ты это взяла. Не хочешь в знак нашей связи – возьми хотя бы на память.

Я закусила губу, чтобы не расплакаться. На память... он уже готов расстаться?

Больше Ренмар не говорил ни слова. Более того, смотрел сквозь меня, словно меня, нашего разговора о замужестве – вообще всего этого не было, а думал он сейчас совсем о другом.

– Я тебя оставлю, – сказал он после затянувшейся паузы. – Мне пришла в голову одна идея. Надо все проверить, провести кое-какие расчеты... но, думаю, уже утром ты сможешь встать в ритуальный круг... Полагаю, это должно сработать.

– Утром? – спросила я растерянно.

Так быстро? Неужели я успела ему наскучить за такое короткое время? Я приподнялась на кровати, но он остановил меня жестом.

– Тебе следует хорошенько отдохнуть и набраться сил, ритуал будет сложным.

Он поднялся, набросил халат и вышел из спальни. Я проводила взглядом его широкую мускулистую спину, пока её не скрыла ткань халата, и грустно вздохнула. Может, надо было всё же согласиться?

Глава 27

Я проснулась в отличном настроении.

Тело все ещё приятно ныло после вчерашнего. Я потянулась, повернулась в огромной кровати и вспомнила минувший вечер...

И надулась.

Точно! Как я могла забыть! Ведь вчера мы с Ренмаром смертельно поссорились. Расстались навсегда. Между нами пролегла непреодолимая бездна.

И всё из-за его глупых понятий о приличиях! Вот что бы ему стоило не заикаться о всяких «удобно» и «правильно», а просто закричать: «Ар-р-р,

ты моя, и я никуда тебя не пущу! Если ты немедленно не станешь моей невестой, я брошусь в пропасть!»

Я глянула на колечко, всё же занявшее место на моём пальце. Оно смотрелось там ужасно миленько. Именно так, как и должно было. И пусть всё только понарошку... в глубине души я была рада, что Ренмар настоял на своём и заставил меня взять кольцо.

И тут без стука распахнулась дверь.

Я вздрогнула, подавив желание с головой забраться под одеяло. Или, на худой конец, притвориться, что ещё сплю. И проспать часов десять как минимум, пока не станет ясно, что никто никуда не идёт.

Ренмар окинул меня долгим темным взглядом – тем самым, от которого я забывала, как дышать. На какое-то мгновение мне показалось, что сейчас он сделает несколько шагов, окажется рядом, привычным жестом устроит свою ладонь у меня на затылке и накроет губы поцелуем.

И наконец скажет, что я его и он никогда никуда меня не отпустит!

Я замерла в ожидании и надежде. Прямо сообщить о своих чувствах я, разумеется, не могла, но очень старалась хотя бы глазами показать ему, о чём думаю.

Но все мои усилия обратились прахом, потому что Ренмар лишь сдержанно сказал:

– Доброе утро, Виктория. У меня хорошие новости.

Хорошие новости? Я привстала, и одеяло съехало с плеча. И взгляд магистра съехал вслед за ним, обжигая кожу и заставляя меня трепетать. Я закусила губу и ещё немного шевельнула плечиком. Совершенно случайно, конечно же.

И опять напрасно! Ренмар поспешно отвёл взгляд.

– Мы обсудим их за завтраком, – и он вышел из спальни.

Я скрипнула зубами и быстро собралась, уделяя своему внешнему виду повышенное внимание. Чуть сильнее затянуть шнуровку, так, чтобы талия казалась совсем узенькой, а грудь – изысканно пышной. Чуть ниже опустить декольте, которое в этой форме и так преступно минимальное. Немного покусать губы перед зеркалом, чтобы прилила кровь, и добрых пятнадцать минут колдовать с волосами, то распуская, то завязывая на макушке, то пытаюсь изобразить вдохновенный каскад. Пожалуй, распущенные лучше всего.

Завтрак был накрыт, как всегда, безупречно. Я села, потянулась к булочке и стала аккуратно пилить её ножом. Пусть Ренмар увидит, как хорошо я тут прижилась. Как прекрасно справляюсь с этими дурацкими приборами!

– Ты можешь просто взять её рукой, как тебе удобно, – вдруг сказал он. – Не думаю, что наши правила этикета тебе ещё пригодятся.

Я задохнулась от возмущения. Рукой? Как тебе удобно? Да никто в этой академии не режет булочку лучше меня!

Метнула на Ренмара убийственный взгляд, а потом поняла, о чём он.

Внутри все сжалось. Я оставила в покое несчастную булку и спросила:

– Что значит – не пригодятся?

Даже не знаю, какой ответ меня бы удовлетворил. Возможно, что он запрет меня у себя в спальне и не выпустит, пока... пока... тут моё воображение сдавало.

Но Ренмар почти с гордостью объявил:

– Я нашел твой мир. Это оказалось совсем нетрудно, если найти правильный подход. Просто нужно было использовать не энергетический контур, а магический...

Он вдохновенно рассказывал про контуры и магические линии, словно напрочь забыл, что я во всем этом ни бельмеса не понимаю. Видимо, заметив мой потерянный взгляд, Ренмар оборвал себя на полуслове и сухо подвел итог:

– Думаю, ты вот-вот сможешь вернуться.

Стоп. Почему-то всё стремительно летит не туда. Но гордость мешала признаться, что я передумала. К тому же... нет, я не передумала, я по-прежнему хочу домой. Ведь там папа с мамой, Антошка, подруги, университет... Я же не могу застрять тут пожизненно, да я и не собиралась.

Но расставаться с Ренмаром так быстро... Внутри будто все перевернулось. Я отложила приборы и сделала глоток из чашки.

– Вы уверены?

Он отвёл взгляд.

– Что касается адреса, уверен абсолютно. А вот относительно моих возможностей тебя туда перебросить... нужно пробовать. Если применить заклинание... – Он назвал несколько слишком неудобоваримых фамилий, которые я при всем желании не смогла бы произнести. – В общем, надо пробовать, ты готова?

Я отставила чашку в сторону.

Может, сейчас самое время сказать, что ни капельки я не готова? Что вообще не хочу возвращаться?

Хотя нет же, ведь я хочу! И я буду выглядеть очень странно, он подумает, что я сама не знаю, чего хочу. А я знаю, прекрасно знаю!

– Тогда, пожалуй, тебе следует снять платье. Если помнишь, уйти ты должна так же, как и пришла.

Я чуть не покраснела, вспомнив, как я уходила в прошлый раз. И с вызовом дёрнула плечиком:

– Разумеется, я готова! Вы дадите мне халат?

Переодевание не заняло много времени. Я уже отлично научилась справляться со всеми этими завязками и застежками, что поначалу приводили меня в ужас. Накинула халат, втянула ноздрями воздух, ожидая услышать родной и будоражащий запах – запах любимого мужчины. Но нет, лишь морозная свежесть или альпийский луг – я не знаю, как называются местные отдушки для стирки. Магистр дал мне чистый халат. Вот... жадина!

Я окинула взглядом спальню, сама не очень понимая, что ищу. Какой-то предлог задержаться, какую-то причину отменить возвращение, какое-то очень-очень важное дело, оставшееся неоконченным... Но, как назло, ничего такого не находилось. Я вздохнула, посетовала на вопиющую несексуальность халата – и вышла.

– Ты ведь знаешь, что делать, – сказал магистр, когда мы оказались в ритуальном зале.

Он держался так отстранённо, что мне стало совсем грустно. И я крепче сжала ладонь, на пальце которой красовалось его кольцо. Он ведь не потребует его назад?! Ни за что не отдам!

Хотя о чём я, он же сам сказал: возьми на память.

Дурацкий Ренмар! Ну же, сейчас последний шанс заключить меня в объятия и закричать, что никуда я не пойду!

Я сбросила халат. Увидела, как потемнел взгляд Ренмара, как он стиснул челюсти и поспешно отвернулся, и в глубине души коварно усмехнулась. Прошла в центр круга, на этот раз уже не особо смущаясь. И непрошеной пришла мысль о том, что там, в темноте, Ренмар тоже обнажен и на нем лишь тонкая черная мантия.

Я отогнала вставший перед глазами образ.

Все повторилось: ледяной ветер, покалывание холодных игл... И только теперь я подумала: а если все получится? Если прямо сейчас я окажусь дома, а этот мир вместе с его колдовством, некромантами, Лисандрой и погодной магией останется где-то за пределами моей реальности? Получается, что мы с Ренмаром даже не попрощаемся... Точнее, уже не попрощались.

Ну и ладно! Вот тогда-то он и пожалеет!

Я заставила себя закрыть глаза. Вихри становились всё сильнее, словно пытались вырвать меня из центра, как сорную траву из грядки с флоксами. Я чувствовала, что магистру приходится держать меня изо всех сил.

А вдруг не удержит? Вдруг снова: падение, проклятие – и...

А может, выпрыгнуть из круга самой? И соврать, что меня снесла с места какая-то потусторонняя сила.

Ох, нет, нельзя, а вдруг мы оба умрём мгновенно? Так дело не пойдёт!

Я взмолилась, чтобы потусторонняя сила услышала меня и скорее вырвала из круга. Но так, чтобы проклятие оказалось не слишком смертельным. Чтобы его можно было убрать уже испытанным нами способом. Можно не сразу, можно за несколько раз.

Ветер стих резко. Раз – и нет.

Я с удивлением обнаружила, что ничто больше не колет меня под коленки и вообще не доставляет никакого дискомфорта.

Мне удобно и тепло, а ещё запах... знакомый, едва уловимый, запах моих любимых духов, кремов и всего того, что стояло у меня на туалетном столике... Дома.

Не может быть!

Я не сразу решилась открыть глаза. А когда открыла – догадка подтвердилась. Моя комната. Кровать, шкаф с выщербленной дверцей, обои, чуть потертые, неплохо бы переклеить. Да-да, я уже второй год об этом думаю...

Ой, мамочки! Ренмар и впрямь отправил меня в мой мир! Тысяча могил, какой же он невозможный, недогадливый, стоеросовый чурбан!

Кто-нибудь, верните меня назад! Немедленно!

Глава 28

Ренмар Дарквиль

Если честно, я совсем не ожидал, что Виктория мне откажет. Что станет, пряча глаза, говорить, мол, она не готова к такому серьёзному шагу, как помолвка.

Поначалу я не понял, что случилось, что я сказал или сделал не так. Она была такая радостная, открытая, сияющая, а когда увидела кольцо, вдруг вся потускнела. Вдруг начала отстраняться, пытаться обозначить дистанцию. Ну ясное дело, шаг оказался для неё и впрямь слишком серьёзен. Я и сам понимал, что поторопился. Просто это казалось мне лучшим способом защитить её.

Не только защитить, конечно. Была и поганая тайная мыслишка о том, что это самый надёжный путь объявить Викторию моей. Дать понять любому, чтобы не смели не только ухаживать за моей женщиной, но и смотреть на неё слишком дерзко. Мне хотелось ловить завистливые взгляды, приобнимая её за талию, хотелось всех этих перешептываний

за спиной. Ну и обезопасить Викторию от всяких покушений, от возможных козней Лисандры, от внимания Совета – потому что, назвав её своей невестой, я как бы ручался за неё.

Но она была права. Лучшим способом защитить её было отправить как можно скорее домой.

Естественно, мне не оставалось ничего иного, как принять это решение.

И как назло, стоило мне понять, что я вот-вот её потеряю, как Виктория стала казаться ещё красивее и сексуальнее, насколько это было возможно. Я чувствовал себя едва созревшим школьником, который может думать только об одном. Но мне и впрямь чудилось, что грудь Виктории стала куда заметнее, а поведение похоже на тонко рассчитанную провокацию.

Глупости, ну зачем ей пытаться соблазнить меня после того, как сама отвергла? Сама высказала ясное и чёткое желание поскорее вернуться домой?

И всё равно... я чертил схемы, расставлял артефакты, читал нужные заклинания, с каждым мигмом всё сильнее осознавая, что совершаю ошибку. Что я ничего больше не хочу сейчас, кроме того, чтобы мои расчёты оказались неверными.

Но я редко ошибаюсь в расчётах.

Виктория начала исчезать. Только что она стояла здесь, и вот уже на том месте лишь прозрачная дымка. А через несколько мгновений рассеялась и она.

Ритуальный круг был совершенно пуст.

Мне оставалось лишь скинуть мантию, одеться, стереть знаки, навести порядок. Уйти отсюда и закрыть за собой дверь. И постараться как можно скорее забыть об этом недолгом приключении.

Вместо этого я стоял, не в состоянии сдвинуться с места.

Она меня убьёт.

Убьёт и будет права.

Я не должен, я не вправе этого делать, да я же последний тиран, изувер, против воли девушки, против её ясно высказанного желания...

Но, пока разум твердил, что я сволочь, руки быстро чертили новые символы.

Нет, я, конечно, обязательно отпущу её в её мир. Тем более сейчас мы знаем и координаты, и формулы, и магический контур. Я в любой момент смогу это повторить.

А пока – она нужна мне здесь.

Центр ритуального круга снова подернулся дымкой. Ещё немного – и Виктория стояла там, на том же месте, где и была. Обнажённая,

растерянная, она тяжело дышала и, казалось, едва стояла на подрагивающих ногах. Я оказался рядом в мгновение ока. Подхватил её, прижал к себе. Её запах забился в ноздри, хлынул по позвоночнику, лишая меня рассудка, оставляя лишь одно: дикое, первобытное, грубое желание. Я повернул её к себе лицом и впился в губы, не давая ни малейшей возможности воспротивиться. Мне нужен был этот поцелуй. Я был готов к тому, что она станет сопротивляться, попытается меня ударить, но в первый миг Виктория оторопела, а в следующий – обвила руками мою шею и с жадностью ответила на поцелуй.

Несколько минут мы бешено, остервенело целовались. Я прижимал её к себе, не сдерживая силу, словно пытался вдавить в себя, но она ничуть не отстранялась, не морщилась, а напротив, сама цеплялась за меня и сама искала мои губы.

Когда мы наконец отстранились друг от друга, я, задыхаясь, сказал:

– Прости, я...

– Я была у себя дома, в своей комнате, – перебила она, – вы все правильно нашли.

А затем уткнулась в плечо и разрыдалась.

– Я не хочу, – сказала вдруг она сквозь слезы.

Это резануло меня как ножом, но я стиснул зубы, лихорадочно придумывая подходящий обман.

– Не волнуйся. Я догадываюсь, почему все пошло не так, нужно попытаться снова при ретроградном Меркурии.

Врал, безбожно врал. Но Меркурий даст мне две недели...

Но она ухватила меня за мантию, не выпуская из объятий, и, пряча взгляд, еле слышно прошептала:

– Я не хочу домой.

Вот этого я точно не ожидал!

– Не хочешь? – переспросил я, чувствуя себя дураком. – К себе? К родителям и привычной жизни?

– Да, не хочу! – подняла на меня упрямые, залитые слезами, донельзя очаровательные глаза. Мокрые ресницы топорщились, как маленькие копыта, и я чувствовал себя так, будто трепыхаюсь на них, как рыба на трезубце. Маленькая демоница взяла меня в плен бесповоротно.

Но я не мог не выяснить всё до конца. Почему она вдруг передумала?

– Почему? Что-то случилось?

Виктория нахмурилась и заелозила в моих руках, явно пытаясь вырваться. Я не пустил, и тогда она обиженно пробормотала:

– Ничего не случилось, просто ты слепой и... глупый!

О, мы снова на «ты»! Ради этого я готов быть слепым, глупым, да каким угодно.

– Тогда дай мне прозреть и поумнеть...

Пять минут – и она вывалила на меня ворох эмоциональных обвинений, упрёков и сумбурных пояснений. Я, оказывается, бесчувственный чурбан! И негодяй. И мечтаю от нее избавиться.

Я молча слушал это, стараясь удержать лезущие на лоб глаза. Одно было понятно точно: мы оба беспросветные идиоты.

– И это отвратительное кольцо! – с негодованием добавила Виктория.

– А с ним что не так? – Я с опаской покосился на обнимающий её безымянный палец ободок.

Ювелир утверждал: это лучшее, что только можно найти. Неужели обманул? Или дело в каких-то обычаях ее мира?

– Ты сказал, что это всё только ради приличий! Чтобы не было разговоров! А не потому, что... – Она отвернулась, не договорив.

Но я уже начал понимать.

И правда. Сказал. Сказал много всего, что было верным, и правильным, и логичным, только...

Только самое главное сказать забыл.

– Прости... верни мне его, пожалуйста.

Я отпустил её.

Она застыла, в глазах появились изумление и неверие. Стянула кольцо, стиснула губы. Её пальцы на миг сжались, словно она хотела зашвырнуть кольцо куда-нибудь вдаль. Но Виктория пересилила себя и спокойно положила мне его на ладонь. Личико её стало совсем холодным.

Новый виток недопонимания? Вот уж нет! Не в этот раз.

Я взял её ладошку, пока она не успела снова что-нибудь придумать, убежать или ударить меня молнией, и быстро опустил на колени.

– Виктория, ты станешь моей невестой? Не ради того, чтобы заткнуть рты сплетникам, а потому, что... – я замялся, не сумев найти подходящих слов.

Потому что она свела меня с ума. Потому что она вклинилась в налаженную жизнь и поставила всё с ног на голову. Потому что я никогда не знал раньше, что буду так сильно переживать и ощущать всё, что с ней связано, лезть из шкуры вон, чтобы защитить её, чувствовать себя на седьмом небе, видя, как она краснеет.

– Потому что я, кажется, люблю тебя, – договорил я упавшим голосом. Это открытие изрядно меня огорошило. Но это было правдой.

Небеса, я по уши влюблён в эту наивную, взбалмошную, эмоциональную... самую прекрасную девушку на свете. Не могу поверить, что едва не разрушил всё собственными руками, отправив ее одни могилы знают куда!

Виктория порозовела и кивнула.

Кольцо легко скользнуло на ее палец, где ему было самое место.

А Виктория тут же оказалась в моих объятиях.

Где ей тоже было самое место.

Глава 29

Я просыпаюсь оттого, что меня целуют. Даже не просыпаюсь толком – томно и сонно откликаюсь на ласку и тут же тону в невозможной, невыносимой нежности. Сильные руки скользят по моей коже мягко, едва касаясь, но тело сразу отзывается дрожью.

Теперь уже я окончательно проснулась.

Поцелуй разрывается, и я чувствую горячий влажный рот и обжигающее дыхание на груди, на животе, на бедрах. Не выдерживаю сладкой пытки томительной негой и с тихим рычанием тяну Ренмара на себя, оплетая его ногами, вдавливая в себя... До самого финала, до пика, до последнего хриплого стога.

– Доброе утро! – Он смотрит на меня, откровенно любуясь.

Еще бы не доброе!

– Я принесу тебе сок.

Ренмар встает и, не одеваясь, выходит из комнаты. А я провожаю его взглядом. Я тоже люблюсь.

Восхитительное утро! Впрочем, с ним любое время суток восхитительно в любой день недели.

Казалось, сейчас, после того как все выяснилось, вся моя жизнь сплошь состояла только из одной радости и счастья. И Ренмара. Что, по сути, одно и то же.

После лекций, которые теперь вовсе не раздражали, напротив, вызывали интерес, я занималась погодной магией.

Было так непривычно и так приятно чувствовать, как зарождается в пальцах легкое покалывание, как проходит дрожь по всему телу и я становлюсь единым целым с ветром, дождем, солнцем, что я могу вызвать ураган и остановить ураган, могу заставить дождь идти именно там и так, как мне надо.

Нельзя сказать, что все получалось легко и сразу. Чаще всего мои занятия заканчивались тем, что мы с Ренмаром возвращались с полигона или насквозь вымокшие, или взлохмаченные ветром, или исхлѣстанные ветками деревьев.

Но с каждым днем я управлялась со своими возможностями все лучше и лучше, и он не мог этого не признать.

А наши ночи... ночи были полны страсти и нежности.

И каждое утро я просыпалась счастливой. Потому что рядом был мой мужчина. И не так уж и важно, спал ли он еще, прижав меня к себе, или давно поднялся и уже соблазнял меня запахами кофе и выпечки, – это все равно было чудесное утро.

И так изо дня в день...

– Меня вызывают в Совет, говорят – срочно.

Я сразу напряглась и перестала кромсать ножом омлет.

Что касается булочек на завтрак, я давно попросила своего жениха избавить меня от этого блюда, сославшись на необходимость блюсти фигуру. Я не говорила, что основная причина в том, что я чувствую себя глупо, когда пытаюсь её резать, но, кажется, он догадался.

– Вряд ли это связано с Саймоном... Думаю, та история похоронена окончательно и бесповоротно.

Мне тоже так казалось. Ренмар рассказал мне, как ему удалось расставить все по местам в лазарете. Я хохотала и радовалась как ребенок и несколько раз с тех пор просила заново пересказать мне эту историю. Выспрашивая и выпытывая детали, чтобы видеть её в красках. Какое лицо было у Лисандры, как среагировал на это старый лорд, как глупый, глупый Саймон, свято уверенный в своей правоте, выдавал все новые и новые подробности охоты за «демоницей», роя тем самым яму для себя самого.

– С Советом никогда нельзя угадать, – совершенно спокойно сказал Ренмар, – они могут устроить истерику из-за того, что табели неправильно заполнены.

О, как прекрасно он умел сохранять невозмутимость, мой магистр! Я испытала это на себе. Ведь и предположить не могла, что за маской холода и учтивости скрывалось сильное и страстное чувство. Но теперь я научилась. И где-то в глубине спокойных ледяных глаз могла рассмотреть тревогу.

– Я пойду на занятия. Сегодня четыре пары, правда, в основном всякая ерунда вроде ветрологии и сновидений, но так мне будет проще тебя дожидаться.

Ренмар нахмурился.

– Мне это не нравится. Лучше сказать больно и остаться здесь. Я велю Алексу за тобой присмотреть.

– Не надо Алексу! – быстро сказала я.

С тех пор как магистр Дарквиль объявил о нашей помолвке, Алекс явно избегает моего общества, отводит глаза, когда мы видимся, и есть подозрение, что перспектива провести вместе целый день его обрадуют приблизительно так же, как и меня. А меня она точно не радует.

– К тому же, – добавила я, заметив, что Ренмар колеблется, – третьей парой у нас все-таки колдовские зелья, а мне это нравится. Сегодня будем изучать лекарства от насморка.

– Насморк лечится одним щелчком пальцев, – буркнул недовольно Ренмар, но я понимала, что он уже сдался.

– Это если ты целитель. А если ты адепт погодной магии, то есть, как всем известно, бездарь и шарлатан, то единственный вариант – зелья...

– Леди Виктория, ответьте, пожалуйста, что означает приснившаяся белая кошка, сидящая на дереве, – голос профессора сновидений вывел меня из задумчивости.

Так... белая. Белый – это всегда к чему-то хорошему... А кошки – к плохому, а тут ещё и дерево!

Я попыталась вспомнить, не было ли чего похожего написано в учебнике, но вспомнила совсем другое.

Как раз вчера вечером я открыла учебник. Ренмар вошел в кабинет (теперь мне разрешалось здесь готовиться к занятиям), заглянул в книгу и бросил короткий смешок. Я как раз дошла до того места, где было написано, что поедание клубники во сне – явный знак того, что наяву предстоят любовные утехи.

Он хохотнул:

– Уверен: минувшей ночью тебе снилось много клубники!

– Конечно, – промурлыкала я, – во сне съела столько, что как бы не появиться диатезу.

И сразу же сон с клубникой начал сбываться.

В общем, с уроками не задалось...

– Белая кошка, сидящая на дереве, снится к неприятностям на службе. Но к неприятностям преодолимым, – попыталась угадать я.

Но дружный хохот в аудитории тут же дал понять, что угадать не удалось.

– Садитесь, леди Виктория, и, пожалуйста, уделите больше внимания урокам!

Я со вздохом уселась на место.

Вторая пара шла к концу, и я уже начинала думать, что, возможно, лучше было бы остаться дома в апартаментах. А через несколько минут уверилась, что не возможно, а точно.

Дверь в аудиторию распахнулась, и в неё без стука вошла Лисандра. За спиной женщины стояли двое крепких парней в мантиях.

Я похолодела. Ни на секунду я не подумала, что она может явиться сюда случайно, как раз в тот день, когда магистра срочно вызвали. Лисандра окинула взглядом аудиторию, без труда нашла меня и сказала, сверля взглядом:

– Следуйте за мной, леди Виктория, у меня есть к вам кое-какие вопросы.

Первым моим желанием было вцепиться в парту и не выходить, даже если меня будут выдирать оттуда силой. По крайней мере, до тех пор, пока Ренмар не появится в студенческом городке. Но я тут же отбросила эту малодушную идею.

Для всех присутствующих Лисандра вовсе не какой-нибудь там враг, а очень даже наоборот – покровитель и попечитель. Вон преподавательница разве что не растеклась радужной лужицей от восторга и улыбается так радостно, словно это не её занятие только что бесцеремонно прервали.

Нет, похоже, прятаться и звать на помощь бесполезно, если только я не хочу составить компанию сумасшедшему Саймону и поселиться в соседней палате с такими же мягкими стенами. А раз так, незачем показывать этой дамочке свой страх.

Да и к тому же что она может мне сделать? О том, что я из другого мира, Лисандра не знает, Саймон не успел никому рассказать. Значит, дело в чём-то другом. Может, она и впрямь просто хочет спросить у меня о чём-то, связанном с учёбой?

Эта мысль, пусть и не слишком логичная, меня успокоила. Чуть-чуть.

Я встала из-за парты, расправила плечи, гордо вскинула подбородок и, как королева на эшафот, прошла к двери. Леди Лисандра улыбалась хищно и мстительно. Здоровяки за ее спиной смотрели на меня совсем иначе – хмуро и плотоядно. Взгляд голодных аллигаторов, которым посулили добычу.

Откровенно говоря, как ни противна была мне Лисандра, я бы предпочла встретиться с нею наедине. Эти двое заставляли меня леденеть от страха.

– Куда мы идем? – спросила я, когда мы вышли из здания подготовишек.

– В большой ритуальный зал, – сказала она и одарила меня взглядом, полным насквозь фальшивой ласки. – Тебе нечего бояться. Ты ведь не думаешь, что я могу причинить вред учащемуся?

На самом деле я именно так и думала. Более того – была уверена, что уж мне-то она причинит вред с удовольствием. А ее ручные мордовороты и вовсе наталкивали на самые жуткие мысли.

Но что-то подсказывало мне, что честный ответ приблизит меня к той самой комнате с мягкими стенами. Так что я лишь заметила осторожно:

– Ритуальный зал – странное место для... – Я задумалась. – Да вообще для чего-то бы то ни было.

Но леди Лисандра тут же развеяла мои сомнения.

– Тебе не о чем волноваться. Начало семестра, – сказала она, – ни одной свободной аудитории, а я бы хотела поговорить с тобой вдали от посторонних глаз.

Вот именно это меня и пугало!

В ритуальном зале было темно и жутковато, но леди Лисандра едва шевельнула пальцами, и откуда-то сверху полился не слишком яркий свет.

Впрочем, при этом свете менее жуткой обстановка не стала. А сама попечительница сделалась похожей на злую ведьму из страшной сказки. Что же касается ее спутников – стало еще хуже. Они не прошли вместе с нами, а остались на входе, заслонив широкими спинами дверь. Почему-то это напугало меня куда сильнее, чем если бы они стояли здесь, рядом. А так – они словно сторожили дверь, чтобы Лисандра могла сделать со мной... чтобы она могла что угодно сделать со мной!

Мои пальцы нервно подрагивали. Не нужно было сюда с нею идти – пришло запоздалое понимание. Это ловушка. Впрочем... могла ли я не пойти? Вздумай я сопротивляться, эти двое справились бы со мной легко и запросто.

– Я долго думала о том, что говорил бедняга Саймон, – заговорила Лисандра снова. – Он, конечно, сумасшедший, тут даже говорить не о чем. И все же не настолько сумасшедший, как пытался его представить наш дорогой Ренмар. Мне показалось, в версии паренька что-то есть... Я кое-что проверила, почитала, и, надо сказать, результат меня удивил. Конечно же, ты не демоница, такое могло прийти только в очень большую голову.

Я облегченно выдохнула. Не демоница, уже прекрасно! Только обрадовалась я рано.

– Но ты и не человек! Какой-то странный вид элементалю, до сих пор не изученный.

Я похолодела. Вот оно – худшее, что могло случиться.

– И я не вижу ни одной причины, чтобы тебя не изучить, – с улыбкой добавила Лисандра.

Не видит! А вот я как минимум одну причину знала хорошо.

– Магистр Дарквиль, – сказала я, – вряд ли будет в восторге оттого, что его невесту кто-то изучает...

– Ах это, – теперь улыбка Лисандры сочилась ядом, – боюсь, наш бедный Дарквиль пал жертвой пагубной страсти и заключил помолвку, которая никак не может быть действительной. Впрочем, бедняга, охмуренный потусторонними чарами, вполне мог наделать глупостей, поэтому мы и вызвали его в Совет. Он пробудет там до вечера, а когда вернется, все будет уже кончено.

– Будет кончено? – Я похолодела.

Что задумала эта змея?

– Мне кое-что понадобится, – сказала она, не отвечая на мой вопрос. – Оставлю тебя здесь. Мои друзья позаботятся о том, чтобы ты меня дождалась. На всякий случай предупреждаю: у них нет приказа вести себя с тобой деликатно. Так что не зли их!

Мордовороты расступились, дав Лисандре выйти, и снова сомкнули плечи, закрыв собою дверь. Они смотрели на меня голодными крокодильими взглядами, а я пятилась к противоположной стене.

«Нет приказа вести себя деликатно»? Что это значит? Что они собираются сделать со мной?!

Один из мордоворотов начал медленно приближаться. Второй остался у двери. Ну что ж, его габаритов вполне хватало, чтобы закрыть собою ее всю.

Я в ужасе сделала шаг назад. Еще один. И еще. И уперлась спиной в холодную стену. Дальше отступить было некуда.

Мордоворот – теперь я хорошо его разглядела: массивный, с тяжелой квадратной челюстью и сбитым набок носом – медленно, с явным предвкушением подходил ко мне. На его лице играла нехорошая усмешка.

Тысяча могил! Не могла же Лисандра приказать им меня изнасиловать! Или могла? Отомстить Ренуару за то, что он её бросил? Обесчестить его невесту? А ведь с неё вполне станется! Она могла решить, что это абсолютно симметричный ответ на её козни с использованием Саймона.

Мордоворот шел медленно, словно не сомневался: я никуда не денусь. И был абсолютно прав. Куда я могу деться из круглого каменного мешка?

Я метнулась в сторону. И почти сразу же оказалась, будто в тисках, зажата в огромных ручищах. Взвизгнула от неожиданности и боли, а в следующую секунду мой рот накрыла тяжелая пятерня. Теперь я не то чтобы кричать – дышать едва могла.

Мордovorот хищно усмехнулся мне в затылок. Легко оторвал от пола, перенес к двери и, словно куклу или манекен, передал в руки напарника. Новые тиски оказались крепче прежних. И больнее. Но я едва смогла пискнуть. Что они собираются делать?

В следующее мгновение я поняла что. Мордovorот со свёрнутым носом стал, посмеиваясь, развязывать шнуровку моего лифа и расстегивать пуговицы. Его напарник крепко держал меня, заломив руки за спину.

Я забилась изо всех сил. До последнего не могла поверить, что Лисандра отдаст им такой приказ. Ренмар уничтожит ее, когда вернется!

– Тихо, леди, успокойтесь. Не нужно так дергаться. Вы же не хотите потом идти по студенческому городку в рваной одежде. Это вызовет ненужные разговоры. А эти пуговицы и без того очень слабые...

Я застыла. Оно разговаривает! И не выплёвывает отрывисто нецензурные слова, как я от него почему-то ожидала, а говорит вполне цивилизованно, как интеллигентный человек.

Хотя постойте. Он сказал, я буду куда-то там возвращаться. Значит, планируется, что я выйду из этого зала?

– Что вы собираетесь со мной сделать? – в отчаянии спросила я. Хотя ответ был очевиден.

Но громиле снова удалось меня удивить:

– Подготовить к исследовательским ритуалам, только и всего. Их проведет леди Лисандра лично. Вам не о чем беспокоиться. Она опытный и умелый маг.

Он говорил так спокойно и уверенно. Начиная зарождаться надежда окрепла.

– Леди Лисандра ни за что не испортит такой ценный материал, – добавил вежливый громила. – Просто позвольте мне вас раздеть.

Материал! Вот как они ко мне относятся. Разве материалу позволяют разгуливать по студенческому городку? Все это чушь! И зря я развесила уши!

Стоп! У меня же есть магия!

Как раз вчера мы с Ренмаром отрабатывали силу ветра. Сейчас сдую эти два шкафа к Мерлиновым могилам! Освобожу дверь и выскочу. И плевать, что весь городок увидит меня в расшнурованном платье. Скорее! Чем дальше, тем хуже, этот гад уже не раздевает меня, а просто гладит по бёдрам, мнёт задницу, недвусмысленно прижимая к себе. Мерзость!

Я напряглась. Сильнее. Еще сильнее! Но привычного уже покалывания в пальцах и дрожи по телу не почувствовала. Почему?! Не может быть! Я попыталась еще раз – с тем же результатом.

– Не колдовать ли ты пытаешься, дрянь? – Напускная вежливость тут же слетела с моего обидчика, как желтая листва в ветреный день.

Раздался треск материи. Я ахнула, почувствовав кожей прохладный воздух.

– Не хочешь по-хорошему, будет как будет, – он ухмыльнулся мне в лицо и медленно, словно напоказ, рванул юбку. Поддавшийся шов разошёлся полностью, открывая бедро.

Тот, что держал меня, похоже, распалился от происходящего. Он прижимал меня к себе сильнее и сильнее. Я чувствовала его возбуждение.

Теперь я уже хотела, чтобы Лисандра явилась скорее и утихомирила своих горилл. Раз уж насилие не входило в ее планы. Но она, кажется, не торопилась. Чертова стерва, даже тут не может справиться.

Руки одного громилы до боли сжимали мою грудь. Руки другого впились в ягодицы. Я оказалась зажата между ними – слышала тяжелое, сиплое дыхание на ухо и видела помутневшие от похоти глаза.

Они не посмеют! Или...

Дверь распахнулась. На пороге появилась Лисандра.

Она ничего такого не планировала. Это стало ясно сразу слишком велик был ужас, плеснувшийся в ее глазах.

– Убирайтесь! – коротко сказала она. И мордovorоты, как нашкодившие щенки, скрылись за дверью.

– Пожалуйста, отпустите меня... – пробормотала я, не слишком надеясь, что просьбу услышат.

Лисандра приблизилась быстрым шагом и толкнула меня в плечи, прошипев что-то на своем змеином языке, и в следующее мгновение я уже стояла в центре большого ритуального круга. Я попыталась сделать шаг, но не смогла, круг держал меня крепко.

– Ну что ж, а теперь посмотрим, что ты собой представляешь, – хищно проговорила она, – мне безумно любопытно.

И я еще жаловалась, что ритуал по перемещению меня домой был болезненным? Нет, по-настоящему больно в центре круга мне стало только сейчас. Всё тело словно прошили насквозь огромные ледяные иглы, из лёгких мгновенно выбило весь воздух. Если бы не незримые узы, удерживающие меня в кругу, я бы выскочила из него как ошпаренная, а так – только вскрикнула. Слезы сами потекли по щекам.

– Хм... испытание поражающей магией выявило нетипичные реакции. Кожные покровы не повреждены... Обильное слезоотделение...

Лисандра говорила деловито и отстраненно. Слово и правда ею двигали не ревность, не жажда мести, а исключительно научный интерес. И от этого почему-то становилось еще страшнее.

– А теперь попробуем извлечь из подопытной немного магической энергии...

В следующее мгновение мне стало казаться, что меня отжимают, выкручивают, как свитер после ручной стирки. Я вспомнила, как, сама того не зная, залила мерзкую бабенку дождем. Надо бы повторить!

Я снова попыталась вызвать знакомое ощущение в пальцах. Теперь это было вдвойне сложнее: казалось, силы покинули меня. Лисандра каким-то образом заблокировала мою магию. Или... неужели ей и правда удалось вытащить из меня энергию? Я вспомнила, что говорил Ренмар об истощении. Эта чертова кукла запросто может меня убить.

И всё же, несмотря на скручивающую боль, я снова и снова пыталась добраться до своей магии. Ветер... Сдуть бы гадину потоком, швырнуть о каменную стену и не слишком заботиться, выживет она или нет. Я напряглась, представляя, как беспомощно летит тщедушное тельце... И ничего.

Только вот неожиданно боль прекратилась, и я услышала злобное шипение:

– Даже не пытайся! Здесь магией может пользоваться только тот, кто проводит ритуал. И это не ты.

Вот оно что. Вот почему у меня ничего не вышло, когда я пыталась разобраться с мордоворотами.

– Не советую меня злить, – продолжала Лисандра. – Ведь сейчас только от меня зависит, насколько потрепанной ты выйдешь из круга.

Внезапно тело снова пронзили ледяные шипы. Я вскрикнула.

– Ой... Совсем забыла. Мы же уже проверили поражающую магию. Иногда становлюсь совсем рассеянной. Особенно когда нервничаю.

Она маньячка. Настоящая сумасшедшая, Саймон по сравнению с ней – образец адекватности и душевного здоровья. Он всего-то и хотел получить от демоницы силу. Мои бесконечные мучения в его планы никак не входили. И если я пробуду тут до вечера, до возвращения Ренмара, я просто сойду с ума от боли и страданий.

– А теперь приготовься... У меня есть для тебя кое-что особенное. Путешествие в страну кошмаров. Немного видений. Всем же интересно, как ведут себя испуганные элементали!

– Нет, не всем. Только тем, у кого окончательно крыша поехала.

Лисандра притворно вздохнула.

– Злая и невоспитанная демоница... Ну ничего, у нас много времени. Ты изменишься.

Я хотела высказать ей все, что об этом думаю. Но не стала. Она права. Времени у нее полно. А мое, кажется, подходит к концу.

Дверь распахнулась. Я чуть не застонала. Неужели сейчас к Лисандре присоединятся и её мордovorоты?

Взглянула туда – и не сразу поверила своим глазам.

На пороге стоял Ренмар. Мой магистр. А мордovorоты валялись в коридоре, как поваленные брёвна на лесопилке. Но почему Ренмар здесь? Неужели уже вечер? За пытками время пролетело незаметно? Смешно!

– Что бы вы ни делали, прекратите сейчас же! – загремел его голос, разносясь по залу.

– Вы вмешиваетесь в научный эксперимент, мой дорогой магистр. Не советую вам этого делать, – с угрозой проговорила Лисандра.

Магистр даже не бросил взгляда в её сторону. Он уже стоял рядом со мной, мгновенно укутал плащом и поднял на руки. Я с облегчением приникла к его груди, вдохнула успокаивающий запах. Сердце Ренмара билось в сумасшедшем ритме, но, когда он заговорил, голос звучал ровно, как никогда:

– Боюсь, я вынужден вмешаться. Вы немного забылись, уважаемая леди попечитель. Проводить исследовательские ритуалы в этом зале можно только с моего письменного разрешения, а мне помнится, я его не давал. Кроме того, что я вижу: вы могли причинить вред нашей абитуриентке, а возможно, уже и причинили его.

– Ваша, как вы её называете, абитуриентка, на самом деле элементарь, который подлежит изучению.

– Элементарь... – согласился магистр Дарквиль, и я похолодела.

Раз он так легко это принимает, значит примет и то, что будет вынужден меня отдать этим сумасшедшим исследователям?

– Элементарь редкого типа! – продолжил он. – Её магический контур почти полностью совпадает с человеческим, так что извольте ознакомиться и подписать.

Одной рукой крепко прижимая меня к себе, другой он достал откуда-то свернутый в рулон свиток. Лисандра в несколько шагов оказалась рядом и вырвала бумагу у него из пальцев.

– Что за...

Чем больше она читала, тем сильнее менялась в лице.

– Надеюсь, вы понимаете, – холодно сказал ректор, – что эта информация не должна никуда выйти. Впрочем, вы теперь и сами в этом заинтересованы, Вы же не хотите, чтобы вас обвинили в нанесении ущерба той, что признана достоянием короны. Его величество будет очень недоволен.

– Но когда вы... – забормотала Лисандра.

Из уверенной в себе всесильной магички она вдруг превратилась чуть ли не в облезлую кошку.

– Я подумал, что визит в Совет, конечно, полезное дело, но может подождать. И вместо этого добился аудиенции у короля.

Лисандра разве что не позеленела от злости.

– Его величество очень заинтересовался перспективами изучения погодной магии. Если помните, он и сам в свое время окончил этот факультет, и репутация погодных магов его несколько огорчала. Он был счастлив узнать, что теперь все изменится.

Лисандру было не узнать, она тряслась от страха. Когда она заговорила, ее голос был полон смирения.

– Я бы хотела попросить вашу... – казалось, эти слова она выдавливала из себя через силу, – ...вашу невесту не огорчать его величество рассказами о сегодняшнем происшествии.

Глава 30

Ренмар Дарквиль

Я прекрасно понимал, что статус моей невесты спасет Викторию разве что от оболтусов вроде Саймона. Если ею всерьез заинтересуется Совет, да к тому же выяснится, откуда она явилась, Виктория снова будет в опасности.

Нет, проблему нужно было решать радикально. Так, чтобы ни у кого и в мыслях не могло проскользнуть, что леди Виктория – доступная мишень. И я даже придумал решение. Дерзкое, невероятное. Но единственно возможное. Наш король, да будут прославлены его годы, единственный, кто может хоть как-то утихомирить Совет в его научном рвении, выходящем порой за все возможные и невозможные рамки.

Одна лишь загвоздка: поболтать с королем о том о сем не так уж и просто. Если, конечно, речь не идет о том, что в его окружении завелся

шпион лягушатников. Я подал прошение, и секретарь его величества сообщил мне, что король будет рад меня увидеть и принять со всем возможным радушием... но через две недели.

Я мог только надеяться, что у нас с Викторией есть эти две недели. Но сегодняшним утром выяснилось, что их нет.

Когда меня вызвали в Совет под явно надуманным предлогом да ещё и велели явиться срочно, это был уже не тревожный звоночек – это был набат. Мне с трудом удалось скрыть гнев, беспокойство и убедить Викторию, что все в порядке. Для этого даже пришлось позволить ей пойти на занятия.

Ректора самой престижной академии королевства не вызывают срочно, как нашкодившего школьника на ковер к директору! Впрочем, в отличие от школьника, ректор может сам решать, куда ему ехать. И я решил.

Это был чудовищный риск. Из королевской приемной я мог выйти разжалованным, безработным или – такой вариант тоже не следовало отбрасывать – мог не выйти вовсе, а в обществе нескольких крепких стражников через потайной ход проследовать в королевские подземелья.

Но мне повезло. Моим везением оказался один оболтус – младший сын королевского секретаря. В этом году сорванец, как я слышал, планирует поступить в мою академию. И не куда-нибудь, а на факультет боевой магии, при конкурсе двадцать человек на место.

Дети – наше всё. И наше всё лучшее – детям. Мне хватило небольшого намека на должностное преступление, которое я готов совершить ради его великодушного и отзывчивого отца...

И вот уже мы с его величеством потягиваем заморский кофий в зале для почетных посетителей.

– Надо же! Погодная магия... И обязательно пригласите меня на свадьбу!

С таким напутствием я вышел от короля спустя полчаса. Меня распирало от радости. Король на нашей свадьбе? Невероятно! Можно не сомневаться: теперь Виктория защищена окончательно и бесповоротно. И все же червячок сомнений не прекращал глодать меня. Дурное предчувствие, то самое, которое понесло меня в ночь нашего знакомства на кладбище, сейчас кричало: «Беда, надо торопиться».

Я спешил изо всех сил. Но не смог предотвратить беду. Я понял это по безумному лицу Алекса, который встретил меня у ворот академии.

– Леди Лисандра... она... Виктория... ритуальный зал... я хотел пробиться, но эти... – Он потер скулу, на которой явно проявлялся синяк.

Мой верный Алекс! Он сделал все, что мог. Я похлопал его по плечу и рванул к большому ритуальному залу. В этот раз я не сомневался:

успею. И успел...

– То есть магические силы можно восстанавливать и с помощью горячей ванны на травах! А ты поил меня всякой гадостью! – притворно капризничала Виктория. – Я знала, что ты нарочно!

И все же она, шаловливо взглянув на меня из-под ресниц, медленно потянула пояс халата. Секунда – и пояс мохнатой змеей свернулся на полу у ног Виктории. Я затаил дыхание, наблюдая, как разоблачается моя невеста. Неторопливо, спокойно, делая вид, что не замечает моего жадного взгляда. И только трепещущие ресницы выдают то, что она тоже волнуется.

Я ждал, что она остановится на полпути, не выдержит, смутится и попросит меня выйти. Но этого не случилось – халат упал рядом с поясом, а Виктория, совершенно нагая, прекрасная, словно Афродита, грациозно перекинула стройную ножку через бортик и опустилась в слегка подкрашенную ароматными травами ванну.

Очередной взгляд из-под ресниц – невинный и соблазняющий одновременно. Я улыбался, хотя это и стоило мне некоторых усилий. Не хотелось капитулировать мгновенно, от пары взглядов и этого явно устроенного для меня представления.

Да и просто любоваться ею, наслаждаясь тем, что все беды и тревоги позади, было приятно.

– Сейчас нет магического истощения, – пояснил я как ни в чём не бывало. Как будто моя маленькая демоница не красовалась передо мной в своей первозданной красоте. – К счастью, его удалось не допустить. Ты просто устала и испугана. И в этом случае ванна с травами – идеальное лекарство.

Моё кажущееся спокойствие ей не понравилось. Ещё один взгляд, на этот раз уже недвусмысленно призывный, и длинные стройные ножки показываются из воды. Раз, и левая идёт вниз, а правая наверх... и осторожно, самыми пальчиками, касается моей ноги. Всего лишь слабое, почти неощутимое прикосновение, но меня прострелило насквозь, как мальчишку на первом свидании.

Ах ты моя егоза!

– Ещё более идеальное, чем стандартный энергетический обмен? – промурлыкала она, изогнувшись так соблазнительно, что я понял: ещё немного, и моё тело выдаст всё, что я с таким трудом пытался скрыть. Пола халата и так уже угрожающе топорщилась, а взгляд Виктории того и гляди опустится как раз туда.

Что ж, ладно, я мужчина, а мужчина всегда знает, когда нужно уступить женщине. К тому же я сегодня изрядно устал и понервничал. Так что ванна на травах не помешает и мне.

И я сбросил халат.

Места в моей ванне с лихвой хватит и на двоих.

Взгляд Виктории потемнел, взволнованно обежал моё тело, останавливаясь как раз на том пункте, который недвусмысленно доказывал, что её усилия не пропали даром. Она облизнула губы и задышала чаще.

Я, в свою очередь, затаил дыхание, потому что часто приподнимавшаяся её грудь оказала на меня просто магическое воздействие. Мерлин, какое чудо сотворила природа! По телу бежали жгучие огни, сосредотачиваясь в паху, и мне казалось, я превратился в один только сгусток нервов.

– Дотронься, – хрипло попросил я.

Виктория вскинула на меня очумевший взгляд. Зрачки её почти затопили радужку, делая мою прекрасную леди – насколько это было возможно – ещё прекраснее, ещё соблазнительнее.

Я встал у самого края ванны, а Виктория снова вытянула розовую от горячей воды мокрую ножку. Без лишних пояснений провела пальчиками по моему бедру, подкралась к паху... и снова ушла.

Я чуть не застонал от разочарования. А негодяйка хитро заулыбалась и повторила трюк. Я изнывал от желания почувствовать прикосновение, но терпел, чтобы не спугнуть её. И лишь на третий раз Виктория смилостивилась.

Прикосновение оказалось лёгким, едва ощутимым, но разгорячённая плоть отозвалась с такой скручивающей тело мощью, что я едва не опозорился тут же. Мягкое движение пальчиками вниз... вверх... и снова вниз – и я вцепился ногтями себе в бедро, чтобы боль хоть на миг вернула мне самообладание.

У самого основания Виктория развела большой и указательный пальцы ног, создавая маленькую рогатку, и благодаря этой цепкой хватке ласка стала ещё откровеннее. А когда к одной розовой ножке присоединилась другая, я не выдержал. Осторожно перехватил подошвы, сложил вместе и начал сам ласкать себя, не спуская глаз с порозовевшего лица моей невесты.

Виктория не сопротивлялась, только схватилась за бортики ванны, откинулась назад, давая мне пространство манёвра, и наблюдала за мной сводящим с ума блуждающим взглядом.

Дьявольское, безумное наслаждение. Наивысший момент доверия, когда не боишься ни показаться странным, ни напугать, когда хочешь вместе с любимой женщиной открыть новые возможности доставлять друг другу удовольствие. Когда от одного лишь взгляда готов взорваться, когда даже самая простая ласка заставляет корчиться в сладких муках.

Я остановился буквально за миг до точки невозврата. Отпустил ноги Виктории, постоял немного, пытаюсь успокоиться, и тогда уже опустился в горячую воду. Поймал мокрое скользкое тело Виктории, уложил её на себя и без перехода запечатал её губы безумным в своей жадности поцелуем. Тысяча могил, моя сладкая, нежная, ненасытная демоница!

Без слов понимая мои намерения, Виктория послушно изогнулась, раздвинула ноги, седлая меня. Приподнялась, провела разгорячённой промежностью по моему изнывавшему от томления члену. И снова шкодливо улыбнулась, высунула кончик языка, как бы дразня меня.

Я с рыком прижал её бёдра к своим. Вплотную, так тесно, что даже вода, казалось бы, не могла проникнуть между кожей и кожей. Поймал губами маячивший прямо перед лицом упругий стоячий сосок. Виктория выдохнула, её мокрое распаренное тело напряглось в моих объятиях. Она закинула голову, выставляя на обозрение тоненькие ключицы и незащитную линию шеи, и вздохнула так пронзительно, так нежно, что внутри у меня забесновался голодный демон. Скорее, скорее сделать её моей, заставить вздрагивать это тело, увидеть, как Виктория закусывает губы, не в силах сдержать стон.

Но я хотел быть уверен, что она к этому готова, поэтому запретил себе торопиться. Ласкал языком её соски, то один, то другой, посасывал, прикусывал, пока она не заёрзала от нетерпения, сама пытаюсь на меня насадиться.

Какой бы горячей ни была вода, внутри у Виктории было ещё горячее. Я медленно протискивался сквозь кольцо её мышц, с упоением слушая, как она тихо ахает по мере моего продвижения. Её глаза, полуприкрытые, наполненные негой и страстью, сводили меня с ума.

Проникнув в самую глубь, я с наслаждением обхватил ладонями тугие полушария ягодиц. Сжал и начал двигать вверх-вниз, управляя телом Виктории как диковинным механизмом. Распластавшись на мне, она лишь всхлипывала, содрогаясь, когда я задевал её чувствительные местечки.

– Быстрее... сильнее... – прошептала Виктория, обхватив мою шею руками.

Настал мой черёд дразняще улыбнуться. И вместо того, чтобы ускорить темп, я, напротив, замедлился. И прошептал в розовую раковину ушка:

– Ты выйдешь за меня замуж? В воскресенье?

Мне мало было помолвки. Мало было права называть её своей невестой. Помолвка – дело совсем не окончательное. Я хотел скорее

сделать её своей женой. И воскресенье – прекрасный для этого день. Особенно учитывая то, что сегодня пятница.

– Что? – Виктория распахнула глаза. На лице появилось испуганное выражение.

Тогда я увеличил скорость, и она снова размякла, поплыла, глаза затуманились. Я выждал чуть-чуть и потребовал:

– Скажи да.

Она опять встрепенулась, простонала протестующе:

– Ренма-ар...

Грудь Виктории подпрыгивала в такт движениям, лицо горело, глаза влажно блестели. Язычок, как будто её мучила сильнейшая жажда, постоянно облизывал соблазнительные розовые губки.

– Скажи да, – повторил я, переворачиваясь и накрывая её собой. – Или я могу так продолжать вечно.

Самый наглый блеф в моей жизни. Я был уже на грани.

– Нет-нет-нет-нет, – зашептала она, слабо покачивая головой. Её взгляд плавал в пространстве.

– Тогда... – Я выскользнул из неё. Не до конца, она не дала, опоясала ногами мои бёдра и потянула на себя. Снова замотала головой, капризно надувая губы.

– Ну же! – Я накрыл эти губы своими, раздвинул языком, нахально вторгаясь. Бешеный, страстный и такой короткий поцелуй – и очередное: – «Да», Виктория. Давай же. Скажи это. Скажи «да», и получишь то, чего хочешь.

– Ренма-ар... – захныкала она. – Ох... пожалуйста... Да-а-а...

Теперь меня ничего не сдерживало. Я впился жадным поцелуем в её рот и начал вдавливаясь в узкое, тесное, горячее пространство, с восторгом ощущая, как оно сокращается, обхватывая меня ещё крепче, ещё теснее, силой высасывая все соки. Вода выплёскивалась, заливая все вокруг, Виктория стонала, и на её лице проступала томительная сладкая мука. Я старался думать о чём угодно, только не о том, как сильно меня сжимают внутренние мышцы её тела, но, когда они начали сокращаться особенно сильно, выстоять просто не смог. Мы финишировали одновременно, так ярко и мощно, что ещё долго после этого лишь лежали в объятиях друг друга, переживая случившееся.

И через долгое, долгое время Виктория вдруг встрепенулась и гневно сверкнула глазами:

– Что-что?! Какое ещё «замуж в это воскресенье»?!

Глава 31

Ух ты! Не может быть! Вот это да!

Никаких других слов мне на ум не приходило. Я с восторгом оглядывалась по сторонам и не могла поверить своим глазам. Это не поместье, а самый настоящий дворец!

Ещё в пути, когда на выходе из портала нас встретил великолепный усач в мундире и фуражке и сделал под козырёк, приглашая сесть в... в самый настоящий автомобиль с открытым верхом, похожий на те, в которых у нас ездили в начале прошлого века, – я уже тогда потеряла дар речи. А по пути, когда мы вальяжно проплывали мимо обширных полей, деревень, парков, ухоженных лесов и Ренмар будничным голосом пояснял: «Это наши территории... мы сдаём их арендаторам... а этот парк отец купил в подарок моей матери... а эти земли приобрёл ещё мой дед...» – я вообще перестала соображать и только кивала, с изумлением глядя на цветущие глицинии, фиолетовым сводом нависавшие над дорогой.

А потом дорога вильнула, и перед нами открылся... замок. Самый настоящий сказочный замок: с башенками, флюгерами, высокими узкими окнами, развевающимися флагами – и толпой народа внизу. Завидев машину, людское море заволновалось, и я заволновалась не меньше.

Когда Ренмар выводил меня из автомобиля – за ручку, когда представлял целому штату вышколенной прислуги как леди Викторию, свою невесту и в скором времени жену, от смущения я не смогла вымолвить ни слова и только улыбалась, стараясь не показаться грубой или неприветливой.

А потом были просторные залы, картины в золоченых рамах и статуи выше меня ростом. Нет, в музее, конечно, что-то похожее можно увидеть. Впрочем, такой помпезной роскоши нет и там.

– И ты хочешь сказать, что это все твое? – Я смотрела на Ренмара с нескрываемым изумлением.

– Родовое поместье Дарквилей. Теперь оно и твое тоже, – небрежно бросил мой магистр.

Мое? А в это поверить и вовсе было невозможно.

– Да ты полон сюрпризов, мой дорогой жених.

Бывает же такое! Я-то думала, что отхватила себе роскошного мужа с пятикомнатной квартирой и персональным ритуальным залом, но действительность оказалась еще круче.

Ренмар заключил меня в объятия:

– Рад был тебя удивить. На самом деле я редко бываю в этом замке – он кажется мне слишком уж пафосным... Но если тебе здесь понравится – можем проводить здесь летние каникулы.

У меня были свои мысли о том, где было бы неплохо провести летние каникулы, но делиться ими с Ренмаром я не спешила. Просто держала в уме.

– Магистр Дарквиль, леди Виктория! Рады приветствовать вас в родовом замке.

Пожилый солидный мужчина с весьма примечательными бакенбардами склонился в глубочайшем поклоне. Что-то я не видела, чтобы моего жениха так приветствовали в Академии! Видимо, быть Дарквилем круче, чем быть магистром.

Что ж, это к лучшему. Вряд ли я когда-нибудь дослужусь до магистра. А вот к роду Дарквилей примкну буквально с минуты на минуту.

– Это Фредерик, наш управляющий, – представил мне его Ренмар. – Он следит, чтобы здесь в мое отсутствие ничего не развалилось. А сейчас занимается тем, чтобы наша свадьба была организована достойно.

– Достойно короля! – не без гордости добавил Фредерик. – Организовать свадьбу, достойную короля, всего за один день – непростая задача.

В голосе старого слугаки можно было уловить оттенок укоризны. Но только если очень уж вслушиваться.

– О, я в тебе ни капли не сомневался! – с улыбкой заявил Ренмар. – Если кто-то и мог справиться с этой задачей, то только ты!

Лицо управляющего осталось непроницаемым, но я не сомневалась: похвала достигла цели. И он уже куда более дружелюбно проворчал:

– Церемония начнется через три с половиной часа, а леди Виктория, – он поклонился и мне тоже, – пока не облачена в подвенечное платье. Несколько часов назад его доставили из самого модного дома.

Глаза моего магистра как-то особенно блеснули. Он подхватил меня под локоть и увлек вглубь коридоров, горячо шепча на ухо:

– Скорее, скорее, дорогая Виктория. Нельзя терять ни минуты, нам нужно немедленно облачить тебя в свадебное платье.

Я насторожилась:

– Нам?

– Конечно. – Ренмар даже остановился посреди коридора и уставился на меня с изумлением. – Разве ты не знаешь об этом свадебном обычае? Надевать подвенечное платье должен будущий счастливый муж. Только ему дозволяется прикоснуться к невесте.

– О...

Я и правда никакого понятия об этом не имела. Да и откуда? У нас ведь всё наоборот.

Ренмар привёл меня в небольшую (по сравнению с залами, в которых мы только что побывали) комнатку в приятных бело-голубых тонах, велел ждать здесь и быстро ушёл. Я послушно присела на невысокий диван и принялась изучать обстановку. Ширма, высокие зеркала в золотых рамах, чуть приоткрытые окна и белый тюль, которым играет свежий ветерок. И тишина – такая тишина, словно в этом поместье сейчас не носятся, сбиваясь с ног, десятки людей.

Ждать пришлось недолго. В двери деликатно постучали и, после моего отклика, их так же деликатно распахнули. Я недоумевала, с чего бы вдруг Ренмару вздумалось вести себя так церемонно, но на пороге появился вовсе не он.

Появилось платье.

Пышное, белоснежное, украшенное жемчугом и мелкими кристалликами горного хрусталя. Роскошное, как снежный покров Гималаев, и внушающее такой же трепет.

Платье бережно поддерживали две девушки, которых я сперва и не заметила. Увидев меня, они синхронно присели в книксене, осторожно внесли платье внутрь и повесили на ширму. И тут же исчезли, предварительно бросив на меня несколько любопытных взглядов. Выглядели они так, будто очень хотели спросить кое о чём, но не смели. Немного странно, им что, запретили разговаривать со мной?

Я встала и подошла к этому... свадебному доспеху.

Когда я выбирала его в салоне, оно не казалось мне настолько подавляющим. Впрочем, возможно, дело было в том, что я выбирала его после пары бокалов шампанского... принятых для смелости. Ведь всё-таки я не рассчитывала, что мне так быстро придётся из невесты превратиться в жену.

Дверь стукнула, я обернулась и увидела Ренмара. Почему-то он, закрыв дверь, прислонился к ней спиной и некоторое время только молча смотрел на меня. В глазах плавало загадочное выражение, и по спине у меня просыпались мурашки предвкушения.

По-прежнему не произнося ни слова, Ренмар подошёл ко мне. Встал за спиной, взял за плечи и немного повернул. Теперь я видела в зеркале наше отражение. Высокий широкоплечий темноволосый магистр – и нежная, даже хрупкая девушка с каштановыми волосами... невзирая на почти противоположную внешность, смотрелись мы удивительно гармонично.

– Итак, – промурлыкал Ренмар бархатным тоном, склонившись к самому моему уху, отчего по телу прошла вторая волна трепетных мурашек. – Приступаем.

Одновременно с фразой он потянул вниз молнию на моей спине. Кожу обжёг лёгкий холодок, который тут же сменился жаром чужого дыхания.

Я застыла, глядя, как на щеках у девушки в зеркале появился нежный румянец, а глаза загадочно заблестели. Высокий мужчина за её спиной склонился к шее, словно готовый укусить вампир, но девушка, похоже, ничуть не возражала.

Магистр аккуратными, чёткими, но очень бережными движениями избавил меня от платья. Я рефлексивно прижала руки к груди, хотя, конечно, он тысячу раз видел меня в нижнем белье или даже без оного. Было так странно видеть себя, почти полностью обнажённую, на фоне одетого Ренмара... но что-то в этом зрелище щекотало нервы, распуская внутри таинственную сладкую дрожь.

– Платье! – поторопила я.

– А может, и так хорошо? – чуть охрипшим голосом отозвался мой жених. – Думаю, немного экстравагантности нам простят...

– Ты с ума сошёл! – ужаснулась я. – Перед королём! Твой управляющий сделает себе сеппуку.

И скорее, пока Ренмар не принялся выяснять, что такое «сеппука», я потянула с ширмы прохладную атласную ткань.

– Ты забыла, одевать тебя должен жених!

Ренмар забрал платье из моих рук, и у него в глазах появился тот особый блеск, который я хорошо знала. Он значил: сопротивляться бесполезно. Да и не хочется.

– Знаешь что, – сказала я через полчаса. – Может быть, ваш обычай со свадебным платьем и хорош, но причёска от него страдает!

Глава 32

Если на свадьбе присутствует король, главной фигурой будет не невеста, а он, тут уж ничего не попишешь. Его сиятельное величество затмит всех. Меня это скорее радовало. Слишком открытый лиф платья, слишком туго затянутая талия и слишком яркий румянец на щеках после неприличной «примерки» вдвоем с супругом... Нет, лучше уж пусть смотрят на короля и не смущают меня понимающими взглядами.

Единственный раз, когда я привлекла к себе всеобщее внимание, – это когда его величество подошел нас поздравить.

Венчание было на удивление коротким – священник, обряженный в золотую мантию, потребовал с нас обещание любить друг друга вечно, никогда не изменять, поддерживать и все такое. После того как мы дали честное-пречестное слово жить долго и счастливо и умереть в один день, он еще какое-то время глядел на нас сквозь прищур, будто не доверяя. Но потом, ко всеобщему удовольствию, объявил нас мужем и женой, а также позволил собравшимся приступить наконец к пиру.

Я тоже с удовольствием приступила к пиру. Не зря Ренмар хвалил управляющего. Пир был безупречен – игристые вина не пьянили, лишь слегка кружили голову, а блюда... м-м-м... очень быстро я почувствовала, что слишком тугая шнуровка – зло. Особенно если хочешь перепробовать все, что только есть на столе.

Я искала глазами Элизабет – единственного моего гостя. Я тут совсем недавно и не успела обзавестись ни стайкой подружек, ни толпой поклонников... Нашла. Он сидела почти в самом конце стола, а рядом... Хм, ну и дела! Рядом, краснея и смущаясь, сидел Алекс и ухаживал за ней очень мило – подкладывал на тарелку яства, наливал напитки и что-то шептал на ухо, заставляя ее смущаться и хихикать.

Даже жаль разрушать эту идиллию! Но платье врезалось в бока, а просить Ренмара вновь заниматься моим туалетом я не стала, здраво рассудив, что исчезновение одним махом и жениха, и невесты может показаться гостям как минимум странным. Так что я сделала знак Элизабет, и она, извинившись, выскользнула из-за стола, к большому неудовольствию Алекса. Да уж, похоже, такая моя судьба – приносить ему неприятности. Ну ничего, переживет. Хорошую девушку можно и подождать. А Элизабет – хорошая девушка. К тому же еще и врач! Так что пусть ждет.

Мы с Элизабет встретились в уборной. Впрочем, догадаться о предназначении этой комнаты было довольно трудно. Как по мне, так тут уже можно было проводить балы и устраивать приемы.

Моя университетская подружка тут же бросилась меня обнимать. И на радостях сжала в объятиях так крепко, что корсету и не снилось. Я только и смогла пискнуть что-то невразумительное.

А она заговорила восторженно:

– Поздравляю! О, это так удивительно! Как в сказке! Безумно за тебя рада... И за магистра Дарквилля... Вы такие красивые вместе! Поздравляю!

– Спасибо! – Я высвободилась из тисков дружеских объятий и поняла, что ужасно соскучилась. В последнее время нам не так уж и часто удавалось поболтать. В те редкие дни, когда меня не пытались принести в жертву или пустить на опыты, мой магистр занимался обучением – и речь тут идет не только о магии...

– Такая потрясающая свадьба! И король! Невероятно! И так неожиданно... Все ведь думали, что магистр Дарквиль и леди Лисандра... – тараторила Элизабет. – Представляю, в каком она была бешенстве, когда узнала о вашей свадьбе!

Совсем некстати было это напоминание. Кому хочется в день собственной свадьбы думать о сопернице!

– Что-то я ее не видела среди гостей... – проговорила я, просто чтобы что-то сказать. – Мероприятия с королевским участием те, кто возвращается в свете, обычно не пропускают...

– Как, ты разве не знаешь? Лисандра больше не в Совете. Ей, как выдающемуся ученому, выпала огромная честь отправиться в дальнюю экспедицию... На самом деле – это вроде как ссылка. Вскрылись какие-то ее темные делишки. Тут уж подробностей никто не знает.

– О-о... – выдохнула я одними губами.

Вот это новости. А Ренмар, мой хитрый супруг, ни слова мне об этом не сказал! Хотя наверняка приложил к этому руку. Кто, как не он?

Тут рёбра корсета снова впились в мои собственные многострадальные рёбра, и я вспомнила, зачем позвала сюда Элизабет.

– Ты можешь перешнуровать мой корсет так, чтобы он перестал быть орудием пытки?

Она внимательно рассмотрела платье, потянула за одну тесьму, потом за другую – словно сапер, выбирающий, какой провод перерезать, красный или синий. Потом произвела еще какие-то манипуляции, шепнула себе под нос что-то явно ругательное и спросила:

– Что за безрукая ворона шнуровала этот корсет? Ты должна уволить своих горничных!

– А при чем тут горничные? – не поняла я. – Разумеется, шнуровал будущий муж. Это ведь такая традиция. Весьма неприличная, я тебе скажу! – добавила я, вспомнив некоторые пикантные подробности этого предсвадебного ритуала.

Элизабет расхохоталась.

– Это не традиция неприличная, а молодой жених очень изобретательный, – краснея и хихикая, сказала она.

Ах вот как! Так вот почему служанки так странно на меня смотрели! Ещё бы, невеста вдруг решила одеваться только в компании жениха. Ну я ему устрою! Он эту шнуровку зубами развязывать будет. Или нет! Я его самого в это платье запихну. Скажу, что это еще одна свадебная традиция. Для особо находчивых и изобретательных женихов!

Еще обдумывая планы отмщения, я отправилась в бальную залу. Но стоило мне переступить порог, как я оказалась схвачена сильными руками Ренмара. Оказывается, пока мы возились со шнуровкой, пир закончился и начались танцы. А я ведь даже не все попробовала!

Список его прегрешений пополнился, и месть будет ужасной! Когда я ее придумаю...

Краем глаза я увидела, как отчаянно краснеющий Алекс приглашает на танец Элизабет. А после не видела уже ничего, кроме счастливых глаз Ренмара. Он закружил меня в танце, и так невыносимо приятно было

таять в его руках, чувствовать их силу и нежность, что я сразу простила ему его маленькую хитрость. К тому же я соврала бы, если бы сказала, что новая «древняя традиция» мне не понравилась. Очень понравилась, особенно та часть, когда он... Ох! Не стоит об этом думать сейчас, все-таки мы в приличном обществе! А я уже смотрю на своего магистра как кошка на сметану.

От любования супругом меня отвлекла какая-то возня в конце зала. Шум, грохот, вспышки магии... Это ещё что такое?

Я обернулась и ахнула.

Расталкивая гостей, хищно усмехаясь и поигрывая хлыстом, от которого за милую веяло магией, к нам приближалась Лисандра. Её чёрные волосы стояли копной и даже, могу поклясться, слегка извивались, словно змеи Медузы Горгоны. Узкое серебристо-чёрное платье сидело плотно, как перчатка. Впечатляющая грудь, тонкая талия, широкие бёдра и длинные ноги – не женщина, а какое-то орудие, предназначенное укладывать мужчин штабелями.

Правда, на этот раз в зале почему-то вместо восхищённого гула слышались только панические крики. Возможно, дело было в том, что от хлыста Лисандры то и дело выстреливали ветвистые молнии, а по пятам за ней безмолвно двигались уже знакомые мне громилы.

– Охрана! – грозно крикнул король.

– О, за них не волнуйтесь, ваше величество! – ехидно пропела Лисандра. Она явно любовалась собой и наслаждалась фурором, который произвела. – Ваши brave охранники не отказались пропустить рюмочку за здоровье молодых. Только напиток был особенный... Так что они сейчас спят богатырским сном. Ну-ну, не бледнейте так, ваше величество. Я вовсе не собираюсь на вас покушаться. У меня другая цель.

Её глаза безошибочно нашли меня и хлестнули обжигающей ненавистью. Я сжалась, ожидая удара.

Но Ренмар загородил меня собой.

– Не припоминаю, чтобы отправлял тебе приглашение.

– Да-да, очень невежливо с твоей стороны, – промурлыкала Лисандра. – Мог бы и пригласить, все-таки мы были очень близки... Разве я могла пропустить такое событие! Вот, пришла принести поздравления молодожёнам!

– Убирайся! – Никогда еще я не видела своего магистра таким – опасным, угрожающим. Он, и без того высокий, словно ещё сильнее распрявился, стал шире в плечах. В голосе звенел металл, хотя остальные гости – и даже король! – явно боялись молвить и слово.

– Куда? Не в ту ли глушь, куда по твоей милости меня сослали? – Лисандра откровенно насмеялась. – Кстати, спешу тебя огорчить. Я нашла другое местечко. За пределами этой страны. Там, где талантливые маги, не обремененные оковами морали, ценятся больше. Отправляюсь уже сегодня... Жутко тороплюсь. Но не могу уехать, не закончив одно дельце.

При её последних словах стоявший по левую руку от Лисандры громила выхватил нечто похожее на жезл с короткой ручкой и алым навершием и нацелил его на Ренмара. Навершие полыхнуло, я закричала от страха, а Ренмар выкрикнул заклинание. Мордоворот упал – но Ренмар упал тоже. Я снова закричала. Боги, мой магистр!

Хлыст Лисандры взвился в воздух, ударил о пол со звуком пистолетного выстрела и снова взвился – чтобы со скоростью нападающей кобры устремиться в мою сторону.

Вокруг ахнули, толпа отхлынула в разные стороны, как море, расступившееся перед Моисеем. Я зажмурилась, призывая магию, хотя чем погодная магия поможет в помещении? Молния не ударит ведь с потолка зала, каким бы высоким этот потолок ни был.

Но вместо ожидаемой боли и треска распарываемой кожи – моей кожи – я услышала визгливые крики:

– Отпустите меня!

Я распахнула глаза.

Меня окружала загадочная белоснежная дымка, от которой веяло чем-то родным и знакомым. Но видеть окружающее она не мешала, и я с изумлением обнаружила, как взявшиеся словно из ниоткуда бравые парни в чёрной форме, которым до полноты образа не хватало только нашивок с надписью «Охрана», укладывают Лисандру лицом в пол, заводят ей руки за спину и защёлкивают на них что-то очень похожее на наручники. Обоих громил тоже уже упаковали и уводили из зала.

Ренмару помогли встать. Он сразу бросился ко мне, схватил в объятия, ощупал, словно не доверяя собственным глазам:

– Ты в порядке?

– Да, а ты? – Я вцепилась в него со слезами облегчения на глазах.

– Слава Мерлину.

– Кто эти люди? Разве Лисандра не вывела охрану его величества из строя?

– И впрямь... – Он оглянулся, и там, куда он смотрел, я увидела Алекса, скромно улыбнувшегося и помахававшего нам рукой.

Рядом с ним стоял высокий мужчина в форме. Он позёвывал, потирал глаза и вообще выглядел слегка виноватым, продолжая при этом командовать подчинёнными.

– Так и есть, – подытожил Ренмар. – Похоже, пока Лисандра делилась своими планами, Алекс сообразил выскользнуть из зала и привел парней в чувство. Думаю, с помощью заклинания пробуждения. Это, кстати, наша новая разработка, снимает любое воздействие на сон. Можно считать, испытания на добровольцах проведены. – Он усмехнулся, давая понять, что последняя фраза – всего лишь шутка.

– Что теперь с ней будет? – Я проводила взглядом лепечущую оправдания Лисандру. Она потеряла теперь весь апломб и даже как будто стала меньше ростом. Мужчины в форме безразлично придерживали её с обеих сторон.

– Сомневаюсь, что ей простят подобную выходку. Если раньше её ждала просто работа в отдалённом поселении, то теперь, подозреваю, это поселение станет ещё более отдалённым... и, скорее всего, за высокими глухими стенами, из которых она не выберется в течение ближайших лет десяти, а то и дольше.

– И слава Мерлину! – выразилась я от всей души. И только тут вспомнила о загадочной дымке, которая уже рассеивалась. – А это что такое? Эта штука, словно кокон вокруг меня, и защитила от магии Лисандры. Это тоже охрана его величества?

– О нет. – Ренмар приосанился. – Это, моя дорогая, магия нашего дома. Ты стала моей женой, поэтому находишься под защитой дома Дарквилей. Тем более ты в его стенах. Лисандра об этом не знала. По правде говоря, я тоже удивлён, что предки приняли тебя так скоро... но это доказывает, что я не ошибся.

Он улыбнулся, и эта улыбка словно смыла с моего сердца весь пережитый испуг и все тревоги. Ренмар прав: он не ошибся, и я не ошиблась тоже, и даже само моё попадание сюда было не ошибкой и не случайностью, а самым настоящим провидением, даром богов.

И в этот самый миг снова заиграла музыка. Ренмар предложил мне руку, и я вложила свою ладонь в его. Вместе мы снова вышли в центр зала и, под восхищённые перешёптывания и аплодисменты, встали друг напротив друга: я, обвив рукой шею Ренмара, и он, крепко сжав мою талию.

Так и надо. Никакая Лисандра не испортит ни нашу свадьбу, ни нашу дальнейшую жизнь.

Глава 33

Когда бал отгремел, а гости, пьяненькие и весёлые, отправились по домам или по гостевым комнатам нашего замка, мы с Ренмаром оказались вдвоем в нашей опочивальне.

Я огляделась вокруг. В этой комнате я ещё не бывала, в экскурсию по замку спальню не включили. Видимо, потому, что это должно было стать для меня сюрпризом.

И стало.

– Мда-а, – глубокомысленно сообщил мой муж. – Прости, кажется, Фредерик немного перестарался.

Немного – это было ещё мягко сказано.

Буквально всё здесь словно кричало о том, что сегодня в этой спальне состоится первая брачная ночь. Кровать, увитая белоснежным пологом, такое же белоснежное накрахмаленное бельё, лепестки роз тут и там, на столике перед кроватью – клювик к клювику два серебряных соловья.

И – как венец всего – в комнате стояла белая ширма, а рядом с ней на вешалке висела пышная ночная сорочка. Сорочка эта, хоть и сделанная из очень красивой нежной ткани, была такой длинной, что я, наверное, могла бы использовать её как спальный мешок. И по сексуальности со спальным мешком она тоже могла бы вполне поспорить.

Видимо, предполагалось, что стыдливая новобрачная переоденется за ширмой и тут же юркнет в постель. И только после этого к ней присоединится супруг. И, если ему повезет, к утру даже сможет извлечь свою жену из мешка на предмет супружеской страсти.

– А что, – я сделала шаг к ширме, – мне даже нравится. Надеюсь, в сорочке прорезана дыра, чтобы ты не увидел меня голой?

– Если ты попытаешься надеть этот ужас, я разорву его на тебе голыми руками, – пообещал Ренмар, выхватил сорочку, когда я уже протянула к ней руки, скомкал и отбросил в дальний угол.

И развернул меня к себе спиной.

– О, – выдохнула я, чувствуя, как быстро он ослабляет шнуровку. – Это какая-то древняя традиция, которая велит мужу снимать свадебное платье?

– Это новая традиция, которая велит мужу снимать с жены любое платье. – Горячее дыхание обожгло мне спину. Сначала дыхание, а потом – поцелуй.

Тело прострелило огненным разрядом. Голова закружилась, как от шампанского, хотя во время бала я лишь немного пригубила.

Ренмар этого не упустил.

– Что такое? – спросил он бархатным голосом. – Тебе нехорошо? Может, просто ляжем спать?

С последними его словами свадебное платье белоснежным облаком упало к моим ногам.

Я развернулась и принялась сама избавляться от нижнего белья. Ренмар не спускал с меня обжигающего исступлённого взгляда, но стоял смирно, не говоря ни слова и не делая попытки мне помешать. Внутри у меня бурлила лава. Было очень трудно сохранять спокойствие, не смутиться под пристальным взглядом. Но я расстегнула последний крючок, и нежный шёлк стёк по моему телу вниз.

Резкий выдох Ренмара стал мне наградой за выдержку. Выдох и та ярость, с которой он сгрёб меня в объятия, с какой поцеловал – так жарко и исступленно, словно мы были разлучены на целую вечность, а не провели этот день вместе. Горячий требовательный язык словно зажёг во мне новую волну пожара. А когда Ренмар наклонился и, будто подразнивая меня, коснулся кончиком языка моей груди, то всё тело пронзил такой сильный спазм невыносимой сладости, что у меня в буквальном смысле подкосились ноги.

Мой муж подхватил меня на руки и бережно уложил на постель. Навис надо мной и снова ощупал жадным тёмным взглядом всё тело, с головы до ног. Я не закрывалась, хотя его взгляд по-прежнему смущал меня... каждый раз как впервые.

– Ты самая красивая женщина, которую я когда-либо видел.

Самая! Это на миг вырвало меня из блаженной дымки предвкушения. Я приподнялась, опираясь на локти, и гневно сощурилась.

– С этого дня я твоя единственная женщина, попрошу запомнить!

Ренмар ничуть не смутился, лишь улыбнулся, широко и нахально. Снова коснулся губами моих губ и нежно прошептал, опрокидывая назад на подушки:

– С самого первого дня... как только я тебя увидел, моя маленькая демоница.

Его ласки становились все жарче, все бесстыдней. Я остро ощущала каждое прикосновение, его учащенное дыхание, его губы и руки. И наконец, не выдержав долго этой сладкой пытки, сама потянула его на себя, оплела ногами бёдра... и с томительным трепетом, откликаясь всем телом, почувствовала, как Ренмар медленно, будто наслаждаясь каждой секундой, проникает внутрь меня. Его плоть скользила, раздвигая туго сжимающиеся мышцы, и каждое такое сжатие рождало во мне очередную волну наслаждения. А когда Ренмар обнял меня и задвигался быстрее, наслаждение стало совсем запредельным, и я то всхлипывала, то стонала, то, кажется, кричала что-то совсем нечленораздельное...

О, если эти крики из спальни новобрачных слышали слуги, боюсь, образ нежного цветочка-невесты разлетелся в эту ночь на мелкие осколки.

Туда ему и дорога.

– И кстати, – сказал Ренмар, когда мы немного отдышались. Я лежала, обессиленная, и чертила невидимые узоры пальцем на его груди. – Я ведь еще не сделал тебе свадебного подарка. Требуй все что хочешь – я исполню любой каприз.

Я помолчала совсем недолго, прежде чем произнести вслух свое настоящее заветное желание.

– Я хочу домой.

Эпилог

Я шла по тротуару, всей грудью вдыхая городской воздух – с примесями выхлопных газов, с запахом выпечки из пекарни за углом; словно музыку, слушала гул моторов, звяканье трамваев и даже матерщину двух подвыпивших мужичков у киоска с квасом. Дома, наконец-то дома! Как ни прекрасен был тот мир с величественными замками, девственными лесами и чудесными магическими штуками, все-таки мой дом здесь.

Впрочем, если говорить о магических штуках, нельзя сказать, что все они остались в том мире. Кое-что перенеслось сюда вместе со мной. Я воровато огляделась по сторонам.

Паренёк замешкался на светофоре, отвечая на телефонный звонок, и тут же внезапно налетевший ветер сорвал бейсболку у него с головы и потащил её по тротуару. Паренёк смешно взмахнул руками и, забыв о разговоре и о том, что собирался ступить на «зебру», полетел догонять беглый головной убор.

Я тихонько рассмеялась. Так ему! Не будет болтать по телефону, когда переходит улицу.

Внутри пузырьками шампанского бурлила остаточная магия.

– Это очень опасно, сейчас же прекрати, – буркнул мне на ухо Ренмар. – В твоём мире магия не принята. Вдруг кто-то заметит? Это будет выглядеть подозрительно.

Ну конечно! Напрасно я думала, что можно шалить безнаказанно... За мной присматривают! Когда мой муж включает режим «строгий ректор», он просто неотразим. Меня так и подмывает спросить: «И что же теперь, я буду наказана?» – и посмотреть, как темнеют его глаза и учащается дыхание. Но делать это посреди города все-таки жестоко. Поэтому я говорю совершенно другое:

– Ты ещё только две недели как женатый человек. Когда ты успел стать таким занудой?

– А ты слишком беспечна! – говорит он строго, обхватывает меня за талию и притягивает к себе. И уже совсем другим, хриплым голосом добавляет: – А еще ты очень голая!

Блеск в его глазах становится чересчур плотоядным... Да уж, а я наивно предполагала, что, если не буду его провоцировать, мы хоть недолго побудем чинным и благородным семейством. Без глупостей.

Очень голая... Вот же феодал! На мне топик и короткая юбка. На улице жара! Конечно, по сравнению с серым платьем, которое я была вынуждена носить в академии, этот наряд... ну, пожалуй, и правда несколько открытый. Но уж точно я не голая!

Идею провести свадебное путешествие в моем мире мой любимый супруг сначала воспринял в штыки. Даже слушать не хотел! Но он опрометчиво пообещал мне любой подарок, так что все остальное было лишь делом времени.

В принципе, путь в мой мир уже давно был найден, переместить домой меня и вернуть обратно не составляло особого труда. С тем, что приходится стоять в чем мать родила и мерзнуть, в то время как иголки колют куда ни попадя, я уже смирилась... А раз я это терпела – вытерпит и он, верно же? Но вставать в центр ритуального круга Ренмару не очень хотелось. И тут я его понимала. Одно дело – самому управлять ритуалом, и совсем другое – доверить свое брэнное тело кому-то ещё.

Но вскоре он сдался. Уж не знаю, что повлияло на это больше: мои уговоры долгими ночами или его собственное любопытство, которое я старательно подогревала рассказами, но уже неделю мы здесь.

Нам повезло. Когда мы голышом материализовались в моей комнате, дома никого не было. Представляю, что было бы, если б мы материализовались из ниоткуда прямо на глазах у родителей. Или у братишки... Но боги удачи были на нашей стороне: я даже успела обрядить Ренмара в старые «дачные» вещи отца! Мы выскользнули из дому и отправились за покупками.

Мои родители вполне удовлетворились объяснением, что мой жених иностранец и бизнесмен. А сам «иностранец и бизнесмен» поначалу с таким интересом и удивлением рассматривал кухонную плиту, телевизор и стиральную машинку, словно он не из-за границы приехал, а с луны свалился.

И теперь мы каждый день словно на экскурсию ходили по городу. Больше всего моего супруга восхитил кинематограф, так что кино – обязательная часть экскурсионной программы. В особо удачные дни мы успеваем посмотреть по три-четыре фильма. Причем Ренмару совершенно безразлично, что там идет, мультфильм или кровавый боевик, самое главное, чтобы было 3Д. По-моему, он строит очередные планы по тому, как потрясти его собственный мир новым невероятным изобретением...

Сгущаются тучки, и одна-единственная, но очень крупная капля падает Ренмару на макушку.

– – Я не голая! А ты сейчас станешь мокрым!

Новая капля падает ему на нос.

– Сдаюсь! – со смехом признает он. – Ты совершенно одета! Только давай пойдем быстрее... Мы опоздаем на сеанс!

– Ну и что, пойдем на следующий... – Я точно знаю, что не опоздаем, но это же такое удовольствие – поддразнить любимого мужа.

– Нужно успеть на этот!

Так, перебрасываясь репликами, мы добежали до кинотеатра – и успели вовремя. Наши билеты – на последний ряд. Зал почти пуст: мало кто ходит в кино в будни, да еще и в обеденное время.

Свет погас, и фильм начался. На этот раз у нас в программе романтический фильм... Ну и отлично, хоть не ужасы! Я уже успела увлечься историей, когда почувствовала легкое касание в районе колени. Вздрогнула, но его руку не убрала.

Горячая ладонь скользнула вверх по ноге, чтобы нырнуть под юбку. Еще одно движение, и мое дыхание сбивается – сильные пальцы уже нежно поглаживают тонкую шелковую ткань трусиков. Сперва осторожно касаются, словно он ждет, не будет ли сопротивления, а потом уже проходятся по-хозяйски, уверенно.

В прохладном зале кинотеатра меня бросает в жар. Горячая волна удовольствия прокатывается по всему телу и скапливается внизу живота.

– Не здесь же... – шепчу я прерывисто. Напрасно, потому что Ренмар продолжает ласкать меня, и против желания с моих губ тут же срывается негромкий стон. Надеюсь, что никто, кроме мужа, меня не услышит...

В следующий миг, словно запоздалая попытка запечатать мне рот, Ренмар целует меня. Целует так же жадно и требовательно, как в тот первый раз... Я отвечаю, оставив попытки сопротивления. Хватаю Ренмара за шею и сама притягиваю к себе.

И тут вокруг нас сгущается тьма. Что это, мне показалось? Да нет же! Серое заклинание! Лицемер! А кто меня только что отчитывал за применение магии? И сам же!..

Но разозлиться всерьез у меня не получается, потому что в эту секунду его пальцы мягко, но уверенно скользят под шелковую ткань, и мне приходится закусить губу, чтобы не застонать ещё громче. Острое, почти болезненное удовольствие разливается колкими мурашками. Ренмар наклоняется ко мне, легонько прикусывает мочку уха и шепчет, опаяя меня дыханием:

– На нашей свадьбе ты обещала быть моей всегда и везде... Так что и здесь тоже.

Я не считаю это хорошим аргументом, но спорить не могу: все мои мысли и чувства уже сосредоточены в одной точке – там, где движутся

его пальцы. Еще несколько мгновений – и что-то взрывается, рассыпая по всему телу искры наслаждения.

И я выдыхаю или выстанываю:

– Согласна. Всегда и везде.

В оформлении использованы фотографии, купленные на стоке shutterstock.